

Алексей Яшин

ДЕКАФ

*Городу Воинской славы
Полярному — колыбели
Краснознаменного Северного
флота и Полярной средней
школе № 1 им. М. А. Погодина
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

*Стела на вершине господствующей над Ека-
терининской гаванью сопки; варварски взо-
рвана в «хрущевщину»...*

Памятник генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину перед фасадом Циркулярного дома; снесен в «хрущевщину»...

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

ДЭКАФ

Северные повести

(Шестая книга рассказов Николая Андреевича)

Москва
«Московский Парнас»
2013

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. Дэкаф: Северные повести (шестая книга рассказов Николая Андреяновича) / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2013.— 299 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978.5.73301.06.633

«Московский Парнас» представляет читателям в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» двадцать четвертую по счету книгу известного современного русского писателя Алексея Яшина, главного редактора дружественного «Московскому Парнасу» всероссийского журнала «Приокские зори». Она же — эта книга — шестая из цикла «Рассказы Николая Андреяновича», включающего в себя романы, повести и сборники рассказов с автобиографической доминантой.

Интрига названия «Дэкаф» раскрывается просто: это разговорное на флоте ДКФ — Дом командиров флота. И хотя после войны ДКФ переименовали в ДОФ'ы — Дома офицеров флота, в бытность времени повествования настоящей книги их называли по старинке...

А вот связь дэкафа города Полярного, до начала 60-х годов являвшегося «столицей» Северного флота СССР, и персонализированного героя книги Николая Андреяновича в юности — самая прямая, ибо он, учась в последних классах школы, одновременно два года проработал электриком в дэкафе.

«Дэкаф» — не просто воспоминания автора о своей юности в Заполярье; это живая картина того славного времени, могучего, океанского советского флота, жизни моряков и «штатских» в местах, где девять месяцев зима... Это и книга о взрослении человека в тех экстремальных условиях, книга об оптимизме и социальной гармонии. Такие произведения полезно иной раз сейчас почитать на сон грядущий, устав за день от бестолковщины современного бытия. Сон будет крепкий и радостный.

На обложке: картина А. А. Осмеркина «Красная гвардия в Зимнем дворце», 1927 (Из собр. Государственного русского музея).

Фото в тексте автора, Е. Бивейнис, А. Ямаи, Н. Чернякова и из альбомов на сайте www.zatopol.ru

© Яшин А. А., 2013

© Яшин А. А., художественное оформление, 2013

© Ханбеков Л. В., Предисловие, 2013

© Шафран Я. Н., Баланик М. Г., Эпилог, 2013

К ЧИТАТЕЛЮ

Итак, перед вами, уважаемый читатель, двадцать четвертая по счету книга Алексея Яшина и шестая из цикла «Рассказы Николая Андреевича», то есть персонифицированного героя автора.

В своем очерке о творчестве Алексея Яшина* я писал: «Естественно, все типажи, с которыми общается, наблюдает происходящее вокруг Николай Андреевич, это во многом *альтер эго* самого Алексея Афанасьевича».

Но, как и автобиографические книги Льва Толстого, Максима Горького, Гарина-Михайловского, Чапыгина, Федора Гладкова и многих, многих других русских и советских писателей, «рассказы Николая Андреевича», облаченные в форму романов, повестей и тематических книг рассказов, вовсе не являются, собственно, мемуарами и воспоминаниями, поданны-

* Ханбеков Л. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008 (Серия «Созвездие России»); очерк также вошел в книгу: Ханбеков Л. Собрание сочинений. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.— С. 62—145.

ми в литературно-художественной форме. Да какие мемуары, если действие некоторых книг цикла, например, романа «Сны и явь полковника Хмурова», происходят в наши дни!

В то же время само название цикла не является неким эвфемизмом, условностью. Все дело в том, что автор, «специалист» по введению в обиход новых литературных форм, и здесь соригинальничал: разнес по времени, по сюжетам оценку бытия страны за 50—60 лет «со стороны» героя повествований, взрослеющего за тот же период времени.

...Это несколько мудровато, как бы сказал Маяковский, но бьет прямо в цель, достигая весомого художественного эффекта. А это есть задача и сверхзадача литературы. Тем более, классической русской и советской, продолжателями которой мы являемся. Мы — это думающие и пишущие.

Однако — к шестой книге «Рассказов Николая Андреевича». Интригующее название ее расшифровывается просто: дэкаф — это от разговорного произношения аббревиатуры ДКФ — Дом командиров флота. До Великой Отечественной войны слово «офицер» не употреблялось в военной и гражданской лексике, были командиры. Как вместо солдат и матросов в строю находились красноармейцы и краснофлотцы.

Офицерами командиры стали с возвращением погон и переименованием Красной армии в Советскую. Соответственно, ДКФ'ы переименовались в ДОФ'ы — дома офицеров флота, сохранившие статус гарнизонных культурно-воспитательных центров со смешанным военным и

гражданским персоналом и атрибутом воинской части.

...Как пишет сам автор, моряки — самый консервативный в мире народ и очень неохотно меняют свою лексику, привычки и все прочее. «Никогда матрос не снимет бескозырку насовсем», — как поется (пелось то есть) детским хором. Понятно, что носить на убеленной сединами голове бескозырку на улицах мегаполисов мало кто рискует: можно и в Кашценку угодить — хотя бы на профосмотр. Но редко кто из бывших мореманов не носит тельняшку, пренебрегая брезгливо иными фасонами маек...

Так что дэкаф — не сорт виски или химических женских духов, а бытовавшее едва ли не до окончания предыдущего века во флотских городах название гарнизонных очагов культуры.

Разобравшись с этимологией названия книги, перейдем в настоящем предисловии собственно к оценке новой повести Алексея Яшина; или повести в рассказах. Кому как больше нравится.

Несмотря на то, что основное действие здесь происходит в ограниченных рамках электрохозяйства дэкафа, которым ведает Николай — тогда еще не Николай Андреевич — ежедневно с четырех часов пополудни до десяти-одиннадцати вечера, перед читателем предстает достаточно полная картина тогдашней жизни советского флота, как говорится, на море и на суше. А главное — взросление юноши и обретение им собственного мировоззрения в рамках обстоятельств и окружающего его мира. Тем более — мира военно-морской дисциплины и холодной Арктики. ...Но такой теплой, доброжелательной и оптимистичной в душах людей.

Лев Толстой на восьмом десятке лет своей жизни неоднократно возвращался к мысли, что детство — самая незабываемая, счастливая пора любого человека. Она же безвозвратная. Во времена Толстого, равно как и в наши дни, люди взрослели быстро, потому и детство их заканчивалось скоро. Также малыми временными рамками ограничивалась юность. Человек очень скоро вступал во взрослую жизнь.

«Золотые» и сытые шестидесятые-семидесятые годы советской эпохи — редчайшее исключение. Детство со всеми присущими ему атрибутами затягивалось, пересекалось с юностью, также запаздывающей. Так и главный герой «Дэкафа» в свои шестнадцать-семнадцать лет — вполне взрослый человек. Он все умеет делать руками, что растут из нужного места, сам из себя статный, ростом за отметку метр-восемьдесят. В голове крепко сидят почти все книги солидной районной библиотеки, прочитанные им. Уверенно читает книги по физике и радиотехнике с дифференциальными и интегральными формулами, что далеко за «порогом» школьной программы...

И тем не менее Николай, как и многие его сверстники, живет образами затянувшегося детства. Как князь Мышкин в бессмертном романе Достоевского, для которого добро и зло в человеке не пересекаются, не соседствуют, а все коллизии жизни воспринимаются одновременно отстраненно и болезненно. ...Даже не отстраненно, а *остраненно*. Так правильнее. По Достоевскому.

Избави, бог, подумать, что такое затянувшееся детство суть инфантилизм. Ведь именно

это поколение, повзрослев, завершило создание сверхдержавы СССР. Но остатки своеобразной «детскости» и подставили это повзрослевшее поколение, доверчивое к людям и брезгливое к пакостям, в конце 80-х годов под интриги агентов влияния Запада, разрушивших великую страну...

Но это все впереди для старшего школьника и электрика дэкафа. Такого расклада ему и в самом страшном сне не могло привидеться.

Как ребенок, мальчик не удивляется при случайной встрече с очень высокопоставленным или чем-то знаменитым человеком, при виде которого даже серьезные взрослые люди вытягиваются «в струнку» или приторно любезничают, так и уже взрослый парень Николай мало чему удивляется. Центральный пост его сложного хозяйства в дэкафе — электробудка под сценой большого кино-концертного зала. В «жилой» части электробудки все по-домашнему: письменный стол, полочка с учебниками, диванчик, одежный шкаф.

Кто только не заходит к Николаю вечером, особенно если на сцене идет спектакль или концерт самых именитых гастролеров на Северном флоте! — Капитаны первого ранга в полном параде при кортиках, московские и ленинградские музыканты, певцы. Во всех театрах и клубах страны традиция: у электрика есть стакан, и никто не помешает тяпнуть сто граммов «для голоса». А поэты с писателями из самых именитых, творчество которых Николай изучает в школе на уроках литературы — тоже нередкие гости электробудки...

И адмиралы, командиры эскадр подводных лодок, приветливо кивают Николаю и сторонят-

ся, когда тот с монтерской лестницей обходит этажи дэкафа, заменяя перегоревшие лампочки в светильниках.

...Одно только огорчает гостей электробудки: не составляет юный электрик им компании — не пьет по молодости и воспитанию. «Древние греки, Николка, вкуса вина не знали до тридцати лет», — поучает сына бывалый отставной мореман Андреян Матвеевич, он же его начальник в дэкафе — старший электрик. Добродушно поучает после третьей стопки, столь редкостной во владениях Северного флота — зоне полного сухого закона: от Североморска до Земли Франца-Иосифа, на которой расположилась усиленная дивизия первого удара по натовским базам в Исландии...

В гостевой половине электробудки Николай делает уроки, читает книги, принимает гостей: капитанов всех рангов, гастрольных артистов, музыкантов, поэтов, но чаще — своих одноклассников. Последних — без просьб о стакане. Их отцы, морские и сухопутные, тоже уважают древнегреческие порядки.

Оркестровая яма перед сценой — тоже хозьяйство Николая. Здесь он отдыхает от трудов праведных: смотрит фильмы по интересу, гастрольные спектакли и концерты. Балеты тож.

Но когда все перегоревшие лампочки в дэкафе заменены, концертов на этот вечер нет, фильм идет уже вторым прокатом и уроки сделаны, Николай идет в свою святая святых — обширный подвал без окон, вырубленный в граните: его мастерская, она же — склад электрохозяйства. Часами он канифольно дымит паяльником. Всегда дело найдется. Заказ от самого

начальника дэкафа, черномундирного подполковника: соорудить к Новому году устройство для мигания елочных гирлянд и ритмичного переключения прожекторов, освещающих большой танцевальный зал с той же елкой.

К октябрьским праздникам столяр загромождает мастерскую Николая полутораметровыми, сколоченными из дюймовых досок буквами, в совокупности своей составляющей слова: «ОКТЯБРЮ — 48 ЛЕТ!» А Николаю следует установить на этих буквах под сотню патронов с лампочками. Отдельно заказы от отца: сделать новое зарядное устройство для аккумуляторов, придумать и также сгюзить конденсаторную батарею для питания трехфазного движка с абразивным кругом на валу от двухфазной сети.

Это все обязаловка по работе. А вот истинное удовольствие для сердца, головы и рук — это мастерение передатчиков, транзисторных приемников, электронных телеграфных ключей. Ведь Николай — активный радиолубитель, конструктор и связист.

И неперенный атрибут романа присутствует — первые любовные чувства.

...Мы увлеклись и почти что пересказываем содержание предвараемой книги. Но вовремя остановимся, отсылая к ней заинтересованного читателя, ответив только на вопрос вопросов, возникающий непременно при чтении любого произведения: для какого читателя «Дэкаф» в наше время? — Скудоумное, бездуховное, торгово-воровское.

Явно не для сверстников героя книги. У них уже и мышление компьютерное, цифровое.

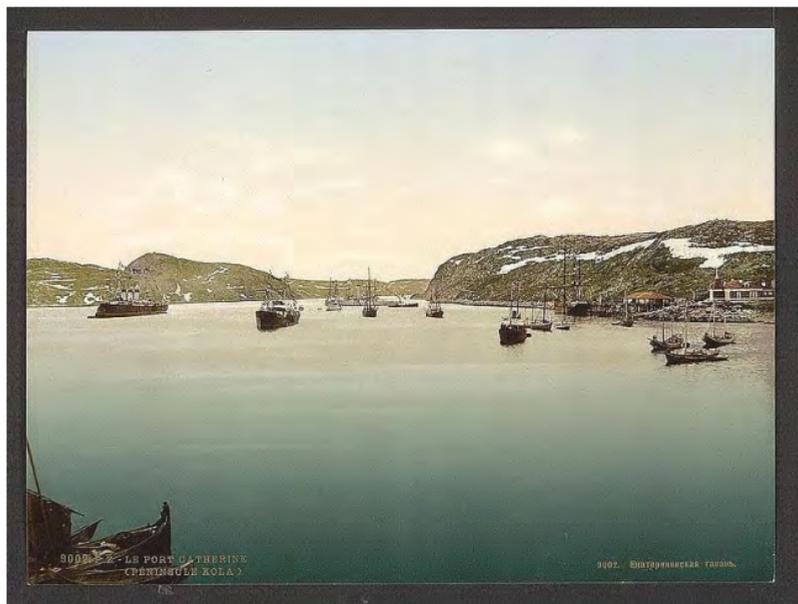
А главное — они все написанное сочтут чистой выдумкой: как это можно было жить без «компа», долларов, податливых с четырнадцатилетнего возраста одноклассниц, без великой мечты свалить за бугор из этой «рашки» или стать владельцем бензоколонки? Не поймут даже «ботаники» в очках и строго воспитанные в семьях одиннадцатиклассницы и студентки-первокурсницы. Они просто не знают реалий жизни своих соотечественников до середины 80-х годов прошлого века.

Так можно перечислять и далее по возрастным группам: кто трудится от зари до зари, обеспечивая кров и хлеб своим семьям, кто, выйдя на пенсию, с трепетом ждет конца месяца с ворохом квитанций об оплате в почтовом ящике. Не менее радостна классификация и по профессиям, образовательному уровню и пр.

Нет, статистика здесь не поможет. Но все же читатели непременно найдутся. Ибо русская литература еще жива, а литературный процесс не может замкнуться на самих пишущих, что есть нонсенс.

И в заключении: вторая повесть книги — «Серебряная ложка» тематически дополняет «Дэкаф», связана с ней близким местом действия и общим героем повествований: моряком-североморцем Андреяном Матвеевичем, отцом Николая. Только время действия — Великая Отечественная война. Война в Арктике...

Леонид Ханбеков

Екатерининская гавань города Александровска — будущего Полярного; здесь в 1916—1917 гг. стоял на рейде геройский «Варяг» — флагман Флотилии Ледовитого океана (с открытки начала XX в.)

Первая улица нового города Александровска, названного в честь императора Александра III, первым определившим будущий город как главную военно-морскую базу Флотилии Ледовитого океана (с открытия начала XX в.)

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОЦМАНА

◆ Большой противолодочный корабль «Адмирал Гремихин»* уже вторую неделю нес дежурную вахту в Северной Атлантике, выслеживая и сопровождая американские стратегические и ударные атомные подводные лодки.

На дворе стояла еще холодная в этих широтах первая половина мая-месяца, но солнце уже не заходило за небосвод. Довольно занимательное зрелище: огромный крейсерский корабль казался в шесть утра абсолютно безлюдным: ни одного признака жизни на палубах.

Тем не менее корабль, с виду безлюдный, мчался по курсу норд-ост со скоростью пассажирского поезда. Во всех внутренних отсеках четко несли службу матросы, старшины и офицеры дежурной команды, каждый в своей боевой части согласно корабельному расписанию. Гидроакустики прильнули к экранам своих аппаратов. В полной боевой готовности находились торпедисты у атомных и обычных торпед, а также ракетчики у стеллажей с подводными крылатыми ракетами. В кормовом отсеке несли вахту «бомбисты», расположившись вдоль транспортеров с бочками глубинных бомб.

В своих рубках на дежурстве находились боевые части всей той «арматуры», что был обвешан корабль для надводного боя с кораблями

* Название вымышленное. Им мог быть любой из кораблей этого класса. А их числилось в реестре Северного флота на момент описываемых событий, то есть начала 1980-х годов, пять единиц.— Прим. авт.

противника и его же авиацией — всевозможными типами ракет, пушек и систем залпового огня.

Со стороны для незнающих людей корабль смотрелся как огромная муха, а точнее — пчела, собравшая полный взяток и возвращающаяся в улей вся обсыпанная чем угодно. Тем не менее, каждый винт или болт исполнял на корабле свою самую важную для него роль.

◆ Вот и появились первые жители корабля. На палубу поднялся из капитанской рубки командир корабля, капитан второго ранга, проще говоря по-флотски, кавторанг, моложавый сорокалетний Евтеев Вадим Сергеевич. Тотчас же строевым шагом со стороны рубки полубака к нему подошел, отдавая на ходу честь, боцман корабля, или иначе говоря, главный корабельный старшина Анисимов, в разговорном корабельном языке Анисимыч.

Но командир, ввиду безлюдства палубы и давних служебно-приятельских отношений с боцманом, махнул ему рукой: дескать, не козыряй. Командир непонятно виноватым голосом сказал боцману:

— Понимаешь, Анисимыч, позволил себе сегодня минуток пятьсот поспать. Устал очень за двое предыдущих суток. Так что старпом за меня отдувался. А ты чего не спишь, тебе по регламенту положено?

— Так ведь, товарищ командир, хозяйство какое огромное, — и боцман правой рукой обвел всю палубу, боевые рубки и зачехленное оружие надводной части. — Дозвольте полюбопытствовать, товарищ командир, что это мы так рано на свою базу идем? Нам ведь еще неделю дежурить?

И хотя боцману не полагалось знать боевых задач корабля, командир все же охотно рассказал:

— Понимаешь, Анисимыч, мы сейчас идем на хвосте «двойного доллара».

Боцман понимающе кивнул. «Двойным долларом» называли в советском флоте атомную стратегическую подводную лодку «Джордж Вашингтон», портрет которого красуется на однодолларовой купюре. Если в советском флоте подлодки не имели именных названий, а назывались по трехзначному номеру проекта, то у американцев лодки все с фамильными названиями. Причем они именовались так: лодка такая-то типа такой-то, причем в качестве типа такой-то указывалась подлодка, первая в данной серии. Причем «долларов» было изготовлено пять штук, а «двойной доллар» открывал эту серию, поэтому именовалась подлодка «Джордж Вашингтон» типа «Джордж Вашингтон». Вот отсюда и название «двойной доллар».

◆ До побудки отдыхающего экипажа корабля оставалось еще полчаса. Командир посмотрел на часы — подарок командующего флотом и, чем-то обеспокоившись, поинтересовался:

— А где наш Федор? Как он сегодня поработал?

Услышав свое имя, из-за первой рубки вышел кот Федор: огромный, рысьей раскраски, он почтительно подошел к командиру и боцману и присел строго по ранжиру справа от боцмана. Он четко различал своих командиров. Хотя командир и боцман были одеты в одинаковые демисезонные офицерские шинели, на головах имели такие же одинаковые фуражки, оба были в усах, но Федор их хорошо отличал: командир помоложе, построить-

нее, а боцман — как сундук. К тому же у боцмана на погонах было три звезды старшего мичмана, но маленькие и в один ряд, а у командира всего две, зато большие и поперек погон.

Боцман Анисимов похвалил кота Федора, как своего непосредственного подчиненного:

— Товарищ командир, Федор-то сегодня отличился: задавил сразу шесть крыс! Я видел, как наш кот их всех выложил у борта полубака, а потом сбросил их лапами в море.

— А кто же его научил так, а, Анисимыч?

— Да это, товарищ командир, я его за два года так выштудировал. Помните, в прошлом году, когда метровый снег выпал на палубу? Так он, кошачья душа, через снег повыбрасывал крыс за борт! Как генерал Барбакадзе.

Здесь оба рассмеялись, вспомнив анекдот, рассказанный три года назад только что прибывшим на корабль еще молодым лейтенантом Шалвой Барбакадзе.

◆ Когда лейтенант Барбакадзе прибыл на корабль, тот стоял на рейде в Североморске. Именно поэтому командир разрешил «прописку» нового офицера в кают-компании. Шалва расстарался: выставил на стол несколько бутылок коньяка и водки, а кок Афромейч приготовил соответствующую закуску.

Выпили, познакомились с новым членом экипажа, а потом перешли, как и принято во флоте, к анекдотам. Барбакадзе порозовел и сказал:

— А вы знаете, товарищи офицеры, у меня очень неудобная для Грузии фамилия.

— Почему? — заинтересовались офицеры.

— А потому, — ответил лейтенант, — что у нас в Грузии после войны появился анекдотиче-

ский персонаж — комдив генерал Барбакадзе. И возникло много анекдотов о нем.

Персонаж этот, конечно, вымышленный, все анекдоты рассказываются якобы от его лица: хвастун, гуляка, любитель застолья и женщин. Вот для примера один анекдот. Генерал Барбакадзе рассказывает:

— В феврале сорок третьего года на всем советско-германском фронте выпал трехметровый снег. Все боевые действия приостановились. Самолеты не летают, танки не идут, пехота не воюет.

Я тоже отдыхаю в своем дивизионном блиндаже. Справа на генеральское плечо медсестричка голову положила, слева — связисточка. Я играю на гитаре, пою романсы. На столе генеральский грузинский коньяк и хорошо приготовленная селедочка. Вдруг — звонок телефона.

Я подхожу. Беру трубку и слышу голос: «С вами говорит Поскребышев, секретарь товарища Сталина. Сейчас с Вами будет говорить сам товарищ Сталин».

Я мигом выгоняю девок в предбанник блиндажа. Становлюсь по стойке «смирно» и, с волнением в голосе, говорю: «Слушаю Вас, товарищ Сталин». И в ответ: «Товарищ Барбакадзе! На вас одна надежда. Надо срочно из первых уст узнать планы немецкого командования на весенне-летнюю кампанию этого года. Об исполнении — доложить». — И Сталин положил трубку.

Я за руку втаскиваю из предбанника связисточку и сажаю за телефон: вызывать моих молодцов-разведчиков. Через десять минут являются и они, все в снегу. Объясняю задачу, а они говорят: «Товарищ генерал! Как же мы

пойдем, если все кругом покрыто снегом?» А я им говорю: «Вы только ордена умеете получать и водку пить! Идите... Сам в разведку пойду».

Надел я ватные шаровары, валенки, полушубок и шапку. Взял компас, чтобы не ошибиться, где запад, вышел из блиндажа и, как крот, двинулся под снегом, разметая его руками.

Сутки ползу, двое, потом счет времени потерял. Ну, думаю, замерзну, но приказ товарища Сталина выполню.

И вдруг, смотрю — крышка люка. А из-за края крышки виден свет и слышна немецкая речь.

Осторожно отодвигаю крышку — ба! Окажется, дополз до бункера Гитлера. И действительно — в комнате огромный стол, на нем карта Восточного фронта. По одну сторону стола стоит по стойке «смирно» весь немецкий генштаб. Тут же Гиммлер, Геринг, Геббельс... На другой стороне стола ходит Гитлер с остро отточенным красным карандашом. Подходит к нижнему краю карты, спрашивает: «А кто нам противостоит на южном фланге фронта?» Генерал Гальдер, начальник генштаба, с волнением в голосе отвечает: «Маршал Рокоссовский, мой фюрер».

Гитлер говорит: «Да, это серьезный противник. Перебросить туда пять пехотных дивизий, две танковых и усилить авиацию».

Гитлер переходит к верхнему краю карты, спрашивает: «А кто у нас на северном фланге?» Гальдер с видимым волнением отвечает: «Маршал Жуков, мой фюрер».

Гитлер говорил: «Да-а, это еще более серьезный противник. Перебросить туда две пехотные армии, одну танковую, четыреста «юнкеров» и полсотни «мессершмитов».

Гитлер ходит вдоль карты, делает пометки, задает вопросы. Затем доходит до центрального фланга и спрашивает Гальдера: «А кто нам противостоит около деревни Хрипуновки?» Гальдер плачущим голосом отвечает: «А здесь с дивизией стоит генерал Барбакадзе».

Гитлер в ярости ломает свой красный карандаш, садится на стул, обхватывает голову ладонями рук и пять минут молчит. Затем встает с бледным лицом, с челкой, упавшей на нос, и мертвым голосом произносит: «Все, проиграли войну».

...Также и кот Федор проползал к борту корабля через метровый слой снега, каждый раз неся в зубах по огромной корабельной крысе.

◆ Наступило время побудки отдыхающей команды экипажа. Боцман взял в руки свой знаменитый серебряный свисток с надписью «Боненосецъ Петропавловскъ» и искусно проиграл мелодию побудки.

Кот Федор, которому не нравился стук о палубу сотен матросских башмаков, тут же пулей помчался в сторону люка в камбуз, где располагался его дневной коврик. Кок Афромеич уже загодя поставил у коврика миску со вчерашней отварной треской. Кот Федор съел два, три куска, свернулся клубком на коврике и мирно заснул после ночных трудов. С дежурными по камбузу кок Афромеич был занят приготовлением завтрака для обеих команд корабля, но успел одобрительно взглянуть на Федора и улыбнуться. Кому, как не ему, ответственному за продуктовую часть корабля, были известны каверзы корабельных крыс. Их не брали никакие яды и отравы. Хитрые и умные животные могли сожрать все, что угодно. Особенно стра-

дала от крыс разветвленная корабельная кабельная сеть. Как изошренно и досконально не досматривали все многочисленное оборудование, все продукты, которые поступали на корабль, но никто и никогда так и не мог догадаться, каким же образом эти серые бестии проникали в трюм. Боцман Анисимов гордился, что два года назад принес в кармане своей шинели маленького котенка из знаменитого семейства особых кошек-крысоловок, которых разводили специально для кораблей в поселке, или по-местному, становище Верхняя Ваенга, что на окраине Североморска. Как говорят старожилы, эта порода была завезена сюда из архангельских Соломбал еще век назад, когда здесь появились пароходные компании и военные корабли Флотилии Ледовитого океана. Поэтому все боцманы кораблей и судов брали котят отсюда за умеренную плату — ящик мойвы.

С тех пор котов ставили на довольствие, которое те честно отработывали. Коту же Федору на его коврике снились сладкие сны. Как под вечер, перед ужином и дежурством в трюме, когда корабль вернется на базу в Североморск, боцман Анисимыч пошлет его с матросом-порученцем на шлюпке в родную деревню, где кот Федор будет неделю отдыхать. Боцману же во время стоянки на рейде не раз вспомнится рысьей раскраски кот Федор. Стоя у борта с папиросой в руке, боцман будет напевать старую матросскую песенку:

*В кейптаунском порту с какао на борту
«Жаннетта» поправляла такелаж.
Но прежде чем идти в далекие пути,
На берег был отпущен экипаж...*

Екатери́нинская гавань города Александровска: военные корабли Флотилии Ледовитого океана на рейде; на переднем плане — материковая часть города, на заднем — остров Екатери́нинский

Набережная Александровска на городском берегу Екатерининской гавани; слева сопка, на вершине которой впоследствии будет установлена стела Сталину (с от-
крытки начала XX в.)

ГЛАВА 2. ГОСТИ ЭЛЕКТРОБУДКИ

◆ Николай Андреевич, руководитель конструкторской группы из ракетно-пушечного НПО* «Меткость», с трудом прорвавшийся с приятелем и коллегой по работе Сергеем Зябликовым в пивную «Сокол», намяв себе бока в толпе озверевших от «сухого» закона Горби-демократизатора, осаждавших входную дверь, почти блаженствовал. Не столько от пива и закусовых креветок, сколько от рассказов случайного собеседника, соседа по столику, только год как выслужившего мичманскую пенсию на Северном флоте и перебравшегося с семейством в Тулуповск матерого боцмана.

Николаю Андреевичу все рассказани отставного военмора как по маслу: сам родился и до восемнадцати лет жил в тех же местах. Только экс-боцман базировался в Североморске, а он в Полярном — обе крупнейшие базы Северного флота в получасе ходьбы на катере друг от друга.

Выяснилось, что начинал свою, еще срочную службу на флоте будущий боцман в Полярном на плавбазе подплава**, не пропускал ни одного воскресного танцевечера в дэкафе, если корабль «Печора», переделанный из бывшего немецкого рейдера***, не находился в море, а стоял у пирса

* Научно-производственное объединение.— Прим. авт.

** То есть хозяйство подводников.— Прим. авт.

*** По классификации флота Третьего Рейха — легкий крейсер.— Прим. авт.

Екатерининской гавани Полярного. Поскольку Николай Андреевич последние два года жизни на Севере, учась в десятом и одиннадцатом классах, одновременно работал электриком в том самом дэкафе, то у собеседников наметилась нескончаемая тема для беседы.

Однако, когда принялись было за последние кружки, а Серега вознамерился идти к пивной буфетчице за следующей партией, лафа закончилась. Швейцар-вышибала оповестил:

— Слушай сюда, мужики! Имейте гражданскую совесть: вы уже почти час здесь пивко сосете, а на улице народ мерзнет, смена вам с Комбайнового прибыла. Даю еще десять минут — и выметайтесь!

Боцман откашлялся со значением, подмигнул компаньонам и к всеобщему восторгу достал из кармана пальто четвертинку водки:

— Вчера талонную брал, два часа в очереди на морозе в сто-двадцать-пятом специализированном проторчал, полдня отгула на работе взял. Хотел после пивной к соседу, тож из флотских, зайти, да ради такого случая — земляка встретил — давай примем. Правильно ведь говорят: вино на пиво — это диво!

...И с боцманским глазомером долил три кружки с пивом содержимым чекушки. А напоследок под ерша рассказал забавную историю кота Федора. Серега хохотал до умилительных слез.

По выходу из заведения расстались: боцману и Сереге надлежало следовать по домам на автобусе в сторону Косолучья — курсом зюйд-зюйд-ост, как пояснил боцман на флотском, человеческом языке — а Николаю Андреевичу

на долгом трамвае с пересадкой на троллейбус в противоположную, в центр города.

— В следующий раз встретимся — с нас целиковый бутылек, — пообещал Серега.

◆ Николай, младший электрик полярни-ского дэкафа, демонстративно посмотрел на свои наручные часы, купленные еще с первой полочки, сверил время с принайтованным к стене электробудки флотским хронометром, имевшим недельный завод и суточный, двадцатичетырехчасовой циферблат. Через четверть часа в большом зале начало мероприятия, а захмелевший от выпитой бутылки «зубровки» капитан второго ранга с подлодки четвертой эскадры без усталости рассказывал флотские байки.

Только он поведал — со слов брательника, служившего командиром двигателистов на эсминце «Стремительный, что базировался в соседнем Североморске — о корабельном котельнике Тихоне, как Николай встрял в паузу:

— Извините, товарищ кавторанг, мне нужно к электрощиту: свет и подсветку на сцене включать и...

— Все-все, Николай, ухожу в зал. Здесь в бутылке сотка осталась — передай отцу, пусть завтра после работы освежится. Держи краба!

Шутливо отсалютовав, кавторанг мигом изобразил на лице трезвую задумчивость и вышел из электробудки.

Обычные гости перед концертом или иным культурным мероприятием. Николай поначалу, еще не совсем освоившись в дэкафе, не мог понять: почему всех желающих выпить перед концертом или спектаклем тянет в электробудку? Пришел к выводу: его хозяйство хотя и под

сценой расположено, но путь к нему из публичной части дэкафа достаточно запутан по безлюдным коридорам. Главное — лишней соглядатай сюда не забредет, что немаловажно: дэкаф, город Полярный и все владения Северного флота — от Сафонова и Североморска до Земли Франца-Иосифа, где базируется усиленная дивизия первого удара по натовским базам в Исландии — есть зона действия абсолютного «сухого» закона.

Но эту версию авторитетно отверг ведущий бас Краснознаменного ансамбля песни и пляски, дававшего шефский концерт в дэкафе.

Бас заглянул в электробудку с дежурным вопросом-паролем:

— А-а где Андреян?

Уже по этому было ясно: бас не первый раз на гастролях в Полярном.

— Я за него, — уже привычно ответил Николай крылатой фразой из гайдаевского фильма, — сын. А отец теперь в первую смену работает. Меня звать Николаем, — по военноморской дисциплине представился.

Бас назвал себя Егором, переступил порог и сел на боковой к столу гостевой стул, чуть помялся и достал из кармана концертного солдатского, но пошитого из тонкого офицерского сукна, сапожки тоже не кирза и не юфть и построены на заказ, кителя четвертинку. Николай уже привычно пододвинул гостю стакан, что стоял рядом с графином на маленьком подносе.

— Может на закуску бутерброд достать? У меня есть домашние: с колбасой и сыром.

— Ни-ни-ни, дорогой! Зачем продукт, то есть водку, портить. А твой стакан где?

— Я не пью,— Николка усмехнулся,— дисциплина и отец не велят. Отец и вовсе после третьей стопки поучает: дескать, древние греки до тридцати лет вкуса вина не знали...

— Да-да, помню, Андреян уважает древних греков... и «старку».

Сорокалетний бас Егор выгреб из другого мундирского кармана три шоколадные конфеты, две пододвинул к Николаю, а третью развернул перед собой. С лабораторной точностью в один прием налил три четверти стакана, со словами «бум здравы» в един же глоток выпил, чуть поморщился, поднес ко рту конфетку, понюхал и брезгливо опять вернул ее на бумажку с серебряной фольгой. Протянул Николаю четвертинку с остатком:

— Значь для родителя. Понимаешь, нам, басам, без допинга лучше на сцену и не выходить. От водки бас гуще становится, этакая колоратура в нем начинает играть. Ладно, пошел я. Привет Андреяну. Хорошее у тебя хозяйство: чистое, все прибрано. Самое интересное (водка все же подействовала, на разговор потянуло) — наверное, в сотне с лишком городов и баз на гастролях был, ни одного директора театра или клуба не запомнил, зато всех электриков по именам знаю! Всегда наш брат-артист идет освежиться в электроаппаратную, потому как ближе к сцене и люди вы, электрики, душевные. Бывай здоров, Николай!

Бас знал устройство дэкафа, поэтому не свернул в лабиринт коридоров, а открыл нужную, неприметную дверь, за которой крутая лестница вела в закулисье сцены.

Николай вдругорядь усмехнулся: Егор точь-

в-точь повторил, сам, наверное, того не зная, слова баса Михайлы «бас от водки гуще делается» из чеховских «Сельских эскулапов».

◆ Сегодняшний же гость из подплава, естественно, справившись об Андреяне, зашел выпить «зубровки» сразу по двум причинам. Во-первых, как от объяснил, любит поэзию, сам в школе и в ЛВВУПП* пописывал, в литкружке при Доме культуры Ленсовета частым гостем был. А теперь вот служба все время отнимает. Сегодня же в дэкафе такая знаменитость выступает? Думаю, он с Евтушенкой сейчас первые поэты.

Николай согласился с мнением гостя, а тот, уже откупорив бутылку и выпив разгонные сто граммов, закусил пирожком с картошкой и мясом, целый кулек которых, еще горячих — с пылу-жару, — принес из дэкафовского буфета, пододвинул к Николаю, продолжил монолог:

— Конечно, послушать известного поэта — это еще не повод бутылку откупоривать. Радость у меня сегодня, хотя это почти военная тайна... но ты парень, вижу, серьезный, весь в Андреяна, потому в общих чертах расскажу.

Мне кап-два год назад дали, тесно нам с командиром, что в том же звании, на одном борту стало. А сегодня с утра в штаб эскадры вызвали и приказ показали под расписку: назначили командиром новой лодки, что вот-вот со стапелей в Сормово сойдет. Так что велено

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница кадров советских подводников.— Прим. авт.

экипаж формировать, с которым через месяц, пока еще Волга и северные каналы не замерзли, отправляться в Горький принимать корабль.

Послезавтра, в воскресенье, конечно и само собой дома небольшой сабантуй устрою для своих сослуживцев. Начштаба будет, даже адмирал обещал на часок заглянуть — если в Североморск не вызовут. Пока же у тебя разминаюсь.

...После ухода счастливого новоиспеченного командира подлодки Николай поставил недопитую бутылку в шкаф. Подумал: где же этот баловень флотской судьбы умудрился достать в суховеинном городе, где легче командиром корабля стать, бутылек? Разгадка тотчас пришла.

Не далее как в понедельник заменял перегоревшую лампочку в подсобке Зойки, кладовщицы буфета-столовой, и с высоты лестницы-стремянки узрел в дальнем углу, нарочито загороженном коробками со сгущенкой, мясными консервами и печеньем, пару ящиков с бутылками. Отец не только «старку» уважал, но признавал высокую полезность «зубровки». Так что Николай сразу отметил характерную этикетку на Зойкиных бутылках: набычившийся беловежский зубр на ядрено-зеленом фоне.

Конечно, спиртное НЗ у Зойки легально проходило по всем бухгалтерским ведомостям по невинным статьям. По слухам знал он, что у Зойки в запасе имеется также грузинский коньяк «грэми» десятилетней выдержки, кубинский ром и ленинградские ликеры «шартрез», «Южный Кюрасао» и «бenedиктин». Надо же начальнику дэкафа чем-то угощать высокое флотское начальство — местное, из Североморска и даже из обеих столиц — на торжественных парад-алле!

Но как удалось новоиспеченному командиру подлодки выудить у Зойки «зубровки»? Знал Николай от всеведущих дэкафовских слесаря, столяра и художника-оформителя, что Зойка, плотная бабенка в расцвете своих тридцати пяти лет, незамужняя и охочая до мужиков, иногда снабжает «горючкой» голодных до баб холостых военных. Но это, как правило, старшекурсники из ЛВВУПП на мореходной практике и молодые офицеры до каплеев включительно. Давешний гость электробудки сюда явно не подходил.

Чтобы не ломать голову по пустякам, Николай занялся было горячими пирожками, которые с великим искусством пекли на кухне буфета-столовой, но здесь за всегда приоткрытой дверью кто-то вежливо-осторожно кашлянул.

◆ Николай досадливо поморщился: скоро начало выступления поэтической знаменитости, а пирожки могут и остыть. Все одно съедобные и вкусные, но уже не то... Однако взял себя в руки и с принятой в дэкафе дружелюбностью сказал в сторону двери:

— Входите, пожалуйста!

Сказал и обомлел, все же успел уложить надкусанный пирожок в кулек: на пороге нерешительно потаптывался сегодняшний гость дэкафа, стихи которого часто читала на уроках их учительница литературы и руководительница школьного театра Людмила Евгеньевна. Николай тотчас узнал его по фотографиям, телевизионным выступлениям, а особенно по неизменному шарфику-косынке под расстегнутым воротом рубашки.

Но совсем потерялся Николай от вопроса несколько заикающимся голосом:

— А-а гд-де Андре-реян?

Николай куда меньше удивился бы, если этот вопрос-пароль задал появившийся в проеме двери электробудки командующий Северным флотом...

Справившись с волнением, Николай объяснил нынешнее статус-кво, свое и отца, пригласив гостя войти, мучительно сожалея, что под рукой нет ни одной из двух книг поэта, что имелись в домашней библиотеке.— Для автографа.

И гость, уяснив обстановку и степень родства хозяина электробудки с Андреем, перешел к деловой части визита: сел на боковой стул, вынул из пиджачного кармана ранее виданную Николаем только в заграничных фильмах плоскую коньячную бутылочку с импортной наклейкой, задумчиво посмотрел на стакан, тотчас услужливо придвинутый к нему Николаем, наполнил его на две трети, выпил. Не отказался от пирожка; почти перестав заикаться, пояснил:

— ...Я только с выступления из Североморска, пообедать не успел, ужин обещали у вас в Полярном. Хорошо, что с малолетства не употребляешь, а мне это как лекарство перед выступлением, заикаться на время перестаю...

Из зала через растворенные двери электробудки, непонятного назначения проходной комнаты перед ней — без мебели и каких-либо признаков обитания — и оркестровой ямы донесся звонок начала мероприятия.

Гость вручил уже ничему не удивляющемуся Николаю ополовиненную бутылочку для Андреева, попрощался и заторопился к двери на сценическую лестницу.

Так и не съев толком ни одного пирожка,

Николай тоже заторопился в оркестровую яму слушать выступление поэта, но тут из коридора перед предбанником послышались шаги и возбужденный разговор нескольких человек. Николай внутренне похолодел, но тут же и оттаял: в электробудку вошли трое его одноклассников, в один голос оповестивших:

— Никол! А знаешь кого мы сейчас встретили у двери с лестницей на сцену?

— Знаю. Пошли в оркестровку слушать.

Воспитание не позволило ему говорить то, что узнал доверительно.

...Много гостей побывало в электробудке за два года работы в дэкафе: кто с вопросом-паролем, иные просто заплутав в низкосводчатых коридорах непубличной части здания, или одноклассники. Более всего Николай любил визиты последних. Тогда жилая часть электробудки превращалась в клуб. Порой и мебели не хватало: два стула и диван не вмещали всех. Но в запасе имелся высокий порожек в электрощитовую часть помещения.

Здесь обходилось без бутылок: у одноклассников, тем более одноклассниц, тоже было воспитание, а их отцы также уважали древнегреческие порядки.

...Тот же Полярный; 60-е годы: демонстрация 7 ноября и митинг перед Домом офицеров, где школьник Алексей Яшин в 1964—66 гг. работал электромонтером; справа — военный госпиталь

Дэкаф Полярного весной; справа — летняя танцевальная веранда

ГЛАВА 3. ХРУЩЕВСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ДЭКАФ В ЖИЗНИ НИКОЛАЯ

◆ Людмила Евгеньевна благоволила Николаю, хотя тот не участвовал в ее любимом де-тище — школьном драмтеатре. Не любил сце-нического лицедейства. Но учительнице литера-туры в старших классах нравились его сочине-ния, которые она часто ставила в пример и за-читывала в классе вслух. Обычно резюмирова-ла: «Очень жаль, что Николай пойдет в жизни по математической или радиотехнической части. У него явно прослеживаются хорошие литера-турные задатки».

Класс оживлялся, ибо дальше их литера-торша слово-в-слово произносила пространную реплику в адрес добрейшего Алексея Василье-вича, руководителя производственного обучения по радиотелеграфному профилю. Вот, дескать, он всех вас сбил с толку, заразив своим радио-делом. Сколько же в вас, что станут радиотех-никами, погибнет артистов, писателей, учителей, врачей? Во всем Людмила Евгеньевна винила Хрущева, благо того уже перевели в разряд персональных пенсионеров, который ввел один-надцатилетку и трехгодичное производственное обучение. А с «камчатки» класса подначивали: «Сколько же тунеядцев и спекулянтов-фарцов-щиков родина не досчитается, если все после школы пойдут поступать на радиотехнические факультеты!»

В хорошем настроении Людмила Евгеньев-на, похвалив Николая за удачную трактовку образа Катерины в пьесе Островского, подшу-

чивала: «Ты, Николай, не иначе как метишь в книгу рекордов Гиннеса: в школе учишься, заведешь здесь же радиоузелом да еще единственный из школы, не считая вечерников, имеешь трудовую книжку!» Опять же с «камчатки» поделдыкивали: «Этого мало для Гиннеса. Надо еще пару-тройку приводов в милицию иметь!»

В общем-то учителя доброжелательно отнеслись к внешкольной работе Николая. Директорша Мария Ивановна более заботилась, чтобы Николай не переутомлялся, хотя и признавала: педагогическая наука даже рекомендует чередование умственной и физической деятельности.

Алексей Васильевич, как действующий мичман флотского узла связи, одобрял: во-первых, привыкает в дэкафе к военно-морской дисциплине; во-вторых, электрик и радист суть братья-близнецы; наконец, пуп у такого молодца не надорвется. Опять же деньги в любой семье не лишни.

Матерый физрук Рэм Давыдович, скоропешно так названный родителями в конце двадцатых годов, когда дружили с Германией, в честь вождя штурмовиков СА Рэма, тоже в целом одобрял Николаеву работу. Но, как человек многоопытный в житейских ситуациях, остерегал многостаночника: «Самый опасный для тебя, Николай, народ в дэкафе — это низовая обслуга: слесаря там всякие, кочегары, оформители-халтурщики, вечно нетрезвые столяра... Не водись с ними — сопьешься даже в наших безалкогольных местах!

И еще с бабами тамошними будь осторожен. Как со взрослыми, так особенно с молодухами. Первые обязательно в какие-нибудь свои

дрязги втянут и тебя же на посмешище выставят, а в любовь-морковь играть, так своих одноклассниц достаточно».

Николай слушал, мотал на ус. Когда того требовали обстоятельства разговора — делал серьезность на лице, а нужно — и усмехался. За науку благодарил.

◆ Никиту Сергеевича на флоте не любили, особенно на Северном. Именно его Хрущев поставил первым — во время недавнего Карибского кризиса. Генсек довел дело до американской блокады Острова свободы, не поинтересовавшись: а на ходу ли первые атомные подлодки в составе Северного флота? Оказалось — все они на доработке после ходовых испытаний и походов. Пришлось послать в акваторию Кубы бригаду из четырех дизельных лодок из Полярного. На смех американцам и унижение североморцам.

А дальше пошло и поехало. Печально знаменитое стотысячное сокращение офицерского корпуса заметно ударило и по флотам СССР, Северному флоту тож. Сколько кап-2 и кап-3 были лишены погон с неполной пенсией? А некоторые уволенные каперанги так и не стали адмиралами...

С военных лет Северный флот мечтал о своем линкоре, а лучше двух. Но Никита, полагавший большие корабли дорогим баловством, не только поставил крест на линкоростроении, начатом военно-политическим стратегом Сталиным, но ударил и по крейсерам в строю. Даже гордость североморцев — тяжелый крейсер «Октябрьская революция» был отправлен на консервацию в Лиепаю.

Уже не стоит и говорить: как проклинали

«кукурузника» флотские и штатские за «сухой» закон по всему северу Кольского полуострова! Николай по староверческой от отца традиции никогда сам не матерился, но сторонний десятиэтажный по этому поводу одобрял.

У Николая же отношение к бывшему генсеку было неоднозначное. Он понимал обиды военного, офицерского люда. Поскольку тяги к алкоголю не испытывал, да и не принято это в школьной среде, то над следствиями и последствиями «сухого» закона голову не ломал. Как и над увлеченностью генсека выращиванием майса-кукурузы.

А когда Хрущева снимали со всех его постов, то Николаю даже несколько жалко стало опального генсека. Заодно впервые в жизни понял: каждый начальник по должности — калиф на отведенный ему час.— В отличие от людей с заслуженным авторитетом.

Получилось так, что снятие Хрущева случилось в начале трудовой деятельности Николая в дэкафе. Стояла осень, снег еще боролся с холоднющим дождем из свинцовых туч, нависших над городом и его окрестностями. Ничто в такой хмурый день и не радовало. Разве только то, что сегодня воскресенье — единственный в неделе день, когда они с отцом менялись сменами, поскольку каждый выходной день Николаю с полудни и до полуночи имел занятость в школе: в основном, его дежурство по расписанию в школьном же радиоклубе, прерываемое на пару вечерних часов обслуживанием танцев в актовом зале. Николка «давал» музыку, как начальник школьной радиорубки.

...А первая смена в дэкафе — только сго-

ревшие лампочки поменять и никаких тебе концертов, посетителей в электробудке и прочих (порой) неудобств. Собирался же Николай устроить себе праздник души в первую половину воскресного дня: лежа на служебном диване, почитать свежевзятую в библиотеке книгу: только что изданный сборник рассказов Леонида Андреева.

На редкостную книгу в райбиблиотеке уже шла запись на очередь, но Николаю, как постоянному читателю, выдали на три дня по благу...

◆ Нехорошее предчувствие охватило Николая уже перед мостом через лошину, что упирался прямо во входную дверь дэкафа: по мосту, справа от моста по дорожке от подплава, слева от различных наземных служб и с военного судоремонтного завода № 6 *ВМФ* сквозь косо бьющий с неба снег чернели многочисленные офицерские шинели. Огромные, двустворчатые дубовые двери дэкафа и вовсе не закрывались, пропуская военморов.

Николай втиснулся в колонну входящих и, миновав дверь, поинтересовался у дежурной на входе Нины Степановны о причинах воскресного многолюдства.

— А это, Никол-Батькович, какое-то спешное совещание офицеров всех эскадр и служб. Два адмирала уже вошли. Никак по поводу снятия Хрущева.

...Почти семьдесят лет жизни научили Ни́ну Степановну проницательности. Редко она ошибалась. Николай сник. Но с другой стороны — это не менее интересно, чем чтение Андреева. Где еще узнаешь подробности о важнейшем событии в жизни страны? — Радио и га-

зеты пока ограничились сухим официальным сообщением.

Собрание офицерского состава носило служебный характер, поэтому недовольный порушенным воскресеньем и неоткупоренностью воскресной же бутылки самогоновки завхоз дэкафа Михаил Дорофеич, мысленно матерясь, обошел немногих в выходной день сотрудников дэкафа, давая обычную в таких случаях диспозицию: «В зал не входить, около дверей его не стоять, а посторонние и так не войдут: ворота заперты!»

Кочегарку, обслуживаемую приписанными к дэкафу солдатами-стройбатовцами и имевшую выход на улицу, он самолично закрыл на висячий замок со стороны внутренней двери.

Добравшись по изломанным под прямыми углами коридорам до электробудки, проинструктировал и Николая: «Тебе, Андреяныч, по инструкции положено сидеть в оркестровой яме. В школе лишнего не болтай!»

Николай шутковато отдал честь «к пустой голове», не преминув заметить: всем его одноклассникам отцы-офицеры сегодня же за домашним ужином все расскажут. С комментариями.

После звонка Николай включил на распределительном щите освещение сцены — верхние софиты* — и отправился с оркестровку. Через внешний барьер ямы посмотрел в зал, сплошь черневший мундирами, прочерченными блестящими погон и шевронов.

* Софиты — светильники из нескольких, горизонтально расположенных ламп, дающих конус горизонтального же света.— Прим. авт.

Основной доклад, встав за выдвинутую на середину сцены трибуну, делал прибывший из Североморска черномундирный полковник — заместитель начальника политуправления флота.

Как ни малоопытен был еще Николай в военной бюрократии, равно и гражданской, но уже знал: если на официальных толковищах речь идет о поощрениях, наградах и прочих приятных вещах, то главную речь «толкает» начальник, а если тема мероприятия кляузная и вообще малоприятная, то за трибуну воодружают заместителя...

Флотский замполит был знаком Николаю по июльскому офицерскому собранию в дэкафе в честь Дня военно-морского флота. В тот раз начальник политуправления тоже не прибыл. Вроде как причина собрания торжественно-наградная, но накануне случился казус во второй эскадре; даже два: при погрузке торпед в лодку, готовящуюся к выходу на боевое дежурство, одну из них уронили в воду и утопили у пирса. В другой же лодке — хорошо у пирса — случился пожар; слава морскому богу Николаю, дело обошлось легкими ожогами у двух матросов и мичмана. Но подлодку на пару месяцев отправили ремонтировать на шестой завод в Пала-губу.

Так что праздник получился смазанным, поэтому флотский замполит основное время доклада алилуйничал Никите Сергеевичу — первому ленинцу после самого Ленина, мудрейшему вождю СССР и всего мирового коммунистического движения.

◆ Особо замполит в тот раз остановился на роли верного ленинца Никиты Сергеевича в укреплении обороноспособности страны и осо-

бенно ее военно-морского флота. Николай при этих словах из своей оркестровой ямы явственно услышал, как в зале не один десяток офицеров демонстративно закашлялся.

Июльское собрание было торжественным, поэтому началось ближе к вечеру и завершилось праздничным концертом с неизменными «Яблочком» и «Танцем с саблями».

Николай в этот день задержался в школе по делам своего радиоузла, потому, не заходя домой, отправился прямо в дэкаф. Без домашних бутербродов. К концу официальной части желудок начал нервически пульсировать от голода. Едва дождавшись последних восторженных слов замполита в адрес человека-легенды Никиты Сергеевича Хрущева, Николай ринулся в буфет за горячими пирожками с картошкой и мясом.

Но его опередили шедшие более коротким путем из зала офицеры. У стойки буфета-столовой уже выстроилась внушительная очередь. Но Николая в синем халате служащего дэкафа, как человека неспящего, стоявший во главе очереди капитан первого ранга, отец одноклассницы, подманил к себе и кивнул в сторону буфетчицы: отоваривайся, мол, парень, ты на работе.

Расплатившись за кулек с огнедышащими пирожками, Николай двинулся было на выход, но его притормозил другой отец одноклассника, кавторанг. Он Николая знал, а интересовала его подоплека недавней школьной драки, где зачинщиком вызвался стать его сын.

Поскольку это не относилось к категории доноительства, Николай кратко и толково объяснил: причина драки без нанесения особого

вреда — случайная, что называется по погоде... Кавторанг, выполнив воспитательный долг родителя, рассказал собеседнику свежий анекдот о членах партии и правительства.

Слушая кавторанга, Николай произвольно отметил некоторую странность в поведении столпившихся в буфете офицеров: каждый из них отходил от стойки с подносом, на котором стояло от пяти до десяти кофейных чашек. Собеседник, еще ранее занявший очередь, засек взгляд Николая, хохотнул и пояснил, что по случаю профпраздника буфетнице велено отпускать офицерам кофе с коньяком. «Вот наши краснофлотцы и берут из расчета общей емкости коньяка: от ста до двухсот граммов! Голь на выдумки хитра, Николай».

...Но сегодня замполит, ничтоже сумняшеся, с дежурным гневом и марксистско-ленинской непримиримостью клеймил опального генсека: разрушителя флота, волюнтариста и пробабелиста. Зал молчал. Как понял Николай, все пытались разгадать значение только что вошедшего в речевую практику слова «пробабелист».

Николай уже знал значение почти непристойного термина. Его вчера объяснила их классу все знающая Людмила Евгеньевна: бабы здесь ни при чем, а имеется в виду немецкий философ и революционный теоретик Август Бабель*, автор знаменитой книги «Женщина и социализм».

* Почему «пробабелизм» вместо грамматически правильного «пробебелизм»? Этого никто в те годы объяснить не мог, а чуть позже про это слово и вовсе забыли. Скорее всего в передовице «Правды» верстальщик сделал ошибку, выпускающий редактор не заметил. Так пошло и поехало... — Прим. авт.

— А вы говорили, что бабы здесь ни при чем? — Это с «камчатки» послышалось.

— Не бабы, а женщины. Термин «пробелбелит» никакого отношения к ним не имеет. Имеются в виду некоторые взгляды Августа Бебеля на теорию социализма, которые показали себя на практике несостоятельными.

◆ Как ни странно, но Николай вполне спокойно и доброжелательно оценивал хрущевский эксперимент со школьной одиннадцатилеткой и ее стержнем — трехгодичным производственным обучением*. Последнее ему просто нравилось. Главное, здесь имелась свобода выбора профессии. В полярнинской школе девятиклассникам в самом начале учебного года, чуть ли не первого сентября объявили о наличии двух производственных баз: собственно школы со специальностью радиотелеграфиста-морзиста и шестого судоремонтного завода *ВМФ*.

Это официально. А по существу через родительский комитет, игравший в образцовой полярнинской школе с «традициями», идущими от тридцатых годов, когда создавался Северный флот, большую роль, была дана установка: кто думает после школы поступать в институт или в военное училище — пусть идут в телеграфисты. Все остальные — шагом арш на завод. Там дадут хорошую, изрядно оплачиваемую рабочую специальность, гарантированное после окончания школы трудоустройство и постановку на квартирную очередь.

* Кстати, схожий эксперимент был проведен и в высшей школе; в частности, в технических институтах студенты целый год работали на заводах и фабриках.— Прим. авт.

Николай безо всяких раздумий выбрал телеграфную стезю, ибо с шестого класса был ярким радиолюбителем и собирался после школы идти на радиотехнический факультет.

Не особенно испугало его и прекращение эксперимента — отмена одиннадцатилетки и производственного обучения с возвращением к традиционной деятельности. Оповещена об этом страна была сразу после отставки Хрущева.

Здесь Николай осознал еще одну традицию власти — от колхозной и фабрично-заводской до высшей, что греется рубиновым светом кремлевских звезд: кто ограничивается заменой худощавой секретарши на приятно пышнотелую, а иной, с большой властью, занимается в первые годы начальствования крупным реформированием. Так и теперь: кукурузу заменили рапсом, а одиннадцатилетку — десятилеткой.

Правда, на последний переход отвели три года. Получилось так, что Николаем и его сверстниками во всем Союзе одиннадцатилетка завершалась, а год их выпуска из школы совпадал с окончанием ее же десятиклассниками.*

Николай особо не заволновался, поскольку учился почти на «отлично», хотя патентованным отличником, кандидатом в медалисты становиться не собирался: отвлекала многогранная деятельность и нелюбовь к зубрежке. Но обеспокоился отец. И когда в самом завершении девяти-

* При всех своих изгибах советская власть заботилась о людях. Так и здесь: в год двойного школьного выпуска увеличили прием в ВУЗ'ы и даже разрешили принимать выпускников школ в военные академии — наряду с майорами и подполковниками». — Прим. авт.

того класса Николай получил паспорт, то Андреян Матвеевич, приняв «на грудь» Девятого мая бутылку любимой «старки», привезенной из Мурманска, повел такой разговор:

— ...Вот, Николка, когда будешь оканчивать школу, конкурсы в институты будут удвоенными по сравнению с обычными. Учишься ты хорошо, главное — отменно соображаешь, что главнее оценок в табелях и аттестатах. Но береженого бог бережет. Вне конкурса в институты берут имеющих двухлетний стаж работы...

Чувствовалось, что дэкафовские женщины, озабоченные судьбой своих детей и внуков, оканчивающих школу, обстоятельно рассказали отцу про все правила, были и небылицы поступления в институты.

— ...Я это к чему говорю: ты теперь паспортный, на работу поступать имеешь все права, а у меня помощник, электрик Ваня Тутьшкин подал заявление об увольнении, собрался перебраться на Большую землю — в Псков вроде как. Так что через месяц его отстоя место будет свободным. Давай-ка устраивайся в дэкаф. Я уже с подполковником Зинченкой разговаривал — одобряет.

— А школа как?

— А никак, учись как учился. У вас, старшеклассников, теперь только первая смена, до двух часов. В дэкафе же вторая смена у электриков с четырех. Так что после школы дома пообедаеть, передохнешь минут сто. В свой радиоклуб школьный работать на радиостанции по воскресеньям будешь ходить — опять же до

четырёх дня и в скользящий выходной* хоть целые сутки стучи там телеграфным ключом.

К тому же не перетрудишься; основную работу я делаю в первую смену, тебе же только пройтись по этажам и перегоревшие лампочки заменить, а вечером, если концерт или спектакль случится, нужный свет включить. Электротехнику ты уже лучше меня знаешь, так что с нужными поделками, коль потребуются, сам справишься.

К окладу плюсуй сорок процентов поясных и премиальные, а со следующего года первые десять процентов полярных.** И как раз к получению аттестата будешь иметь ровно два года трудового стажа! Хоть в МГУ поступи или в физтех.

Здесь отец говорил опять-таки с чужих слов, явно озабоченных женских.

— ...Единственно, что этим летом без каникул останешься, но в отпуск следующего года поедете во Дворцы с матерью и ребятами без меня — дэкаф без электрика не оставишь. Как тебе — согласен?

Николай кивнул головой, а отец, крякнув от удовольствия, выпил стопку «старки».

* Суббота стала выходным днем в СССР когда Николай уже учился в институте; вплоть до конца 80-х годов «шабада» не было только в ГДР и на Кубе... — Прим. авт.

** И еще за что ненавидели жители за Полярным кругом Хрущева: до него полярные надбавки шли из расчета 10 % за каждые полгода работы — и так до 100 % к окладу. Никита же, побывав в Мурманске летом, возмутился: да у вас как в Крыму! — И срезал полярные до 60 % с начислением по 10 % за год. Брежнев поднял вновь до 100 %. — Прим. авт.

...Так малолюбимый народом Никита Сергеевич вмешался в судьбу Николая, связав ее на пару лет с полярнинским дэкафом. Впрочем, народ любит отдых, награды, водку и девушек, пока они не превратились в ворчащих жен. Властные же лица всегда не в почете. Это Николай хорошо понимал и на Хрущева за его школьный эксперимент никогда зла не держал, памятуя отцовское: все что ни делается — делается к лучшему.

Полярный первой половины 50-х годов; моряки выходят из дэкафа после дневного фильма; слева — «ойкумена» дэкафа: торцевая колоннада здания, в котором размещен городской радиотрансляционный узел

Полярный первой половины 50-х годов; зимний дэкаф

ГЛАВА 4. ХОЗЯЙСТВО НИКОЛАЯ И ЕГО ХВОСТАТЫЕ СОСЕДИ

◆ Николай сразу почувствовал: он работает в военном учреждении. В день оформления Екатерина Захаровна, работавшая в дэкафе со дня его основания в тридцатых годах, делопроизводительница и завкадрами, протянула ему для ознакомительной подписи приказ о зачислении, где в числе прочих значилась фраза: «Принял торжественное клятвенное обещание согласно проведенному инструктажу».

— А-а кто будет инструктировать, Екатерина Захаровна?

— Твой непосредственный начальник — завхоз.

Николай расписался внизу первой страницы новенькой, пахнувшей дерматинром и еще чем-то канцелярским трудовой книжки, где в графе места работы стояло «электробудка», а на следующей — запись о приеме на работу и о принятии клятвенного обещания, и пошел искать завхоза.

Михаила Дорофеевича, слегка подвыпившего, он нашел в подсобке Зойки, официально Зои Григорьевны. Тот вел с ней какие-то запутанные разговоры полунамеками.

— Не дам и все! — громко отрезала Зойка. — Мне из-за тебя, Дорофеич, вовсе не улыбается попасть под ревизию. Пошли лучше свою жену в Мурманск — хоть чемодан водки тебе приволочет. Баба здоровая, не надорвется!

Увидев же замершего на пороге полуотворенной двери Николая, заулыбалась:

— А-а, сынок Андреяна. Милости просим. С чем пожаловали?

— Да я к Михал Дорофеичу насчет инструктажа к клятвенному обещанию...

Завхоз, донельзя огорченный отказом кладовщицы, хмуро посмотрел на непрошенного гостя, которого шапочно знал:

— Какие там еще в канцелярии клятвы и обещания Захаровна напридумала? Инструктаж же такой: на работу не опаздывай, содержи электрохозяйство в порядке, чтобы дэкаф не сгорел* и...

— ...И не пей смолоду,— расхоталась Зойка, плотоядно оглядывая фигуру высокого молодого парня,— девушек к себе не води!

Завхоз же, почувствовав перемену настроения кладовщицы, отвально махнув рукой новому электрику, опять начал обещать Зойке манну небесную за четвертинку «злодейки с зеленой наклейкой».

В электробудке его дожидался отец, собираясь домой:

— Оформился?

— Угу. И инструктаж о клятвенном обещании у завхоза получил.

Отец рассмеялся:

— Все еще у Зойки чекушку просит? Ладно, я тебе сегодня с утра полный инструктаж выдал и все показал. Главное, на случай, если я забуду сказать, по приходу в дэкаф спрашивай

* Как в воду глядел завхоз. Николай на Большой земле уже детьми обзавелся, которые выросли и в университете учились, когда тот получил по электронной почте от одноклассника из Полярного: из-за короткого замыкания дэкаф сгорел подчистую.— Прим. авт.

на вахте у Степановны о мероприятиях на вечер, а если концерт или спектакль и к тебе в электробудку будет кто проситься на пяток минут воспользоваться стаканом — гони, ссылаясь на занятость делами. Кроме, конечно, капитанов третьего ранга и выше. Все, я пошел.

◆ В части электричества хозяйством Николая был весь дэкаф. Раньше, ходя на дневные и вечерние киносеансы, он знал только наружные летние и внутренние зимние кассы, где покупал билеты, большой зал, где шли фильмы, и смежный с ним танцзал, что находился на пути. И только теперь после многочасового хождения с отцом по зданию осознал его огромность и своеобразную запутанность.

...Прошедшей зимой, знакомясь в городской библиотеке с новыми иллюстрированными и научно-популярными журналами, отметил на стенде свежих поступлений большого формата книгу-альбом по истории архитектуры. Полистал, заинтересовался, сел за стол и читал-рассматривал до закрытия библиотеки. Благо за окнами бушевал ветер с метелью, не хотелось выходить из духмяного тепла читального зала и через весь Новый Полярный и Чертов мост, отворачивая лицо от хлестко бьющего по щекам и носу оледеневшего снега, добираться до дома в начале Старого Полярного по одноэтажной улице имени героического матроса Сивко, хаотично разбросанной по куполообразной гранитной сопке.

Особенно в книге его заинтересовал раздел, посвященный советскому конструктивизму двадцатых — начала тридцатых годов, тон которому задал француз Ле Корбюзье. Он и раньше слышал о конструктивизме. В младших клас-

сах — на уроках рисования, а всезнающая Людмила Евгеньевна просвещала на уроках литературы, вроде бы далекой от архитектуры. ...И отец, тоже много чего знавший. Знакомство Николая с образцами конструктивизма от Корбюзье в Москве началось, как ни странно, с запретного во владениях Северного флота напитка.

На Новый год отец всю ночь провел в дэ-кафе: самое хлопотное для электриков время — с елочными гирляндами, прожекторами и полным освещением всех помещений. Проспав до обеда, начал отмечать наступивший очередной год, то есть достал давно значенную бутылку «столичной».

Сожалая, что это не «старка», отец наполнил праздничную стопку. Николай до ночи смотрел по телевизору новогодний концерт, проспал до полудни, сейчас собирался на улицу, наевшись испеченных с утра матерью пирогов с палтусом. Задал отцу давно интересовавший его вопрос:

— Что за дом углом вперед на наклейке «столичной»?

— О-о, Николка, в этом доме на первом этаже самый знаменитый в Москве гастроном. Я там был, когда в первый послевоенный отпуск в Калугу ехал. Денег за войну много набезало, так что затоварил — в Калуге-то карточки — два «сидора». Кряхтел пока добрался до Киевского вокзала.

Ты вот наемдни про конструктивизм передачу по телевизору смотрел. Так вот этот дом на бутылке — самый настоящий конструктивизм. Смысл же его такой: снаружи — никаких финтифлюшек, голые стены и окна без балко-

нов, зато внутри все для удобства живущих или работающих там людей.

...Через полгода, как обычно, всей семьей поехали в отпуск в калужскую деревню Дворцы, отцову родину. Поскольку мурманский поезд приходил в столицу утром, а калужский уходил ближе к вечеру, приходилось поболее полудня скучать на Киевском вокзале. На этот же раз, услышав по внутренней трансляции объявление об автобусных экскурсиях по Москве, отец сказал Николаю:

— Нечего здесь торчать без дела. Оставим мать с ребятами, а сами прокатимся.

Экскурсия оказалась замечательной. Из нее Николай узнал о столице больше чем до того знал из книг, фильмов и рассказов знающих людей, в том числе одноклассников из коренных москвичей. Обошли весь Кремль, который Никита Сергеевич открыл для посещений. И мимо дома с этикетки «столичной» автобус неспешно проехал, причем экскурсовод назвала его образцом конструктивизма. И еще два-три раза обращала внимание на известные конструктивистские здания столицы.

...Но Николаю больше понравились высокие и другие «сталинские» дома, хотя экскурсоводша, говоря о сталинском ампире, заметила: снаружи они красивы, но квартиры в них самые обычные и темноватые.

◆ Дэкаф явно относился к архитектурному конструктивизму, единственным образцом которого он был не только в Полярном, но на Северном флоте и вообще в Мурманской области. Как пояснял отец, ближайšie здания этого стиля стоят в Ленинграде...

Как сообразил Николай, прочитав раздел о конструктивизме в тот зимний вечер в городской библиотеке, дэкаф все же не «чистый конструктивизм» — по Корбюзье, ибо фасад здания уже слегка косил под сталинский ампир: башенка справа, чем-то схожая с верхней частью мавзолея Ленина, пара колонн слева и там же двойная двухпролетная лестница парадного входа. Но остальные три стены не имели никаких архитектурных излишеств, а крыша уступами перепадала от трех этажей фасада до одноэтажных частей здания.

Но главное, как понял Николай, прочитав соответствующий раздел в книге-альбоме, в здании дэкафа воплощена главная идея архитекторов-модернистов двадцатых годов: функциональное единство и максимальная автономия (эти слова из просмотренной книги...) всех жизненных удобств здания.

Николай тотчас провел аналогию — это как корабль в открытом море, а еще ближе — стратегическая атомная подлодка, из числа базирующихся неподалеку от Полярного — на 4-й точке*, что залегла на полгода на дне Атлантики поближе к Штатам... Соединенным, конечно, не Мексиканским. Как говорится, экипаж бесшумно ходит в спецтапочках, а межконтинентальные ракеты на стреме. Как она поддерживает связь со штабом Северного флота в

* Этому военно-морскому городу-базе явно не везло с названиями. Из «4-й точки» его переименовали в Гаджиево — в честь героя-подводника в Отечественную войну. После начала Чеченских войн, хотя Магомед Гаджиев был дагестанцем, город получил название Скалистого. Сейчас — вновь Гаджиево.— Прим. авт.

Североморске и с Генштабом в Москве — этого Николай не знал. Была такая строгая военная тайна, что даже старшекласники из числа детей адмиралов и каперангов не могли сказать ничего толкового.

Все, конечно, знал матерый радиомичман Алексей Васильевич, но на прямые и косвенные вопросы любознательных школяров отвечал неизменной шуткой: дескать, «Остров сокровищ» и «Детей капитана Гранта» читали? — Бутылку «столичной» распили, записку в донесении в штаб *ВМФ* засунули, сургучом горлышко припечатали и через аварийную шахту выбросили.

— А ее подобрал случайно оказавшийся рядом «корабль науки», — нехстати сказал Николай, много размышлявший на эту тему.

Алексей Васильевич пристально посмотрел на него, но комментировать не стал, перейдя к теме урока производственной практики: супергетеродинные приемники и их блок-схемы.

...Так и дэкаф, вместивший под одной крышей кабинеты начальства, огромные танцевальный и киноконцертный залы, плавательный бассейн почти что олимпийского формата, лучшую в городе библиотеку, буфет-столовую со своей кухней, паровое отопление с собственной кочегаркой, бильярдную комнату и многочисленные комнаты и комнатухи: служебные, мастерские, кладовые, репетиционные и для занятий детских кружков, смог бы при необходимости полгода самодостаточно простоять-выжить, если бы некая сила заколотила все двери здания...

Во всяком случае съестных припасов из кладовых Зойки и кухни вполне хватило бы.

Даже если отрубить кабель подвода в дэкаф электроэнергии, конец которого находился в электробудке Николая, даже если взорвать городскую подстанцию и обесточить весь Полярный, то и здесь выход нашли бы, перебросив времянку из электрокабеля, целая бунта которого занимала угол в подвале-мастерской того же Николая, в соседний флагманский госпиталь, где предусмотрено автономное электропитание от своего дизеля.

...И это не удивительно. Ведь дэкаф сооружался в тридцатых годах, когда война уже полагалась неизбежной, а Полярный тридцать лет был «столицей» Северного флота. Архитекторы же здания явно взяли за образец крестьянские дома архангельских поморов, в которых под единой крышей также расположено все нужное для жизни: комнаты, печи, мастерские помещения, хлев для живности с сенниками для ее кормежки, кладовые для людей, баня с парилкой и даже всегда чисто прибранное отхожее место. Такой дом Николай увидел, будучи в гостях у своего дядьки на станции Плесецк. Правда, пожив неделю у дядьки-тетки, так и не увидел свою двоюродную сестру Светлану, работавшую инженером на космодроме Мирный, что неподалеку от Плесецка. Но это было позже, когда Николай уже учился в политехническом институте Тулуповска...

Особой гордостью руководства дэкафа являлась люстра в киноконцертном зале и бильярдный стол. Люстра была лишь чуток уменьшенной копией своей старшей сестры из Большого театра, а стол вывезли в счет репараций из Германии вскоре после окончания войны,

изъяв его при «зачистке» берлинской штаб-квартиры адмирала Деница, который, в свою очередь, позаимствовал этот роскошный инструмент из бывшего дворца кайзера Вильгельма Второго.

Когда Николаю приходилось менять лампы в малой люстре бильярдной комнаты, он расстилал на середине стола половичок из незамызанного брезента, ставил на него стул, а сам снимал ботинки, уважая предмет ближней и дальней истории.

Застав как-то Николая, стоящего на этом столе и стуле и копающимся в люстре, подполковник Зинченко пошутил: «Ты, Андреяныч, сейчас попираешь ногами сразу два рейха: Второй и Третий! Так им, гадам, исключая, конечно, *нашу ГДР*, и надо».

◆ Кроме Людмилы Евгеньевны, Николая хвалили учительницы немецкого, химии и биологии. Последняя заужала его за доклад, от которого все в классе бежали как от чумы, явно из институтской программы: о различии взглядов Дарвина и Ламарка на эволюцию жизни на Земле. Готовясь к докладу, в числе прочих книг и статей в популярных журналах Николай просмотрел, а потом и прочитал только что изданную, переведенную и адаптированную для любознательных юношей работу нобелевского лауреата Конрада Лоренца о коллективном разуме стадных живых существ: от муравьев, термитов и пчел до волков и обезьян. ...И сделал вывод: наиболее слаженно коллективный разум действует у крыс.

Как и всякий портовый город, Полярный изобиловал корабельными крысами, что в два-

три раза крупнее и умнее крыс обычных, что Николай видел на Большой земле в деревне Дворцы и на частносекторной окраине Калуги: здесь и там проживали со своими семействами его тетки — старшие сестры отца.

К корабельным крысам в Полярном настолько привыкли, что особого внимания на них не обращали, да и они по отношению к людям соблюдали безразличный нейтралитет. Жителей города вполне устраивало то, что крысы эти, в отличие от мышей, держались поодаль жилых мест. Крысы же довольствовались малым и с усмешкой смотрели на холерические попытки городской санэпидемстанции устроить им подставу. Травились только ни в чем не повинные кошки. Кстати и кошки с крысами соблюдали нейтралитет, только вооруженный, как СССР и Япония во Второй мировой войне — до начала осени сорок пятого года.

Точно также к крысам безразлично относились и все полярнинские жители. Как-то Николай в книжном отделе главного магазина города в Циркульном доме, что рядом со штабом и чуть повыше пирсов второй эскадры подлодок, не торопясь рассматривал книги нового завоза, а у соседнего прилавка с канцтоварами с десяток женщин закупались для своих детей к скорому первому сентября. Как принято у них, одновременно обсуждали сразу в три-четыре голоса все свои насущные дела.

Одна из них, судя по всему, совсем недавно прибывшая в Полярный с Большой земли, с ужасом запричитала:

— Господи! Да что ж за жизнь здесь у вас? Вчера иду от школы вниз по улице, смот-

рю: у дома, где травка и какие-то камни, дошколята с подростыми котятками играют. Подошла и чуть в обморок не упала: это не котята, а здоровенные крысы!

На высокой ноте она замолчала, ожидая возмущенного сочувствия, но собеседницы с некоторым удивлением посмотрели на крикунью-паникершу и продолжили интересный разговор об ожидаемом со дня на день завозе в одежный отдел Циркульного магазина женских плащей и польских костюмов...

Даже у моряков к крысам наблюдалось двойственное отношение: на корабле — после натовцев враг номер один, на суше — пусть себе живут.

◆ Раньше, бывая в дэкафе, Николай, ясно дело, ни одной крысы не видел; в присутственных местах те не появляются, не мозолят глаза людям. Их место обитания — удаленные от многолюдства подсобные полу- и просто подвальные помещения. К числу таких в полной мере относились владения Николая: собственно электробудка и — особенно — подвальная склад-мастерская.

С первых дней пребывания в должности Николай стал отличать друг от друга наиболее выдающихся крыс в их большой стае. Некоторым даже стал давать имена. Набегался от излишнего усердия со стремянкой по дэкафу в первый рабочий день, вернулся в электробудку, сел на диван, откинувшись на его спинку, отдыхает Николай. Даже слегка задремал под тихую и спокойную музыку из настенного громкоговорителя, подключенного к городской радиотрансляции. Но недолго дремал: из динамика разда-

лись тревожные ноты половецких плясок из «Князя Игоря» Бородина с сотоварищи, как шутила их учительница музыки Клара Семеновна. Увидев же недоумение в глазах младших школьников, с ученым апломбом выпускницы Ленинградской консерватории — мужа перевели с Балтфлота на Северный — объяснила: Бородин так был увлечен химическими опытами, что за полтора десятка лет так и не сумел дописать оперу, что сделали после его смерти друзья-композиторы: Римский-Корсаков, кстати морской офицер, и другие.

Увлечись, Клара Семеновна, явно тоскуя по прежней кафедре теории музыки, где она только-только стала доцентом, явно сверх всякой школьной программы стала рассказывать о непревзойденной оркестровке половецких плясок, сделанной в тридцать четвертом году Касьяном Голизовским...

Но здесь приятные воспоминания прервало тихое попискивание, различимое даже на фоне оперного хора. Николай повернул голову направо, в сторону темной — свет там включался по необходимости — половины комнаты с ее сложным электрохозяйством: распределительными и управляющими щитами, кабельными подводками и всем прочим. На порожке, разделявшем половины электробудки, на границе света и темноты сидела очень уж крупная крыса с нехарактерной для ее племени рыже-красной подпалиной на холке. Подняв мордочку вверх и немигающе глядя глазами-бусинками на громкоговоритель, она попискивала явно в такт... Николай никак не мог вспомнить тот музыкальный термин, которым Клара Семеновна называла хоро-

вые всплески женских голосов во второй части половецких плясок.

Крыса отметила внимание к ней Николая и бесшумно ушмыгнула в темноту. Увидев ее же на другой день, окрестил Касьяном. Еще через несколько дней сообразил: Касьян является вожаком стада дэкафовских крыс. Как бы сказал здесь Шерлок Холмс: сработало дедуктивное мышление. Знакомя Николая с электрохозяйством дэкафа, отец рассказывал и о всяких тонкостях, в частности, что в здании существует перекос фаз, то есть от ближней к дэкафу трансформаторной подстанции по вводному кабелю в электробудку поступает трехфазное 380/220 вольт* напряжение, которое на распределительном щите «расщепляется» на двухфазное, обычное двестидвадцативольтовое, которое может сниматься с любых двух из трех вводимых фаз.

Когда при строительстве здания проектируют разводку электросети, как хорошо понимал Николай, то рассчитывают равномерную загрузку всех трех фаз вводного кабеля. Но дэкаф был столь древен и много раз за свое существование достраивался и менял обветшалую электропроводку на новую, что изначальная разводка ушла в небытие. Отсюда случился и перекос фаз.

Поскольку же это внешне ни на чем не сказывалось в жизни дэкафа, то это никого не интересовало.

— Вот смотри, — отец подошел в щитовой

* Технически грамотные люди и старшие школьники из необремененных долларами-евро семей поймут, а остальным это необязательно знать. — Прим. авт.

части электробудки к месту, где через отверстие в полу на уровень человеческого роста до плеча по стене поднимался толстый вводной кабель, — конец кабеля освобожден от стальной оплетки, фазные провода разведены в стороны и болтами наглухо принайтрованы к трем голым медным шинам, которые закреплены снизу на фарфоровых изоляторах и упираются в распределительный щит. На ощупь шины теплые: хотя они и толстые, а в ширину, как видишь, в пол-ладони, но все равно греются градусов до тридцати пяти. Но не сами по себе, а от тепла контактов соединения с двух сторон.

Теперь потрогай пальцем каждую из фазных шин. Постарайся другими не попасть на соседнюю. Не бойся, электрик не должен бояться, но всегда имеет в виду: где безопасно, а где тряхнет. Главное, чтобы ладони сухими были.

...Действительно, две фазные шины тепловаты на ощупь, а левая немного погорячее.

— Вот это и есть перекося фаз в действии, — ухмыльнулся отец, — крысы наши на шинах греются, но когда свет в электробудке горит, они сами спрыгивают на пол и уходят в свои норы. Пол под разводными щитами, как видишь, песчаный — по требованиям техники безопасности.

Действительно, как убедился впоследствии Николай, входя по прибытии на работу и включая свет в жилой части электробудки, — на каждой из трех медных шин сидело и блаженствовало по одной крысе: непременно Касьян на «перекошенной» самой теплой.

«Та-а-к, — подтвердил свою прежнюю до-

гадку Николай, — Касьян у них вожак, а две другие — адъютанты.

В подвальном же складе-мастерской крысы обитали в дальнем углу, где стены из вырубленного гранита даже не были оштукатурены, а сам угол был завален старыми осветительными для сцены приборамбасами: прожекторами, софитами и прочим хламом. Когда Николай, пригибаясь, входил в подвал и включал свет, то крысы, гремя хрустким железом софитов и прожекторов, исчезали из вида в свои здешние норы.

...Уже через пару недель Николай настолько привык к своим соседям, что даже зауважал крыс за их дисциплинированность. Главное — они не бегали под ногами и не забирались на его рабочие столы — в электробудке и в подвальной мастерской. Заболеть желтухой от крысиного присутствия он не опасался, ибо переболел боткинской болезнью еще в пятом классе, когда семья проживала на маяке острова Большой Олений, а он в интернате при школе.

«Живи и жить давай другим»*, как часто цитировала какого-то старого поэта всезнающая Людмила Евгеньевна.

* Из стихотворения Г. Р. Державина «На рождение царицы Гремиславы», посв. Л. А. Нарышкину. — Прим. авт.

...Все дороги в прежнем, «двухэтажном» Полярном вели в дэкаф

Полярный прежних лет: семьи офицеров и мичманов живут в двухэтажных домах с печным отоплением, подводные лодки на боевом задании, а детей катают на оленьих упряжках...

ГЛАВА 5. НИКОЛАЙ — СПАСИТЕЛЬ ДЭКАФА

◆ Полярный — чисто военно-морской город. Здесь и гражданское население живет по правилам военных людей. Одно из них, весьма многочисленных, гласит: в службе главное — вовремя попасться на глаза начальнику, когда тому нехрена делать!

Так получилось очень даже ладно с Николаем: он получил негласный титул спасителя дэкафа, а в лице подполковника Зинченки приобрел самого благожелательного покровителя. Чем он и гордился весь первый год своей работы. К сожалению, в начале второго года николаевой службы Сергей Архипович вышел на воинскую пенсию и убыл со своим семейством на родную Полтавщину.

Последние десять лет своей военно-политической карьеры, хотя это слово во флоте не приветствуется, Зинченко руководил полярным дэкафом, а в пенсионную отставку вышел, получив от командования «отступное» в виде прощальных полковничьих погон.

...Но до торжественных проводов очень хорошего, по-хохлацки щирого хитрованца начальника дэкафа на заслуженный отдых оставался еще почти целый год. Пока же шла вторая неделя с момента обретения Николаем трудовой книжки. Придя в дэкаф без четверти четыре, как того требовал трудовой этикет, Николай первый час рабочей смены занимался обходом со стремянкой этажей, многочисленных коридоров и закоулков флотского очага культуры. А

также тех помещений, владельцы которых с утра записали в вахтенный журнал входной дежурной Нины Степановны свои соображения в части перегоревших лампочек, неисправных розеток и выключателей.

По другому общевоинскому солдатскому — и матросскому, конечно — принципу «умный в гору не пойдет», обход Николай начинал даже не с верхнего третьего этажа, а с непонятого назначения той самой надэтажной башенки, что отдаленно напоминала верхушку ленинского мавзолея. Почти всю кубатуру башенки занимала многопролетная лестница, упирившаяся... прямо в потолок. Людей здесь не бывало, но имелись две лампочки, которые никто не включал, но они должны были быть в боевой готовности.

Спустившись на первый этаж, заменил — по записи в журнале — пару лампочек в буфете-столовой и одну в библиотеке, после чего свернул в длинный узкий коридор, ведущий к неработающей летом внутренней киноконцертной кассе, а далее в сложной развязке разтраивавшийся и в трех направлениях ведущий ко всем служебно-подсобным помещениям, а также ко входам в бассейн и кочегарку.

«Входной» коридор разтраивался в довольно большом вестибюле, в котором должны толпиться очереди к кассе. Коридоры же от развязки-вестибюля шли в трех уровнях: нулевой — без порогов и лестниц — вел в кочегарку; коридор в комнаты халтурщиков-оформителей начинался с лестницы в десяток ступеней, далее сложным образом огибал встроенную кассу, а от начала «оформительского» коридора, подтяв-

шись еще на четыре ступеньки, змеился в трех изгибах под прямым углом самый длинный коридор дэкафа. Минуя входы в бассейн, служебный туалет «под ключ», что имелся и у Николая, комнату репетиций гарнизонного духового оркестра, на сценическую лестницу, в подвальную мастерскую электриков, в предбанную комнату электробудки, в итоге коридор упирался во входную дверь оркестровой ямы.

...Все же, как догадывался Николай, конструктивистский архитектор дэкафа злоупотреблял «рыковкой»*. Трезвому человеку такие коридоры в трех уровнях, с изломами и огибаниями помещений, да еще и с изменяющейся по длине высотой, вряд ли привидятся.

Впрочем, у Николая не имелось знакомых архитекторов. Другое дело — художники, тем более оформители. Даже в насквозь «сухом» Полярном, где и самогоновку не принято было гнать, они редко нарушали Указ № 1 князя-крестителя Владимира: «Веселие Руси есть в питии».

◆ Проходя кассовым вестибюлем курсом на свою электробудку, заглянул в левый коридор, что вел в кочегарку, памятуя наставление отца: «Эти черти из кочегарки, стройбаты-чернопогонники, коридором почти не пользуются, у них свой выход на улицу. Тем более им наплевать: есть ли свет в коридоре или нет. И вообще в головах у них только дембель. Да еще как бы пару

* По фамилии предсовнаркома Рыкова, утвердившего в двадцатых годах исторический указ об отмене введенного еще царем в 1914-м году «сухого» закона. «Рыковка» — слабоватая водка: 30 °/об.— Прим. авт.

мешков шпидбергенского* антрацита обменять в Корабельной слободе на чекушку...».

И действительно, один из двух потолочных плафонов в коридоре отдавал матовой темнотой. Подойдя поближе, Николай и вовсе увидел: не только лампочка перегорела, но и сам тарельчатый плафон до середины наполнен водой. Забравшись по времянке, он ослабил винты на обечайке крепления, осторожно, чтобы не вылить мутную воду на себя, снял тарелку плафона из матового стекла.

За этим интересным занятием его окликнул снизу незаметно подошедший подполковник Зинченко. Очевидно, делать ему ближе к концу трудодня было нечего, вот и спустился на первый этаж и дошел до служебных коридоров. Николай с кем угодно готов был поспорить на десять горячих пирожков из дэкафовского буфета, что Сергей Архипович направлялся к художникам. Как всякий профессиональный политрук, Зинченко превыше всего ставил наглядную агитацию. Заодно распечь слабодисциплинированных оформителей и, как римский папа, отпустить им все прошлые и будущие грехи...

— Что, Николай, освоился в *нашем* хозяйстве?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Лампочку, я вижу, в плафоне меняешь?

— Не просто меняю, товарищ подполковник, а похоже короткое замыкание в проводке ликвидировал,— служебным голосом ответил

* В те времена Северо-Запад страны «отапливался» углем, добываемым на норвежском Шпидбергене советской концессией «Арктикуголь» (г. Баренцбург).— Прим. авт.

Николай, спускаясь по перекладинам времянки и держа осторожно плафон с водой на ладони правой руки.

— Да ну-у! Что-то серьезное? — озаботился Зинченко, которому на последнем году беспорочной службы никакие неприятности в дэкафе не требовались.

Спустившись на пол, Николай, поочередно указывая то на плафон с мутной, известковой водой, то вверх на торчащий из патрона цоколь с проволочными остатками лопнувшей лампочки, рассказал правдивую в своей основе историю с плафоном, заставившую Сергея Архиповича побледнеть. Даже на всякий случай приложил ладонь правой руки к сердцу. Правда, абсолютно здоровому.

◆ — Я так понимаю, товарищ под...

— Не надо про подполковника, — Зинченко с явным неудовольствием покосился на две звезды левого погона; как раз сегодня под утро ему приснилось, что на погонах у него появилась вождеденная третья звезда, — ты, Николай, человек штатский, вольнонаемный, так что называй по имени-отчеству, да это и принято у нас на флоте.

Николай приятно удивился: именовать начальника дэкафа по имени-отчеству являлось большой привилегией для гражданских сотрудников.

— Так вот, Сергей Архипович, скорее всего вода натекла в плафон через паз, в котором уложена проводка, идущая из кочегарки. Конечно, такие пазы при строительстве и ремонте электропроводки не предусматриваются, но, как вы знаете, несущий корпус и перекрытия у нас

деревянные, вот со временем такие пазы на границе дерева и известковой штукатурки и образовались...

— Но вода-то откуда натекла?

— А из кочегарки. Там большой перепад температуры между котлами и потолком, вот пар и превращается в воду в потолочном перекрытии, которая по капле-другой и поступает в пазы электропроводки.

Но не в этом основная беда, това... извините, Сергей Архипович. Посмотрите, пожалуйста, вверх на основание плафона с треснувшей лампочкой. Треснула же и разбилась она, когда накапливающаяся в плафоне вода поднялась до стеклянной колбы лампочки; вода холодная, лампочка горячая — вот и треснула...

— Ну и что? Лампочку заменил, воду из плафона вылил — и все в порядке, да?

— Никак нет, Сергей Архипович, здесь дело еще серьезнее. Вода из кочегарки продолжала бы поступать в плафон. Тем более что свет в этом коридоре за ненадобностью его почти всегда выключен, вода в плафоне никому не заметна. По моей прикидке, к середине ночи этих суток ее уровень поднялся бы до «усиков» расколовшейся и потому перегоревшей лампочки. А на них напряжение. В итоге — короткое замыкание, загорелась внутренняя проводка, а перекрытия и стены, как уже говорил, деревянные и...

Зинченко и впрямь едва не в первый раз в жизни почувствовал ладонью биение разволновавшегося сердца. А Николай продолжал пугающе предрекать:

— ...Время же ночное, безлюдное, дежурные на другом конце здания, а кочегары, забро-

сив в топку котельную угля, спят... то есть отдыхают, расстегнув ворота гимнастеров и сняв сапоги. Так по уставу полагается. Я читал.

— Ты и устав внутренней службы изучил? — восхитился, несмотря на внутреннее волнение, Зинченко.

— Так точно, Сергей Архипович, ведь в военном учреждении работаю.

— Ну-у, ты молодец! Таковую беду предотвратил. И что сейчас со злосчастным плафоном будешь делать?

— А я сейчас выверну остатки лампочки. Новую вворачивать не буду пока. И плафон ставить на место тоже. Пару дней погляжу: если вода капать не будет, значит, нашла себе другой путь. Но все одно — каждый день у меня этот плафон и соседний с ним под прищотом!

— Молодец, хвалю, как говорят у нас на флоте.

С чувством пожав руку салаге-электрику, Зинченко решительно направился к двери в кокегарку: давать девятибалльную вздрючку чернопогонникам.

Через два дня на учрежденческой доске объявлений все с интересом читали пространный приказ начальника о персональной ответственности служащих за закрепленные помещения — в части правильной эксплуатации осветительных и иных электроприборов и устройств. В заключение гневных слов объявлялась благодарность младшему электрику дэкафа.

Проходящая мимо делопроизводительница и завкадрами Екатерина Захаровна окликнула читающего младшего электрика:

— Николай! А я было собиралась за тобой послать. Пошли ко мне, на тебя отдельный приказ — расписаться следует.

По стилю приказа стало ясно: писал его не полуграмотный завхоз, непосредственный начальник Николая, не суховатая в официальных бумагах завкадрами, а самолично подполковник Зинченко. Усмехнувшись, но по-доброму, Екатерина Захаровна заметила:

— Приказ этот заносится в трудовую книжку. И еще тебе начислено тридцать рублей внеплановой премии.

Николай расписался в приказе, а завкадрами добавила:

— Во время войны по такому приказу к орденам представляли!

Так Николай за бдительность приобрел одновременно высокого покровителя и врагов из кочегарки. Отнесся он к тому и другому по-философски, стоически.

— Молодец,— похвалил и отец,— правильно жизнь понимаешь, по-флотски: зад начальнику не лизать, но от похвалы не отрекаться. Чернопогонники не в счет: уйдут на дембель — больше ты их не увидишь. Тем более, ты не на их горбу благодарность в приказе заработал, а за сообразительность и знание законов физики.

Столица Северного флота город Полярный, ныне — Город Воинской славы; 60-е годы, закончилась полярная зима и в свинцовых тучах появилось солнце. Трех-этажное здание на взгорке — Полярная средняя школа № 1, ныне имени

Зима в Полярном, лощины меж городских сопок занесло снегом; на заднем плане — Екатерининская гавань и остров Екатерининский

ГЛАВА 6. ОЙКУМЕНА ДЭКАФА И КОНФУЗ НИКОЛАЯ

◆ Николай любил щегольнуть в кругу одноклассниц древнеримскими и латинскими словами и крылатыми фразами. Брал он их из читаемых книг, в основном, романов девятнадцатого века французских, английских и немецких авторов. Имея хорошую память, дважды повторив про себя слово или недлинную фразу, он накрепко «записывал» ее в свою голову. Особенно щедр на всякие словечки был Виктор Гюго, причем, употребив слово, автор толстенных романов объяснял его значение порой на нескольких страницах. Слову «компрачикос» вообще посвятил половину главы...

Но про ойкумену он узнал от Людмилы Евгеньевны. Она же назвала Полярный и другие базы Северного флота ойкуменой Большой земли. По аналогии Николай, поступив на работу в дэкаф, отнес к ойкумене последнего службы учреждения, территориально отдаленные — от десятков метров до километра. Таких подчиненных дэкафу ойкумены числилось три: городская радиотрансляционная станция, стадион и каток — все в рангах городских.

Станция, «дававшая» городу радио, размещалась на втором этаже соседнего с дэкафом дома. Там же имела свою комнатку гражданская профоргша учреждения. У них имелся свой спец по радио- и электрохозяйству, так что Николай там не требовался.

На стадионе, что в ста метрах от дэкафа, вообще ничего относящегося к электричеству не

имелось. Представлял он собой выровненное поле в широком ущелье между двух сопок и упирался футбольными воротами в мост к дэкафу от городских улиц, с одной стороны, и в пирсы подплава — с другой. От пирсов отгорожен высокой сеткой. Трибунами же служили скальные выступы боковин сопок. То есть не только футболисты на поле, но и зрители должны иметь хорошую физподготовку. Лучше всего — разряд по альпинизму и скалолазанию...

В километре от дэкафа, перед самым началом Чертова моста в Старый Полярный, располагался каток — предельно удаленная ойкумена дэкафа. Летом это было довольно большое овальное озеро в скалистом углублении вершины сопки, заполненное водой растаявшего весной снега и льда, пополняемой летними и осенними дождями. Зимой озеро замерзало, становясь городским катком. Раз в неделю или после сильных снегопадов каток расчищал грузовик со скребком-«скосорылом». Начинал он кружить с центра, сгоняя снег к границам катка. После чего из строения базы выносили и раскатывали по зонам катка резиновые шланги и включали воду.

Заливка катка производилась с полудня до вечера с тем, чтобы за ночь — мороз и отсутствие катающихся — пролитая вода превратилась в зеркально ровный лед.

◆ А вот на катке электрохозяйство имелось — не очень сложное, но громоздкое; собственно проводка и освещение конькобежной базы — несколько помещений: раздевалка, пункт выдачи коньков на прокат, комната отдыха утомившихся конькобежцев, матросская лыж-

ная база, мастерская ремонта коньков и лыж и обширный склад для летнего хранения лампочных гирлянд. Все это размещалось под одной крышей длинного одноэтажного здания барачного внешнего вида.

Проводка хорошо хоть навесная, хлопот с заменой выключателей и розеток меньше. А вот с фонарями освещения катка, что на равномерно расставленных по овалу столбах, соединенных проводами на изоляторах, а особенно с лампочными гирляндами на Новый год, навешиваемыми над ледяным полем на тех же столбах, — возни много. Одному и даже двум электрикам из дэкафа не справиться, поэтому для авральных работ Андреян шел к завхозу, а тот к Зинченке. Выделяли пару сухопутных матросов из комендатуры или стройбатовцев, желательно русских или хохлов. Такие попадали в чернопогонное войско по причине судимости по неопасной статье: аварийные шофера, кухонные бойцы*, а также имеющие несколько приводов в милицию за хулиганку. Люди эти толковые и посылку на каток воспринимают как отдых от монотонных строительных работ.

Со столбами по периметру катка связан и один из двух конфузоз Николая за время работы, службы, говоря правильно, то есть пофлотски, в дэкафе. Второй случился несколько позже — при смене начальника дэкафа: подполковника Зинченки на майора Старовойтова.

* То есть посаженные — с целью выписать из квартиры и заочно развестись — женами. Пара подружек свидетельствовала о словесной угрозе убить. За это давали от полугода до полутора лет. — Прим. авт.

Но все это позже. А как учил Николая многоопытный в жизни Андреян, даже в мыслях следует соблюдать строгую последовательность воспоминаний...

Прослужил Николай в дэкафе окончание лета, осень и долгую полярную зиму. Наступила весна. Все в Полярном начало таять, лед на озере-катке тоже. В воскресное утро, когда так сладко спалось, как может спаться на Севере только в начале мая-месяца, отец поднял его с постели:

— Пошли на каток, поможешь мне с часок-другой. После вернешься и доспишь; до смены в дэкафе еще много времени.

Чертыхаясь про себя — собирался до половины четвертого посидеть на радиостанции школьного радиоклуба, — Николай изустно даже не пикнул против дисциплины, наскоро поел и последовал за отцом на близкий, за Чертовым мостом, каток. По дороге Андреян объяснил:

— Между двумя столбами, прямо напротив базы, один из проводов слетел с изолятора. Должно быть, в мартовские шторма разболтало. Я вчера посмотрел: и сам-то провод никудашный уже, так что заменим его. Одному несподручно здесь. Заодно научишься на столбы подниматься.

Николай зябко передернул плечами: высоты он не боялся, как всякий выросший в этих местах сопки и скалы, но почему-то сомневался в надежности монтерских «когтей», что надеваются на сапоги для лазания по столбам. Он даже как-то геометрически расчертил реакции столба на объемное расположение опорного и носового

когтя — получалось, что вполне надежно. Смущали же два момента.

Во-первых, объяснение многознающего отца — после третьей стопки редкостной «старки» в праздник, — что прибор этот изобрели еще задолго до появления электрических и телеграфных столбов... конечно же, древние греки — для использования при штурме крепостей врагов-персиян в Малой Азии. Почему-то грекам вообще Николай не доверял. Недоверие же возникло после того, как еще пять лет назад они семейством ехали на мурманском поезде в отпуск в деревню Дворцы, а их соседями почти двое суток оказалась тож семья русских греков — глава семьи, капитан третьего ранга, служил в Североморске на эсминце. Всю долгую дорогу смугловатые взрослые и дети без усыпу болтали, а дети еще и постоянно кричали. Когда же Николка попробовал их подразнить: «Ехал грека через реку...», Андреян отвесил ему подзатыльник.

◆ ...Во-вторых, глядя порой на мастерящих что-то свое, висящих на верхушке столба электрических или телефонных монтеров, Николай тотчас вспоминал шутейную загадку: «С когтями, но не птица — летит и матерится». Отгадка: упавший со столба электромонтер...

И еще: морально он не был готов становиться столболозом, ибо собственно в дэкафе, как объяснял ему отец при поступлении на службу, «когти» не потребуются. Только упражнения на лестнице-стремянке.

«Нехорошо обманывать несовершеннолетних», — думал Николай, привязывая «когти» к

своим яловым* сапогам и далее топая по тающему, с уже заметными лужами, прибрежному снегу к злосчастному столбу. Вскарabкался на сруб** с непривычными причиндалами на ногах, тоскливо посмотрел вверх, привязав к поясу протянутый отцом алюминиевый провод для крепления к изолятору, сам накинул на столб и защелкнул на карабин страховочный пояс; тоже умная голова придумала: если монтер сорвется своими «когтями», то не наотмашь головой и спиной на землю грохнется, а соскользнет «солдатиком» по столбу. Там как повезет: либо на ногах спружинит, в худшем случае отделается вывихом стопы или коленного сустава...

Отгнав мрачные мысли, Николай, опробовав «когти», полез вверх. Где-то на середине столба тот вместе с Николаем по вертикали ухнул вниз; почудилось, что столб на метр-другой ушел в разверзшуюся скалу, хотя на самом деле провалился он сантиметров на десять. Запаниковав, Николай поспешно спустился со столба.

Отец покрыл его легким матерком. Трусом, правда, не назвал, но велел снимать приспособления для лазания — сам одел, попутно пояснив:

— Нехрена дрейфить, столб же не на бок завалился! Соображать надо, даром что отличник по физике... За зиму вода, что из озера

* Яловые, они же юфтевые в пехоте, сапоги — принадлежность рабочей (боевой) формы матроса.— Прим. авт.

** В тех местах, где нет земли, а только скалы, столбы устанавливаются в бревенчатые срубы полтора-полтора метра и высотой столько же. Ставят в него столб, а сруб засыпают подсобными камнями без бетона.— Прим. авт.

просочилась под торец столба, замерзла, увеличилась в объеме и выперла столб из кладки сруба на два-три дюйма. Теперь же лед растаял, а с твоей тяжестью — от материных пирогов — столб и вернулся подпятником на гранит. Давай-ка расправляй провод к тому столбу.

Конфуз этот Николай досадливо вспоминал много лет, хотя очень скоро наловчился лазать по электростолбам.

◆ Долго он не мог взять в толк: почему городской стадион и городской же радиозел относятся к ведению дэкафа?

— Не бери в голову, — отвечал отец, — там нашего электрохозяйства нет, потому тем более не задумывайся. Начальству гарнизона виднее!

И далее отец дал Николаю очередной урок военно-морской службы. Хотя бы и на берегу:

— Начальство, как и обычные люди, подразделяется на толковое и бестолковое. Но по уставу приказ тех и других — закон для всех нижестоящих по должностной лестнице. И его должно исполнять, если, конечно, начальник совсем не свихнулся, например, приказав застрелить матроса за плохо почищенные ботинки. Но и в этом случае подчиненный должен по форме все доложить еще более высокому начальнику. Это, пожалуй, единственно разрешенный уставом случай нарушения субординации.

Зинченко — толковый начальник. И новый начальник гарнизона, что только с весны приступил к службе, также вроде соображающий. Но ведь не он же прикрепил стадион и радиозел к дэкафу? Это кто-то еще до войны сделал, то есть — уже традиция. Традиция же на флоте — самое первое дело, свято соблюдается.

Отец ухмыльнулся со смыслом и продолжил. Так много он обычно без стопки-другой не говорил.

— ...И ревностно флотские относятся к тем, кто на их традиции покусится. Вот после войны Васька Сталин на какой-то генеральской пьянке пообещал своему летунскому маршалу, что добьется кортиков к парадной форме летчиков. — И добился. А что получилось? — Летуньи при кортиках стали щеголять, флотские же офицеры, даже адмиралы, вовсе перестали их носить, женам на хранение в чуланах передали.

Дошло, как народ бает, до Самого — тот и распорядился отобрать флотский атрибут у летчиков. Говорят, Ваську по-отцовски в разум привел... Да-а, чем выше начальство сидит, тем оно дальше от моря; вот глупости в их интендантско-штабные головы и прут. Найдутся идиоты — и *галстухи* к матросской форме введут!*

Ну-у, Николка, про ленточки к бескозырке и сам знаешь: от матросов адмирала Нельсона идут — в вечную память о нем.

◆ Про ленты бескозырки Николай, конечно, давно знал. Не сомневался он и в толковости нового коменданта гарнизона Полярного, чего не мог сказать о его дочери Верке, что с этого учебного года стала одноклассницей.

* Как в воду глядел многоопытный в жизни мореман Андреян! В начале 70-х годов ввели-таки галстуки для парадной матросской формы. Мало кто об этом помнит, ибо изображение матроса в галстуке присутствовало только на плакатах в военкоматах. Ни один советский матрос иудину удавку, как они его называли, не надел — даже под угрозой гауптвахты. Отменили изобретение предшественника Юдашкина. — Прим. авт.

Как-то Николай, будучи по своим делам в школьной радиорубке, невольно услышал разговор Людмилы Евгеньевны со старшей пионервожатой. Они стояли за портьерой, отделявшей радиорубку от предбанника, явно забыв о близком присутствии Николая:

— Ну и лява комендантова Верка, Людмила Евгеньевна! Сразу видно, что из московских штучек...

— Да-а, Наташа, мы-то привыкли к ребятам из ленинградских, флотских семей, а различные, особенно девицы-старшеклассники, — совсем другой коленкор. Матерой бабской наглостью от нее так и отдает!

— Да-да, Людмила Евгеньевна, я ей как-то порекомендовала не подшивать форменное платье так уж откровенно, так она мне: занимайтесь, мол, своими красногалстучными! Я же не портниха, чтобы самой подшивать. Я в Москве всю жизнь до того прожила и подчиняться вашим провинциальным вкусам не намерена...

Неудобно себя чувствуя, Николай притворно кашлянул, и собеседницы переменили тему разговора.

Верка, по всеобщему убеждению класса, не только наглая. Но и хамски бесстыдная. Как-то Мишка Юрасов, парень грубоватый, хотя и справедливый, на перемене подошел к Верке, всегда сидевшей за первой партой в среднем ряду, ткнул мощной пятерней лучшего физкультурника-гимнаста в школе в сторону ее ног, нарочито выставленных за переднюю полустенку парты, грубо сказал:

— Ты чего это на уроках народ, что выходит к доске, отвлекаешь от дела?

— Хм-м, чем же это я, Мишуся, отвлекаю? Может, красотой своей, а?

— Я тебе, хамка, не Мишуся. И в постель свою ты меня не затащишь! А юбку задираешь так, чтобы ляжки и подтяжки твои на всеобщем обозрении были, перестань. Не терпится всю себя показать — так лучше ж... в форточку выставь. Но только дома!

— Ах ты, гад! Да я, да я...

— Что ты? Папаше своему пожалуешься? Так я не посмотрю, что ты комендантская дочь, оттаскаю за волосы твои с перхотью!

Слыша не принятый в их среде разговор, ребята и девчонки поторопились выйти в коридор. Сашка, сын адмирала Ямщикова, командира четвертой подводной эскадры, долговязый и прыщавый троечник, сам из Москвы, промышчал, как бы оправдываясь:

— Да она не из коренных, а вроде как из подмосковного военного городка. Там девки еще те!

— Не девки, а девушки, — кто-то из одноклассниц, явно отличниц, педагогично поправил.

Сашка засмутился, неопределенно махнул рукой, отвернулся к коридорной стене, рассматривая что-то никому не видимое.

◆ В соседнем с дэкафом здании с городским радиоузлом Николай был за все время службы всего четыре раза: при поступлении в дэкаф и при увольнении — сделать отметки в учетной карточке, а пару раз — заменить сгоревшие лампочки вечером, когда хворал тамошний радио- и электромонтер в одном лице. Месячные взносы профоргша приходила в дэкаф собирать сама.

Бывая на радиоузле, Николай с интересом рассматривал усилительную аппаратуру, с которой центральная радиопрограмма транслировалась на весь город. Многие оказались знакомыми, особенно выходные полторакиловаттные лампы ГУ-80 (то есть генераторные усилительные). Такая же радиолампа размером с китайский термос стояла в передатчике «Победа» школьного радиоклуба коротковолновиков-морзистов — но только во время соревнований.

На стадионе, что под окнами фасада дэкафа, всякая электропроводка отсутствовала. Но с начала жизни в Полярном, с первого класса интернатовец Николка не одни штаны просидел на камнях и скальных выступках, заменявших трибуны стадиона, смотря футбольную игру флотских команд. Играл и сам во время уроков физкультуры весной и ранней, бездождливой осенью. Помнилось замечательное, очень теплое лето, когда семья перебралась в Полярный на постоянное житье-бытье: ребята все доросли до школы, пора наступила заканчивать с маячной жизнью. К этому времени Николай перешел в шестой класс, а в связи с переездом и устройством родителей на работу в отпуск в калужскую деревню Дворцы в это лето не поехали.

Привыкая к летней жизни в городе, Николай более всего сожалел, что стадион «закрыли на карантин». На всей площади поля — от ворот до ворот — в правильном геометрическом порядке расставили армейские палатки, в которых разместили полторы сотни матросов, старшин и мичманов — последних из числа неженатых, то есть не имеющих своего жилья в городе. Офицеров поместили в госпиталь, здание которо-

го возвышалось как раз на сопке над западной линией поля стадиона, почти вплотную к дэкафу.

...Собственно, и офицеры, и семейные мичманы не могли иметь квартир в Полярном, ибо все они были с Четвертой точки, с атомной подлодки, на которой случилась авария с утечкой радиации. Это сами матросы охотно объясняли ребятам, глазевшей с «трибун» на палаточный городок.

По три раза в сутки — с незаходящим солнцем полярного дня — между стадионом и госпиталем наблюдалось оживленное движение. То медработники в белых халатах спускались к палаткам, то матросы в синих байковых больничных куртках и штанах поотделенно поднимались в госпиталь.

В остальное время матросы, здоровенные и веселые, сидя у палаток, травили анекдоты и хрумтели больничным флотским допайком: икрой воблой из жестяных банок, шоколадом с вафельными прослойками, баночной колбасой и твердым, баночным же сыром с тмином. Угощали ребят, что спускались на поле, опасливо косясь на дневальных в морской форме с красными повязками на рукавах форменок. Но те равнодушно отворачивались, размышляя о скором, или еще долгом дембеле...

Горячую еду болящим привозили из подплавовской столовой в судках. Обед был священнодействием, ибо в порядке исключения и для выведения из организма радионуклидов (так ребятам объясняли матросы) карантинникам выдавали сухое красное вино, что в обычной ситуации полагается только находящимся на атомоходах в море.

...И не просто выдавали «венгерское» или болгарскую «Шипку», но двойную против обычной пайку!

Соснув в палатках после обеда с вином пару часиков, матросы искали себе занятие в пределах стадиона: в самоволку в больничной амунничке не убежишь... Кто расположился на скальных выступах «трибуны», читая книги, другие плясали «яблочко», окружив гармониста. На свободных от палаток заворотных площадках баловались с футбольными и волейбольными мячами. Дымили запретными на подлодке «беломором» и новомодными, только появившимися в продаже болгарскими сигаретами «Солнышко» и опять же «Шипка», вспоминая все новые и новые анекдоты.

В середине июля реабилитированных матросов всем экипажем отправили на долечивание во флотский санаторий под Выборгом, палатки с поля убрали, а на стадионе развернулись футбольные сражения непримиримых спортивных противников: подводники против надводников.

Вот такая ойкумена имелась у дэкафа.

Полярный 60-х годов; «ойкумена» дэкафа — городской (гарнизонный) стадион в лощине между сопок; футбольный матч «подводники против надводников»; зрители по-альпинистски расположились на крутом склоне сопки

Полярный 60-х годов; «ойкумена» дэкафа — городской (гарнизонный) каток на замерзшем озере; на заднем плане спортбаза. В хоккей играют прототипы героев книги...

ГЛАВА 7. КОМУ ВЕСЕЛЬЕ, А КОМУ ТРУДОВЫЕ БУДНИ

◆ Лето и осень Николай привыкал к раздвоению своей теперешней жизни: одна, привычная школьно-домашняя, до четырех часов пополудни, а с четырех — новая для него трудовая в дэкафе.

Пришел декабрь, а с ним и трехмесячная полярная ночь. Последний месяц года выдался на побережье Баренцева моря почти что мягким, умеренно морозным, главное — туманы, бич этих мест, отошли в сторону моря. Немного он жалел, пройдя Чертов мост и шагая на траверзе уже сияющего огнями и гремящего музыкой из мощных репродукторов-«колокольчиков» катка, что теперь ему отказано в удовольствии покататься шесть дней в неделю.

Как человек, ежемесячно расписывающийся в зарплатной ведомости — и подполковник Зинченко, помня о его подвиге, еще и премии подбрасывал, — Николай за лето-осень прибрахлился. Купил часы и карманный транзисторный приемничек. Мать выбрала ему в Циркульном магазине модное в школьной среде старшекласников пальто «под грубую вязку». Сбылась давняя мечта: заменил ненавистную шапку с кожаным верхом на еще более модную кроличью.

Оформив у завхоза официальный отгул за работу в выходное воскресенье, съездил на рейсовом катере в Мурманск, где приобрел две нужные ему вещи: в радиомагазине ферритовое кольцо для своих поделок, а в большом универ-

маге — костюм понравившейся ему расцветки: светло-коричневый с синей «искрой». И красивую, с ворсом, зимнюю рубашку под него.

Правда, как уже выяснилось дома, брюки оказались длинноватыми, равно как и пиджак. Но мать отвела Николая к знакомой ей офицерской жене, на Большой земле работавшей в ленинградском ателье высшего класса, которую она обучила искусству печенья разных пирогов: от рыбников до открытых ягодных.

Бывшая портниха похвалила фактуру и цвет материала костюма, сняла с Николая мерку, и уже через неделю тот появился в школе в замечательно сидящем на нем костюме с лацканами и закруглением углов пиджака, не говоря уже о полностью перестроенных брюках, не хуже чем у первого модника Полярного — директора кинотеатра «Север» Бровермана, что в лаковых штиблетах, с артистически подстриженными усиками вел в дэкафе концерты городской самодетельности по праздникам.

...Но все это в школе, а в дэкафе, как еще раньше предупредил отец, декабрь — время очень занятое, особенно для электриков и художников-оформителей — Новый год на носу! — Главный для заполярников праздник. Может потому, как размышлял Николай, что все остальные праздники приходятся на время, когда солнце всходит над горизонтом, а в полярную ночь — только один Новый год с его яркими огнями и музыкой под абсолютно темным небом — если только туман не рассеется и черные снежные тучи не разбегутся на время. Тогда веселее: в полнолуние синий свет на город нисходит, звезды мерцают с Полярной в

зените, главное — северное сияние так разыграется, такие цветовые представления устраивает, что хочется, не отрываясь, до полуночи стоять на морозе с поднятой вверх головой...

А так — кому праздник, а кому и трудовые будни.

◆ Николай, как потомок староверов и с детских лет воспитанный в военно-морских традициях, из праздников культа не делал — недавно прочитал Ильфа и Петрова... Жизнь на маяках Кольского залива, где круглогодично, исключая отпускные месяцы,* работающий народ делил сутки на вахты и отдых, невзирая на «красные дни календаря», приучила Николая и не делать этого культа. Тем более — это для взрослых: во владениях Северного флота полный «сухой» закон.

Он и в Полярном не отошел от этого правила, тем более, служба в дэкафе как раз требовала не праздного, но рабочего присутствия по табельным дням...

План работ по новогоднему украшательству дэкафа и катка он знал: Андреян расписал все по дням. Починка лампочных патронов и связывающих их проводов на деревянных буквах «С **НОВЫМ ГОДОМ!**», что с конца декабря до старого Нового года будут круглосуточно светиться на фасаде дэкафа, — работа нудная, но уже проведенная на Октябрьский праздник. Внове была развеска гирлянд покрашенных в три цвета лампочек над полем катка. Работа на

* Не знаю как сейчас, но в те годы отпуска за Полярным кругом полагались из трехгодичного цикла: первый год — 1,5 месяца, второй — 2 месяца, третий — 3 месяца. Далее цикл повторялся.— Прим. авт.

воздухе веселее, тем более что Николаю с отцом придали двух матросов из комендатуры, а сам он уже без колебаний взбирался на «когтях» на столбы. Да еще с грузом — с привязанным к монтерскому поясу концом лампочкой гирлянды.

Всякие вспомогательные украшательские дела по этажам и комнатам дэкафа обычно выполнял в первую смену Андрейн, но и здесь случались работы, требующие двух пар электромонтерских рук. Одну из них, проводимую два раза в год: к Первому мая и к Новому году, Андрейн по составленному им графику отнес к первой декаде декабря: замена сторевших за полгода лампочек и протирка накопившейся пыли с зинченковской гордости: слегка уменьшенной копии люстры Большого театра, что красовалась под высоченным потолком главного зрительного зала дэкафа.

Ради такого аврала Николай явился в дэкаф сразу после школы, а отец продлил свою смену до пяти вечера.

Для начала Андрейн пояснил: ряды стульев-кресел в зале изначально расставлены и принайтрованы к полу так, чтобы между двенадцатым и тринадцатым рядами, как раз в середине зала, оставался проход трехметровой ширины: не только для удобства рассредоточения зрителей по залу, но и для спуска знаменитой люстры на пол.

После чего отец повел Николая на чердак, попутно захватив дополнительную тягловую силу — хмурого от долгой трезвости завхоза и одного из кочегаров-стройбатовцев.

Прямо над люстрой в чердачном потолке

наличествовало отверстие, через которое держащий люстру стальной плетёный канат выходил на чердак и далее накручивался на барабан небольшой ручной лебедки. Ворот лебедки застопорен штырем, вставленным в глухое отверстие потолочного перекрытия, а для надёжности ещё и сам канат над отверстием зажат между двумя стальными пластинами, соединёнными болтами с гайками и контргайками. Вместе с канатом в потолочную дыру входил кабель электропитания люстры, заканчивающийся силовым штепселем, подключённым к такой же силовой розетке.

Андреян с завхозом хорошо знали процедуру спуска люстры, поэтому Николаю и чернопгоннику оставалась роль вспомогательной силы для медленного спуска-застопорения каната. Когда тот ослаб, что означало приземление люстры на пол зала, Андреян страховочно застопорил лебедку. Отпустив начальника-завхоза и кочегара («Поднимем без вас...»), они с Николаем спустились в зал.

— А как мы узнаем: какие лампочки перегорели?

— Здесь все продумано, — задумчиво ответил отец и отправился через оркестровую яму в подвальную мастерскую-склад, откуда скоро явился с кабелем-удлинителем, на одном конце которого имелся штепсель, на другом розетка — точь-в-точь как на чердаке. К розеточному концу он подсоединил штепсель люстрового кабеля, а штепсельный конец удлинителя, развертывая его, понес по проходу к стене зала, открыл дверцу встроенного электрошкафчика с розеткой, вставил в него штепсель.

— Николка! Сходи в электробудку и включи люстру.

Когда тот вылез из оркестровой ямы, то люстра сияла всей своей сотней ламп. Непривычно было видеть ее горячей не под потолком, а на полу.

Работа с люстрой заняла немало времени: оба заменяли перегоревшие лампочки новыми — из принесенного со склада ящика.

Закончив эту работу, Андреян велел Николаю снова сходить в электробудку: выключить люстру и включить — для освещения зала — угловые и боковые светильники. Уборщица принесла ведро с теплой водой и ворох чистой ветоши. Все трое с час протирали от пыли лампочки и арматуру люстры: плафоны, граненые стеклянные висюльки, обечайки ярусов люстры.

Отпустив уборщицу, отец вновь послал Николая включить люстру и начал осмотр неперегоревших за полгода лампочек, объясняя сыну, как по провисанию вольфрамовых нитей накала определить: как скоро лампочка перегорит. Заменяли поэтому еще полтора десятка лампочек.

И опять включив люстру, удостоверились, что она дает полный свет. Отключив вновь же люстру и удлинитель, отправились на чердак — поднимать люстру, крутя в четыре руки ворота лебедки. Помощники при подъеме не требовались, поскольку лебедка при вращении ворота вправо имела шаговый автостопор барабана — для предотвращения разматывания...

Закончив дела на чердаке, еще раз включили в электробудке люстру. На этом многохлопотная работа завершилась. Давешняя уборщица мыла запыленный центральный проход зала.

◆ Еще до профилактики младшей сестры большеетеатровской люстры Андреян, сдавая смену сыну, несколько дней подряд как-то задумчиво хмыкал. Николай понимал: что-то задумал и хочет поручить ему, но сомневается как в своей правоте, так и в компетенции сына. Все же разговор начал:

— Новый год вот на носу...

Николай охотно согласился со столь невероятным астрономическим открытием, но не преминул пошутковать:

— Это какой? — Григорианский, юлианский, китайский, мусуль...

Отец поморщился:

— Я о деле говорю. Надо что-то делать с переключателем елочных гирлянд и прожекторов — для елки в танцзале. Сам знаешь, эта развалюха того и гляди... накроется под бой курантов, как говорится! И волочить ее из подвала — стыд крошечный, да и отходить от нее работающей нельзя — все открыто, того и гляди дурак какой пальцем сунет. Хорошо если его просто тряханет, а то прямиком в Кислую...* Кто будет отвечать? — Мы с тобой.

Николай и сам смеялся, впервые увидев это сооружение, занимавшее площадь всего старого стола в углу подвальной мастерской-кладовой. Сразу вспомнил рассказ Алексея Васильевича, как он начинал свою радиолюбительскую деятельность в начале тридцатых годов:

— Первый свой простенький радиоприемник прямого усиления на двух триодных лампах я

* Кислая губа — место расположения городского кладбища в Полярном.— Прим. авт.

собрал, заняв им целый стол. И еще над столом на проводах-растяжках много чего висело. Радиодеталей тогда в магазинах не продавали, а в городке нашем под Сталинградом их вообще нигде нельзя достать. Пришлось все, исключая те самые две лампы немецкой фабрикации, делать самому из подручных материалов: мотать силовой и выходной трансформаторы — это и сейчас радиолюбители сами делают. А вот пробовали вы мастерить самодельные резисторы и конденсаторы? — А мне приходилось поневоле.

...Далее Алексей Васильевич, увлекшись детскими воспоминаниями и на время забыв обучать нас азбуке Морзе, подробно объяснил: как делать конденсаторы из станиоловых бумажек от шоколадных конфет и вощеной же бумаги, а сопротивления-резисторы — из плотной, лучше ватманской, бумаги, нарезаая ее на узкие полоски и плотно зачерняя мягким черным карандашом.

— ...И в заключении сборка всей конструкции: безо всякого шасси, ибо как в нем закрепишь все эти бумажные конденсаторы, сопротивления и дроссели, намотанные на больших ниточных катушках; проводов в лаковой изоляции — не достать, поэтому для дросселей брал любой подходящий провод и кропотливо во всю его длину обертывал электромонтерской изолентой. Хорошо сосед работал электриком в коммунхозе. За бутылку самогонки дал целиковый круг.

Пришлось все разместить на столе, а кое-что подвесить сверху на растяжках и соединить проволочками со схемой на столешнице. Да-а, это вам не нынешние карманные супергетеродинамные приемнички на транзисторах!

◆ Переключатель елочных гирлянд и угло-

вых — под потолком танцзала — прожекторов, направленных на елку, мало чем отличался от первого радиоприемника Алексея Васильевича; по все видимости, был он построен — иначе и не назовешь — в давние годы, что отчасти понятно по датам изготовления маломощных — для гирлянд и сильноточных — для прожекторов реле, три десятка которых располагались на полудюймовом фанерном листе — как раз размером со столешницу.

— ...И Зинченка всякий раз хмурится, заведев эту хреновину в служебной комнате за танцзалом, — продолжил Андреян, — может возьмешься привести ее в нормальные размеры? Главное, чтобы надежной была и электробезопасной.

— Это понятно: защита от дурака, как радисты говорят, — задумался и Николай.

— Вот-вот, чтобы даже самый идиот не смог от любопытства сунуть нос или палец куда не следует, — обрадовался Андреян, поняв, что взял правильный тон, а сын морально уже готов к трудовому подвигу, — помни: дело мастера боится, не умеешь — не берись! А ты, как радиолюбитель со стажем, да и руки из нужного места растут, не говоря уже о голове, справишься. Главное — к Новому году, точнее — к двадцать пятому декабря, когда в зале установят елку, успеть. Ты сейчас в глазах нашего подполковника почти герой — спаситель дэкафа, а продемонстрируем ему новую технику — благодарность в трудовую книжку и премию снова схлопочешь. Идет?

— Идти-то идет, берусь, конечно, но придется развалюху на детали порушить, и — я

список составлю — через завхоза у Зинченки попросить достать нужные комплектующие, реле в основном. Например, с радиомастерских подплава, и...

Андреян досадливо поморщился:

— Бог не выдаст, свинья не съест. Ломай эту хреновину к ядерной матери. Привыкай без страховки работать. У Зинченки же ничего просить не надо; у него один ответ: своими силами обходиться надо. Знаешь, как начальство рассуждает? — Рассуждает просто: сегодня я у кого-то фунт г... попрошу, а завтра тот у тебя тот же фунт, но только золота-серебра потребует. Диспозиция понятна? — Не подведи, а тебе все зачтется.

...Теперь все рабочее время, свободное от хождения по этажам с монтерской стремянкой, обслуживания спектаклей и концертов гастролеров и выполнения школьных домашних заданий, Николай проводил в подвальной мастерской. Гремел молотком, сгибая листы дюрали, сверлил, пилил ножовкой по металлу. А канифольный дым от умоощенного девяностоваттного паяльника порой затягивал весь немалый подвал, так что его нейтральные соседи-крысы, для которых дым — сигнал пожарной опасности, совсем притихли, упрятавшись в самые глубокие свои норы.

Наступил день «икс» — опробование «в боевых условиях», как сказал Андреян, прибора, который был настолько мал и легок, что Николай нес его из подвала на второй этаж подмышкой левой руки. Отец, снисходительно-горделиво усмехаясь встречным сотрудникам дэкафа, следовал за ним.

В служебной комнате за танцзалом Нико-

лай подключил свой механизм к размещенным на стене разъемам, от которых скрытой проводкой по стенам и под паркетом пола шли кабели к елке и угловым подпотолочным прожекторам.

— Да будет свет, сказал электрик, — ухмыльнулся и Николай, включая тумблеры электропитания прибора и подключения гирлянд и прожекторов.

Под дюралевым кожухом, оформленным под армейскую радиостанцию, часто застучали переключатели реле елочных гирлянд и реже застукали сильноточные прожекторные. Андреян и Николай выглянули в зальный дверной проем: все в полном порядке, гирлянды на елке и прожектора включались и выключались в нужной последовательности.

И сам подполковник Зинченко, извещенный завхозом, прибыл на смотрины: изумился малости и ладности прибора, дюралевою поверхность которого Николай отшлифовал до зеркального блеска пастой «ГОИ», с чувством пожал руку Андреяну, одобрительно похлопал Николая по плечу, а завхозу, стоявшему за его спиной, распорядился подготовить благодарность.

Полярный 60-х годов; «ойкумена» дэкафа — городской (гарнизонный) стадион: массовый физкультурный праздник в День военно-морского флота

Аверс QSL-карточки: оператор радиостанции UA1KUZ радиоклуба Полярной школы провел сеанс связи с Вили Маасом из шведского Грититтана

ГЛАВА 8. ...И СНОВА ГОСТИ ЭЛЕКТРОБУДКИ

◆ От Нового года до старого Нового года — только в СССР два таких года существуют! — время пролетело быстро. Пользуясь десятидневными каникулами, время с утра до четырех дня Николай, наверстывая упущенное, безвылазно сидел за телеграфным ключом школьной коротковолновой радиостанции с позывными *UAIKUZ*. Алексей Васильевич, он же и начальник радиостанции, ставил Николая на вахту вне солидной очереди, понимая обстоятельства единственного работающего подопечного.

За это межновогодье установил Николай за полусотню радиосвязей как в пределах страны, так и с зарубежными: американцами, европейцами и достаточно малочисленными коротковолновиками из Азии.

А в дэкафе гастролеров в это время не бывает, потому в зале «под люстрой» крутят детские утренние и вечерние «взрослые» фильмы, а в зале с елкой тож с утра до вечера все танцуют. И с единственной своей заботой — опекать весь день включенный переключатель гирлянд и прожекторов — он легко справился.

Номинально хозяйкой служебной комнаты, где находился переключатель, являлась музрук дэкафа Надежда Станиславовна: в помещении чуть ли не четверть его занимал концертный рояль, как и знаменитый бильярд, вывезенный по репарации из Германии. Станиславовна занималась с детским хором, а по вечерам и в воскресенье днем с индивидуальными ученика-

ми-фортепианистами занималась его одноклассница Лиза Радциг — из поволжских немцев, русская по матери.

Она закончила в Ленинграде музыкальную школу и собиралась после окончания нашей школы поступать в Гнесинку. Поскольку в Полярном своей музшколы не имелось, то Станиславовна и предложила Лизе заниматься с более-менее музыкальными младше- и среднеклассниками ...классницами — точнее.

Деньги, в которых она не особенно нуждалась — если только на всякие бирюльки навряд ли сережек и предельно дефицитные, только-только появившиеся рижские тридцатирублевые колготки, — ей платили охотно чадолюбивые родители. Так что трудовой книжки Лиза не имела в отличие от Николая.

Лиза нравилась ему, в этом году пробовал оказывать ей знаки внимания, но Мишка Юрасов, зоркий по этой части, разочаровал: у Лизы появился с лета постоянный ухажер с серьезными намерениями — срочнослужащий матрос, официальный кандидат от подплава на поступление в *ЛВВУПП*. «Так что, Никол, тебе не светит, — серьезно пояснил Мишка, — матрос этот не глупее тебя, зато с усами и кандидат в мастера спорта по вольной борьбе. Уже и Лизка своим подружкам говорит, что Гнесинка — это фирма, конечно, зато в Ленинграде родительская квартира с шустрой, нестарой еще бабусей, умеющей отменно готовить, и тоже пользующийся репутацией музыкальный институт.

◆ Но в межновогодье певческий кружок Надежды Станиславовны также каникулярил, и Лиза со своим усатым матросом ходила в кино

и на каток. Поэтому, приняв от отца вахту, Николай запирает служебную комнату с работающим переключателем на ключ и уходит к себе в электробудку. А незадолго до полуночи поднимался вверх и выключал свое детище.

Как говорится, хорошее время пролетает быстро. Закончились и зимние каникулы, одиннадцатого числа — в школу.

...Надо сказать, что хрущевская страсть к реформам — объединениям, разъединениям и укрупнениям докатилась даже до самых удаленных от Москвы районных наробразов и по инерции еще некоторое время продолжалась после удаления Никиты Сергеевича на персональную пенсию союзного значения — 160 рублей в месяц.

В школе финальная одиннадцатилетка приходилась на два нынешних десятых класса: «А» и «Б». Но их в предшествующие полтора-два года столько раз переформировывали, то по изучаемому языку — английскому или немецкому, то по характеру производственного обучения: «телеграфисты» и «заводчики», то еще по какой-то райнаробразовской шлее... что в том или ином качестве все «ашники» и «бэшники» побывали в одноклассниках. В конце концов ребята плюнули на условные «А» и «Б» и стали именовать себя просто будущими одиннадцатилетками. И Николай, спроси его из какого он класса: «А» или «Б», наверняка секунд на пять задумался бы.

Первый школьный день после каникул уже третий год подряд весельем не отличался. И учителя суеверно старались не забалтываться друг с другом, хотя многие не виделись целых

десять дней, и не опаздывать на первый, восьмичасовой урок.

И все в школе, кто жил в Полярном поболее трех лет, помнили вот такой же первый школьный урок после новогодних каникул. Обрадованные встречей после «долгой разлуки» наставницы явно заболтались в учительской. Это даже принято было: в такой день опаздывать в классы минут на десять-пятнадцать. Ученики прекрасно понимали учителей, особенно преобладающих численно учительниц, потому, сидя в вольных позах за партами, лениво обменивались каникулярными впечатлениями.

В восемь-пятнадцать, когда, похохатывая, учителя попарно расходились по своим классам и предметным кабинетам, со стороны близких пирсов Екатерининской гавани раздался ужасающей силы грохот мощного взрыва. Во всем городе погас свет, полетели выбитые оконные стекла. Взорвался торпедный боекомплект подлодки «Б-37», приписанной к Балтфлоту, но постоянно базировавшейся в Полярном.

Лодка стояла у пирса первым корпусом, а пришвартованная к ней вторым корпусом лодка «С-350» Северного флота успела при начале пожара на «Б-37» отойти на два десятка метров, но при взрыве боекомплекта и ее сильно повредило. Оба корабля очень быстро затонули. В общей сложности погибло полтора экипажа — почти весь на «Б-37», в том числе отцы — офицеры и мичмана — учеников школы и мужа двух учительниц.

Командир «Б-37», капитан второго ранга, дочь которого училась в одном классе с Николаем, чудом уцелел, месяц пролежал в госпитале

со сломанными ребрами, а после выздоровления в наказание был переведен в Бакинское военноморское училище.

...Учительницы теперь не опаздывали на первый урок после новогодних каникул — чтобы не сглазить. Почти все они являлись женами офицеров и хорошо усвоили: моряки военные — самый суеверный народ.

◆ Но до траурного одиннадцатого января — десять вольных дней. Гости в электробудку, но иного характера, не осведомлявшиеся «А где Андреян?» — проспавшись от новогоднего бдения за столом и телевизором, начали появляться с вечера второго числа. Костяк гостей-одноклассников составляли Илья Сомонин, Володька Марьин и Витек Белобрагин. Если приходили вдвоем — значит третий на дежурстве в радиоклубе.

Все четверо, включая гостеприимного хозяина, совершенно разные по характеру, росту и манерам. Володька даже не являлся телеграфистом, а постигал профессию станочника на судоремонтном заводе. Витек и Николай имели третий разряд по слалому — любимому, как говорится, после перетягивания каната виду спорта в Полярном... Но вот что объединяло гостевую троицу — почти что отвращение к конькам, хотя и по разным причинам. Илья пару лет назад подвернул на катке стопу левой ноги, да так, что месяц пролежал в райбольнице и еще месяц ковылял по квартире в гипсе. После чего отец его, заместитель гарнизонного прокурора, ранее заставлявший своего сына, иногда склонного к сладострастному ничегонеделанию, заниматься физкультурой, к радости Ильи отстал от него.

Витек — самый высокий в классе, с осанисто-подтянутой фигурой, весь пошел в отца, командира бригады минных тральщиков, каперанга, военного моряка в третьем поколении — отсчитывая от канонира славного «Варяга». Правда, не из экипажа времен битвы в корейской бухте Чемульпо, а уже на «Варяге», поднятом японцами, накануне Мировой войны выкупленном у них царем и отправленном в 1916-м году быть-стать флагманом Флотилии Ледовитого океана — предшественницы уже советского Северного флота.

Базиновалась флотилия в Полярном, тогдашнем Александровске, основанном в последний год девятнадцатого века. Мурманска и Североморска тогда еще и в помине не было. «Варяг» стоял на рейде Екатерининской гавани, но перед самой Октябрьской революцией был отправлен в Англию, где в свое время сошел со стапелей, на капремонт. Перед отправкой часть экипажа из боевых расчетов оставили на базе Полярного. Канонира Белобрагина в их числе.

...Отец же Витька был известен не только в Полярном, но и на всем Северном флоте своей невозмутимостью, спокойствием в самых сложно-нервических ситуациях. Вот сыну все это и передалось. А каток, особенно в вечерние часы, — как часто говаривал латинист Николай, есть прямое воплощение *suetas suetas, et cetera sueta**. Сам он каток уважал, но — рад бы в рай, да черти не пускают, то есть служба в дэ-кафе, хотя сторожит очаг городской культуры не черт рогатый, а обходительная дежурная на

* Суэта сует и всяческая суэта (лат.).— Прим. авт.

входе Нина Степановна, появившаяся на свет еще до постройки «Варяга» и основания Полярного...

Отец Марьина — фрезеровщик высшего разряда на Шестом заводе в школьно-спортивные дела Володьки не влезал и коньки ему справил самые модные — настоящие «ножи» на высоких шнурованных ботинках; справил с большой премии, что прилагалась к ордену Трудового Красного Знамени. Но Марьин-младший чего-то стеснялся: то ли невысокого роста, а может своей курносости и рыжеволосости. Сам он был скуп на слова.

Училась троица также с различными успехами. Витек без особых усилий, как предрекали учителя, «тянул» на медаль, может и золотую. Володя Марьин в институт поступать не планировал, готовясь продолжить трудовую династию на *СРЗ № 6* Северного флота, поэтому учительскую «хвалу и гнев приемлел равнодушно». — Так словами классика определила его учебный статус Людмила Евгеньевна. Естественно после того, как Володька отказался от предложенной ему роли мелкого злодея в руководимом ею школьном театре: «Типаж у тебя, Володя, очень подходит для характерных ролей...». Что подделаешь, увлеченная своим детищем, Людмила Евгеньевна порой забывала, что перед ней не профессиональные актеры, но школьники в самом обидчивом юношеском возрасте.

Илья — парень сметливый и заводной, но в учебе лентяй черноземный. — Это уже слова директрисы Марии Ивановны. Забегая немного вперед, можем сказать: когда после окончания школы Илья поступил в родительском Липецке

в филиал Московского института стали и сплавов, то, узнав об этом, самая строгая и старейшая в школе учительница физики Софья Федорвна едва не упала в обморок со словами: «Все. Ни стали, ни сплавов больше в стране не будет!».

Наконец, анализируя сходства и различия своих друзей, Николай, прочитавший к десятому классу почти всю русскую и зарубежную романную классику, не преминул и их отношения «к страсти нежной», или, как поучала их Людмила Евгеньевна, — к непременно атрибуту пылкой и влюбчивой юности, разобрать.

Что здесь он мог для себя уяснить? — Марьин с его ростом, рыжестью и курносостью пока об этом не задумывался, здраво полагая: надо окончить школу, отслужить, а потом придут нужное время и обстоятельства.

На высокого и статного Витю засматривались все самые выдающиеся одноклассницы из «ашек» и «бэшек»; тем более — из следующих за ними классов. Гулякой по своему характеру он не был, поэтому все относил ко времени будущей учебы в ленинградском институте или училище — то или другое непременно военного морского профиля.

Вот где пропадали даже намеки на лень у Ильи, так это в «науке страсти нежной». Учительницы постарше за глаза называли его не иначе как очкастым кобелем — Илья носил очки по близорукости. Единственный из компании участвовал в театре Людмилы Евгеньевны в непременно амплу водевильного второго любовника. Привлекало его не актерское лицедейство, а возможность общения с девицами; понятно, что на

сцену стремились не сугубые зубрилы-отличницы, а фигуристые и в допустимой мере раскованные девушки старших классов.

...Когда по окончании девятого класса физрук Рэм Давыдович формировал отряд по образцу студенческих «целинников» для поездки на два летних месяца в окрестности Евпатории: покупаться и позагорать, не особо утруждая себя несложной работой в совхозе, то публично сказал Ильи и Мишке Юрасову, захотевшим записаться в отряд: «Нет, увольте-с. Не хочу дедом оттуда возвращаться!»

Полярный — не Большая земля, тем более не столичные города, где пользовались успехом фильмы о юношеской любви, а на всех сценах шли спектакли навроде «А если это любовь?». Но, несмотря на строгость нравов в школе «с традициями» и отцовское военно-морское воспитание старшекласниц, активно дополняемое матерями, в основном, родом из Ленинграда и там же получившими институтское образование, жизнь берет свое.

В среде старшекласников, особенно уже получивших паспорта, имелось несколько тесно сдружившихся пар. «Постельно сдружившихся», — хохотал прилюдно грубый Мишка Юрасов. Причем, если, например, пара составлялась из одиннадцатиклассника и десятиклассницы, то юмористы называли ее неравным браком.

Пары по мере обстоятельств не афишировали свои отношения, а в школе и вовсе старались не разговаривать друг с другом. Главное — чтобы родители были в неведении. Поскольку в школе скандалов внутри пар не случалось, то учителя и одноклассники также не акцентирова-

ли своего внимания, более того, даже относились к сдружившимся подчеркнуто вежливо. Оценивали и серьезность намерений в романе Лизы Радциг с ее усатым матросом.

Илья же являлся единственным исключением, в открытую крутя второй год любовь с одноклассницей Нелькой Золотаревой, девицей не по годам грудастой, но тонкой в талии и с точеными ножками, мало интересующейся учебой, но доброй и вежливой.

И сами обстоятельства благоприятствовали развитию и продолжению их взаимной приязни. Во-первых, матери обоих сами вышли замуж чуть ли не в день своего восемнадцатилетия и рассуждали здраво: пора пришла их детям жениться, так пусть хоть не на стороне... Нелька жила с матерью, а отец второй год как учился в Москве, в Академии химической защиты, домой приезжал только на каникулы. Мать же часто на несколько дней уезжала в Мурманск, где также заочно училась в пединституте, поскольку в Полярном ее первая специальность здесь востребования не имела: она окончила тоже академию в Ленинграде, только — лесотехническую, а в Полярном деревья не росли.

Оставлять в квартире одной почитай уже взрослую дочь не опасалась: ко всем прочим достоинствам Нелька отличалась житейской рассудительностью и замечательно готовила — бабуся в свое время научила.

...Так что если в течение нескольких дней Илья, что называется на глазах толстел, а лицо начинало лосниться от сытости, все понимали: живет у Нельки в отсутствии ее матери, для приличия иногда на час-другой заходя и к себе

домой. Мать, улыбаясь, передавала привет очень ей импонирующей Нелли, а отец, заматанный своими прокурорскими хлопотами (супруга его подозревала иное — чисто по-женски), в дела взрослого сына не встревала.

Поскольку на каток друзья не ходили, а Нельку мать на зимние каникулы увезла к ленинградской бабусе, куда прибыл из Москвы и отец, то являлись в электробудку под вечер всей троицей.

Полярная средняя школа № 1 имени М. А. Погодина (ее первого директора в 30-е годы); снимок автора книги, а в темном фоне «повинна» полярная ночь (60-е годы; ребята бегут в школу, а девушки с матросами — вниз по улице в дэкаф...)

Полярная средняя школа № 1 имени М. А. Погодина; одноклассники и прототипы героев настоящего повествования...

ГЛАВА 9. «У МЕНЯ РАСТУТ ГОДА...»

◆ На новый год шел мягкий снег, туман сдуло с города и Екатерининской гавани — дышалось легко. Но пополудни третьего февраля ударил сильный для этих гольфстримовских мест двадцатиградусный мороз. В электробудке, упрятанной в глубине тепло отапливаемого дэкафа, если и похолодало от обычной температуры, то градуса на полтора-два. Человек такую малость не замечает. Другое дело — животные, особенно с тонкой психикой, к которым несомненно относятся корабельные крысы.

Иначе почему бы их дэкафовский вожак Касьян, прыгнувший со своей медной электрошины в четыре часа по приходу Николая, включившего свет в жилой половине электробудки, минут через десять снова забрался на нее. Из темноты щитовой половины Касьян поглядывал на хозяина немигающими глазками: извини, мол, но в норке песчаной сегодня холодно.

Даже когда в электробудку вошла дружественная троица, Касьян остался на боевом посту, благо вошедших он хорошо знал. Память у больших крыс абсолютная.

До прихода гостей Николай уже успел проверить работу своего механизма в служебной комнате при танцзале, заменил пару лампочек в коридоре первого этажа — на второй в праздничные дни не поднимался, чтобы не толкаться со своей стремянкой в толпе веселящихся и разряженных людей. Вернулся к себе и прилег на диванчик с романом Золя «Жерминаль».

...Илья, Володька и Витек обнаружили себя дружным хохотом, когда они входили в дальний конец коридора. Скоро разъяснилась и причина хохота, явно занесенного в дэкаф еще с улицы:

— Коль! Ты вот наминаешь себе бока на диване, рóманы читаешь, — веселился Илья, — и бесплатный цирк на улицах города не смотришь. Мы с Витьком идем от школы — наша вахта на радиостанции, смотрим: на углу с улицей Фисановича* стоят явно выпившие Вовка Пирожников и его двоюродный брательник, что в прошлом году школу окончил, а теперь на каникулы приехал из Ленинграда, где в Кораблестроительном учится...

— Ну и что? Вовка наш — лучший не только в классе, а во всей школе художник. Художники же — сужу по дэкафовским оформителям и отцову родственнику в Калуге — все имеют тягу в выпивке; вроде как принадлежность профессии.

— Да нет, если бы только бухнувшие были — мы за них и порадовались. Но стояли на углу, курили и явно рассказывали анекдоты про руководителей партии и правительства, при этом в полном зимнем обмундировании капитанов первого ранга!

Тут как раз патруль идет во главе с капле-ем. Издали-то выглядят осанисто, патруль по форме в стойку «смирно» за три метра и честь козыряют, а Вовка поддельным басом: «Пр-р-ро-должайте движение!»

* Исаак Израилевич Фисанович — в войну командир подводной лодки Северного флота, Герой Советского Союза.— Прим. авт.

Но, уставно маршируя мимо столь высоких чинов, капель и оба патрульных матроса с сомнением посмотрели на непозволительно молодежавших каперангов. Однако решили, что темнота и разыгравшееся к ночи северное сияние и не такие шутки вытворяет.

Поинтересовались: откуда форменная одежда и куда направляются? Оказывается, идут в дэкаф на танцы, а два комплекта нашли в шкафу отца Вовки. Уже настоящего каперанга. Благо отец с матерью на пару дней в Североморск смотались к семейным друзьям.

То ли наши убеждения подействовали, а скорее всего кайф на морозе начал испаряться, но брательники все же отправились домой — к Вовке, конечно, «добывать» отцовы праздничные припасы. Порекомендовали им по дороге придерживаться безлюдных проулков. А сами взяли курс на тебя. У самого дэкафа и Володька присоединился. Морозище сегодня? Давай, чайку сгоноши.

◆ Пока Николай возился с «приписанным» к будке электрочайником, Илья все порывался сходить в буфет за горячими пирожками и еще чем-нибудь съедобным: «Мы же на вахте с утра, жрать до безумия хочется». Хозяин успокоил: мать при уходе всучила ему большой сверток с разными пирогами и бутербродами, а из шкафа он достал *НЗ* на случай разыгравшегося аппетита: две плоские банки, одна с консервированной колбасой, другая с тминным твердым сыром. Оттуда же перенес на стол фарфоровый заварной чайник, пачку краснодарского высшего сорта и две чашки вдобавок к двум же граненым стаканам, что

стояли не небольшом подносе обок графина с водой.

Илья и Витек между тем с жадностью ели. Николай, как и Володька Марьин, не так давно пообедали дома.

Доедая последний кусок пирога с палтусом, Витек, как склонный к философствованию, подмигнул заинтересовавшемуся видом едящих людей Касьяну:

— Как полагаете, господа гимназисты империи советской, сколько лет корабельные крысы живут? Н-у, Касьяна я в виду не имею: он бессмертен, как товарищ Ленин.

Все пожали плечами, поэтому Витек продолжил:

— Как учат нас основоположники материализма и диалектики Маркс и Гегель Георг-Фридрих Вильгельм, все познается в сравнении. А крысу надо сравнивать с котом... то есть с кошкой. Ведь коты бездельники и сибариты, а мышей с крысами кошки ловят.

— Это ты к чему?

— А к тому, дорогой наш хозяин, что кошки с этими тонкохвостыми находятся, как говорит наша биологичка, на одной ступени пищевой пирамиды: кошка ловит мышку, а мышка прячется от кошки. Значит, природой им отпущен примерно одинаковый жизненный срок. У кошки же он за двадцать лет — если, конечно, в этой самой жизни ей повезет...

— Нэ можэт быт-т, — с грузинским акцентом пробасил Илья, жадно хлебнувший из стакана только что налитого чая и обжегший небо.

— Может, — встрял обычно молчавший Володька Марьин. — У моей бабки в Курске

кошке восемнадцать стукнуло. Правда, ее из квартиры на улицу не выпускают.

— Вот и нам к окончанию нашей образцово-показательной восемнадцать исполнится, — вступил в беседу, освободившись от чайной церемонии, Николай, — как говорится: «У меня растут года...».

— Да-да, Никол Андреевич, — подхватил Витек, — надо задумываться о светлом будущем. Детство — отрочество — юность того, тю-тю!

— А чего задумываться-то, — откашлявшись и осторожно дую на чай в стакане, усмехнулся Илья, — начерно все для себя каждый уже решил. Я в свой, то есть родительский, Липецк поеду. Во флот по зрению нельзя, в сухопутники сам не хочу. И вообще военная стезя не привлекает. Так что мимо любого военного училища бегом проскочу.

Витек с сомнением покачал головой:

— Мимо училища проскочишь, а как мимо армии? Там и с очками на носу в радиотехнические войска загребут. Тем более — со вторым разрядом по радиотелеграфу.

— Хм-м, а институты что — позакрывали их все?

— Пардон, дорогой Илюша, но на наше школьное арриведерчи во всех институтах двойной конкурс, а у тебя в аттестате, еще раз миль пардон, будет только одна пятерка — по производственному обучению — от щедрот Алексея Васильевича и твоего музыкального слуха телеграфиста, и одна четверка — от подруги твоей матери химички. Двойки в аттестат не ставят, так что все остальное — «уды».

— Ха-ха! Мы, конечно, честные комсомо-

листы и преданные всяким высоким идеям, но так уж получилось, что в городе металлургов Липецке есть такое уютное высшее учебное заведение, как филиал знаменитого Московского института стали и сплавов — *ЛФ МИСИС* сокращенно. А в этом филиале дядюшка — старший брат отца — что-то там по хозяйству, не помню названия должности, но в первую десятку руководства уверенно входит...

◆ — Да, — заметил Николай, — блат, конечно, вещь приятная, но на нем заикливаться нельзя: привыкнешь — себя потеряешь.

— А я и не собираюсь привыкать, но, как говорит отец, взрослые просто должны своим детям-родственникам помочь преодолеть первую, самую трудную ступеньку о-очень высокой жизненной лестницы. Потом, вы прекрасно знаете: троечник я не по тупости, но по широте вольнолюбивой натуры. Опять же Нелечка, моя дорогая подруга, отвлекает. Так что экзамены в институт я более-менее осилю: без Нельки — не поедет же она за мной в Липецк! — подготовлюсь. И у меня козырь — от отца унаследовал хорошо подвешенный язык, так сказать, прерогативу юриста-профессионала.

— Допустим, — рассуждал Витек, — поступишь в свой металлургический филиал, за ум возьмешься без Нельки, хотя и в Липецке девиц предостаточно, или дядька в первую тройку руководителей филиала пробьется... словом, получишь и диплом. А дальше что? Как на плакате: металлург со зверским выражением лица и в этакой рыбацкой шапке на голове длинным ломом пробивает затычку в доменной печи?

— Попроваю, дорогой коллега по образцо-

во-показательной: ломом шуруют рядовые работы, а инженер сидит в своей конторке поодаль от печи и задумчиво обдумывает планов громады — желательно на следующую пятилетку. Нет, вряд ли... Вообще говоря, задумываться больше чем на эту самую пятилетку учебы в институте не стоит. Ближе к диплому — да, надо задумываться.

А ты, Витек, во флотские? По стопам отца в мореходку военную? Как-то несолидно с медалью, которая у тебя явно просвечивает через полтора года.

— Ты, Илья, правильную мысль высказал. Вот шуткуют московские диссиденты на своих просторных кухнях на эту тему: как учит нас партия и правительство, человек полагает, а Политбюро ЦК КПСС располагает. То есть, действительно, загодя все решать — значит маниловщиной заниматься. Или обломовщиной, как бы меня Людмила Евгеньевна поправила...

Все-таки Алексей Васильевич всех нас, включая «заводчан», радиотехникой заразил не хуже чем чумой в средневековые эпидемии. Честно говорю: медаль — не медаль, но, скорее всего, к огорчению отца, в первую очередь, нарушу-таки в четвертом поколении военноморскую традицию. Одно точно знаю: учиться буду в Ленинграде: во-первых, материна квартира с видом на Петропавловскую крепость; во-вторых, город безоблачного детства; наконец, обилие институтов, училищ и академий с конструкторско-радиотехническими специальностями.

— Понятно и с тобой, Витек, и со мной, как я уже доложил,— Илья уже с осторожностью приступил ко второму стакану,— не менее

ясны и Николкины перспективы, да? Кстати, с твоим аттестатом, где ты планируешь, окромя пятерок, лишь три-четыре «хорошек», а главное — с такой мощной сверхперестраховкой, как два года трудстажа, запросто и с высокой гарантией в самый престижный столичный институт или университет можешь двинуть! Слабо что ли в МФТИ или МИФИ* поступить? Там не только атомщиков готовят, но и радио-конструкторов высокого полета! Мне мой липецкий дядька много чего рассказывал...

— Знаете... Оно, конечно, правда насчет высокого полета и моей охранной грамоты — справки о трудовом стаже. И квартиры у нас в Москве не имеется, зато в Тулуповске скоро свой дом будет.

— Купите что ли?

— Да нет, Илья, дядька опять же, как и твой липецкий заботится: строит за умеренную цену на своем пригородном участке.

— Это какой дядька? Тот знаменитый полковник НКВД времен Лаврентия Палыча, о котором ты как-то рассказывал?

— В точку, Витек, попал. А в Тулуповском политехе имеется радиотехнический факультет...

— Все же провинция, — возразил Витек, — профессура в том политехе послабее московской или ленинградской. Скажи прямо: привык под опекой папки-мамки жить?

* Пояснение для поколения новейшей генерации, знающих только торгово-спекулятивные и прочие экономико-юридические специальности: это Московский физико-технический и Московский же инженерно-физический институты — самые престижные в те годы. — Прим. авт.

— Может и так. Слишком долго по девять месяцев в году в школьном интернате провел. Но главное не в этом. Так полагаю, что суть вся не в провинции, кстати, эта провинция — периферия в двухстах км от Москвы, и не в громких профессорских именах. Если башка варит, скажу без излишней скромности, так того «высокого полета» достигнешь, какой сам себе задашь.

...Конечно, Политбюро располагает, как ты, Витек, сказал, но кто уверенно полагает, тот вполне может своей судьбой распорядиться.

◆ — Да ты, брат, прямо-таки пронизан житейской мудростью, — восхитился Илья, — вот Володька тоже мимо Политбюро свою жизнь решил расположить. Да, Володь?

— Так точно. Продолжу трудовую динамику. Мне на заводе нравится, коллектив в цеху хороший. Руками работать люблю, а захочется квалификацию повысить, так поучусь со временем заочно в техникуме или институте. Но начальником становиться не собираюсь — не по мне это. Людями командовать для меня все одно, что заново родиться. Пожалуй, все.

— Ты, Володь, человек правильный и рассуждаешь, что называется, от корня. Я вот сейчас тоже работаю, электромонтер. В каком-то смысле и мне здесь, в дэкафе нравится, исключая нудную замену сгоревших лампочек. В чем ты исключительно точен и прав — начальником нужно родиться...

Кто есть таков начальник по природе своей? — С одной стороны, властолюбец, независимо от, так сказать, масштаба начальствования. С другой — человек с крепкими нервами, что

абсолютно необходимы для выработки качества ответственности за подчиненных.

— Никол? Не замечал, что у тебя нервы пошаливают.

— Нет, Илья, ты неправильно понял. Крепкие и, так сказать, «не'крепкие» нервы в таком качестве вовсе не предполагают пошаливание их. Здесь все сложнее, как любит говорить Софья Федоровна, объясняя нам законы Ньютона или Фарадея. Правда, она, как выпускница царской гимназии, изначально предполагает в нас врожденную тупость...

Здесь же крепкие нервы — наличие определенной эмоциональной тупости, воспитанной, или врожденной — как по мнению нашей уважаемой физички. А не крепкие нервы — это неумение или нежелание человека подавлять свои эмоции...

— Все-все, Никол, не увлекайся философствованием, — засмеялся Витек, — и так ясно: подчиненный запил и прогуливает, а начальнику все похрену, главное, чтобы ему от вышестоящих не влетело по первое число. Словом, не бери себе в голову. А вот противоположный ему начальник с некрепкими нервами будет переживать, даже если у подчиненного ему Васи-Пети зуб заболел. Такой начальник долго не протянет.

— Все верно. Как в аптеке. Пошли в оркестровую яму фильм смотреть.

...В половине одиннадцатого, дождавшись окончания танцев и вообще всякого веселья в дэкафе, Николай выключил свой елочный прибор, вернулся в электробудку, проверил, хотя и для проформы, — все ли выключено на электрощите, оделся, кивнул разомлевшему на мед-

ной шине Касьяну, выключил свет за собой и пошел на выход, загодя поеживаясь в предвкушении ядерного уличного мороза.

Проходя мимо кладовой Зойки, обогнул двух здоровенных, усатых курсантов *ЛВВУПП* с пятью шевронами на рукавах шинелей, прибывших в Полярный на старшекурсную плавпрактику.

Разгоряченные явно не только танцами, но и прихваченным в Мурманске *НЗ*, усачи активно обрабатывали Зойку, набиваясь к ней в ночные гости. Ее же, как понял усмехнувшийся Николай по репликам, предложение устраивало, но сразу с двумя она, как женщина высокоморальная, гостевать не привыкла. Пусть усачи сами друг с другом разберутся...

А уже на выходе из парадных дверей дэкафа заприметил метрах в десяти впереди себя Лизу Раддиг под руку со своим усатым мореманом.

◆ Все-таки перепад температур — в сторону резкого похолодания — не только крысиный вожак Касьян сегодня почувствовал. Отец и вовсе не спал, когда Николай ближе к половине двенадцатого пришел домой, а сидел на кухне, пил чай и читал взятую в дэкафовской библиотеке старопечатную — с ятями и латинскими «*i*» — книгу Вересаева о его врачебной молодости.

— Все там в порядке?

— Не сгорели, — ответил Николай, которого с мороза в натопленной до банной духоты кухне потянуло в сон. — Есть не буду, — и пошел в дальнюю комнатку, где располагались его и братьев кровати.

Отца он ни о чем не спрашивал — не принято было в доме. Но Николай и без того знал: в морозные дни у Андреяна обостряется заста-

рельеф ревматизм, привязавшийся в годы войны — здесь же, в Заполярье. И чем ворочаться в постели, беспокоя домочадцев, отец предпочитал проводить начало ночи на кухне: чай и книга оттягивали нудную боль от суставов.

...Сон коварен по своей сути. Только что Николай готов был едва ли не у кухонной печки улечься и заснуть, а теперь, укрывшись пуховым одеялом, с изумлением обнаружил: сон, вильнув хвостом не хуже спрыгивающего с теплой медной шины Касьяна, умчался бог весть куда. Видно и сон заморозился в этих местах, сам никак не мог заснуть — для человека это картина сна во сне — и другим не давал: как Андреяну и Николаю.

Но все одно, если ночью не спится, то движение мыслей течет по сценарию обычного сна. А сценарий этот таков, как вычитал недавно Николай в любимом им — конечно, после «Радио» — журнале «Наука и техника» в переводной с французского статье о психологии изобретателей, что первые сны задремавшего человека развивают тему последних перед засыпанием событий в реальной жизни.

Вот и французский ученый в своей статье приводил любопытные факты. Так многие ученые самые свои значимые открытия и изобретения делали... во сне. Знаменитый французский математик Анри Пуанкаре* многие свои теоре-

* Анри Пуанкаре, немецкий математик Давид Гильберт и русский, советский физик Александр Фридман — основоположники общей теории относительности, дополненной в значительной степени современным русским ученым А. А. Логуновым. Существенна здесь и роль Альберта Эйнштейна. — Прим. авт.

мы доказал спящим — утром просто записывал. Существует быль, что и периодическая система (таблица) элементов тоже приснилась Дмитрию Ивановичу Менделееву.

...Конечно, это вовсе не значит, что во сне мозг человека работает сверхактивно. Нет, просто в бодрствующем состоянии мозг все уже к открытию подготовил, но осталось только сделать основополагающий вывод, да все что-то мешает: коллеги по работе всякими глупостями отвлекают, супруга ворчит насчет нехватки денег дома и так далее. А во сне помех нет: коллеги тоже спят или интригуют за спиной шефа. То же самое и с супругой происходит. — Вот и открытие как с куста!

Но все это радостные для человечества исключения. Ведь сколько важных решений для мировой науки, для судьбы отдельного, так сказать простого, человека так и не реализовались, ибо сны, особенно первые за ночь, имеют досадное свойство забываться при просыпании.

◆ Вот и для ворочающегося в кровати Николая мысли его потекли по законам первого сна: что последнего видел, на ту тему и размышления.

Последними же Николай, выходя из дэкафа, видел Зойку, «торгующуюся» с бравыми курсантами, и одноклассницу Лизу Радциг со своим усатым кавалером. Да еще по ассоциации с Ильей Сомониным запомнилась вовсе ни в чем не провинившаяся Нелька Золотарева.

Зойка — Лиза — Нелька... Ладно, последние две возрастом и школой связаны друг с другом, но Зойка — совсем другой колер, как любит говорить дэкафовский завхоз Михаил

Дорофеевич, в молодости трудившийся маляром-отделочником.

...Николай прочитал множество романов, даже большое множество. В школе, в дэкафе тоже много девушек, взрослых женщин. Но вот некая нестыковка получалась: из романов вроде как все тонкости женского характера известны, но в поведении реальных, знакомых ему женщин романские сюжеты и характеры, что называется у радиолюбителей, «не работали».

Давно размышляя над этим несоответствием, Николай докопался-таки до сути: во-первых, романы пишутся по стандартному, установившемуся в литературе сценарию, а каждая реальная женщина — от школьницы средней ступени до пожилой учительницы — явление индивидуальное.

Во-вторых, и увы! — Николай, впрочем как и большинство его школьных сверстников, несколько задержался в отрочестве, поэтому еще не созрел для отношений, например, со своими же одноклассницами, потому всех их примеряет на романские сюжеты.

Он же и понимал: не завтра и не послезавтра он созреет и научится примерять женщин не на эти самые книжные образцы, а на сложившийся в нем самом образ — сочетание идеала и реальности. Нет, не напрасно Николай со вниманием прочитал несколько книг Чернышевского; даже библиотекарьша в «районке» заужала своего постоянного юного читателя, выдавая ему запыхавшиеся от явного невнимания клиентов библиотеки тома автора «снов Веры Павловны»...

Но одно уже сейчас мог, не лукавя, ска-

зять: с Зойкой и ей подобными ему не по пути. Даже в горячечных юных снах. Это просто брезгливость, которая из юности без изменений перейдет и во взрослую жизнь. Нельки может и не встретятся на пути в часы и дни, может и годы, разочарования, но скоро уйдут, не оставив в нем памяти. Может и имена забудутся.

Лиза Радциг, конечно, не полный образ-идеал. Она просто красивая и с уже опробованным женским обаянием. Но, увы, в данной ситуации он не бравый матрос с усами и значком КМС по борьбе.

Все же сон вернулся вспять и сморил Николая. Сон убаюкал, напевая: «У меня растут года...».

Наутро Николай не вспомнил первый сон, но сохранилось очень приятное чувство гармонии со всем окружающим его миром: бесконечная полярная ночь, северные сияния, непроницаемый туман над городом и Екатерининской гаванью, даже Касьян с немигающими мудрыми глазенками. Одноклассники и одноклассницы, конечно, Лиза и Нелли. Даже Зойка, к которой он чувствовал досадливую жалость.

...Еще не день и не два, а намного поболее оставалось Николаю до первой любви, даже до предтечи ее. Святые провидческие слова: «Надежды юношей питают...».

Одноклассницы — еще в пионерских галстуках —
напротив танцевальной веранды полярнинского
дэкафа

Современный Полярный: повзрослевшая одноклассница... А декаф уже десять лет как в одночасье сгорел

ГЛАВА 10. МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ О БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ

◆ С ощущением приятности забытого им при пробуждении сна Николай прошел на кухню. Как он вчера ближе к полуночи пришел домой и как сейчас проснулся — младшие братья все спали. Отдыхают во сне ребята в каникулы от школьного распорядка! Отец уже ушел в дэкаф, мать по всей видимости отправилась в магазин за свежезавезенным хлебом и всем, что нужно для приварка на обед и ужин.

Съев ровно треть сковороды приготовленного на завтрак омлета на свином сале с мясной прослойкой, выпив пару стаканов неостывшего еще чая вприкуску с печеньем, окунаемым в банку сгущенного молока, засобиравшись в путь: на «блатную» — от щедрот Алексея Васильевича — вахту в радиоклубе. Уже выйдя из дома, чертыхнулся: на вахте пробудет по строгому расписанию до начала четвертого, перед дэкафовой сменой уже не успеет обернуться до дома — пообедать, а взять с собой пирогов и бутербродов забыл. Но возвращаться — по морскому суеверию — не решился. Ладно, в дэкафовском буфете съестного купит. Тем более, что вчерашние гости приели весь *НЗ*: консервированные колбасу и сыр. Жаль только — забыл пару щепоток семечек захватить; сам он их не щелкал, но Касьяна с его замом подкармливал. Как никак, но и они по-своему несли дежурство в электробудке — в третью смену после Андреяна и Николая.

В каникулярно опустевшей школе поздно-

ровался на входе с дремлющей гардеробщицей, поднялся на верхний, третий этаж, где сменил после ночной вахты Мишку Юрасова и Виталю Карпенко — по школьному прозвищу Карп. Со вчерашнего утра шли большие всемирные соревнования радиолюбителей-коротковолновиков, двухсуточные и без перерыва. Расписавшись в вахтенном журнале, вахту сдал — вахту принял, поинтересовался: где Пирожников и Алексей Васильевич? Вовка значился с Николаем в смене, а Алексей Васильевич по им же сочиненной инструкции непременно должен во время круглосуточных соревнований присутствовать в радиоклубе: для техники безопасности и подключения-отключения в выходном каскаде передатчика мощной лампы ГУ-80.

Дело все в том, что радиостанция UA1KUZ радиоклуба имела присвоенную ей вторую категорию. То есть посылаемая в эфир мощность сигнала не должна превышать сорока ватт. В дневное время это строго и исполнялось, поскольку превышение этой мощности могли засечь спецы в мурманской инспекции электросвязи: могли бы тогда наказать Алексея Васильевича и вообще закрыть радиоклуб на полгода-год...

Но в ночные часы спецы, как дисциплинированные госслужащие, спят по домам, а Алексей Васильевич, придя ближе к полуночи в соревновательные сутки в радиоклуб, заговорщицки подмигивал вахтенным, отмыкал личный сейф на стене, доставал здоровенную лампу и, открыв ремонтную металлическую дверцу в двухметровом по высоте передатчике с крейсера «Октябрьская революция», списанного при Хрущеве из состава Северного флота, устанав-

ливал лампу в нужное гнездо на шасси выходного каскада.

На всю ночь соревнований мощность передатчика увеличивалась в двадцать пять раз! А если учесть, что за Полярным кругом во всем мире расположены только единицы радиоловительских станций, да еще северные сияния, то есть электромагнитные возмущения ионосферы многократно увеличивают дальности распространения радиоволн от заполярных станций, то... Словом, в ночные часы соревнований многочисленные и кичливые американские радиолюбители со своими киловаттными передатчиками вопят в эфире на весь земной шар: дескать, рашенский *UAIKUZ* забивает все станции от Арктики до Антарктиды!

— ... Алексей Васильевич спрятал в сейф «чушку» и ушел домой отсыпаться с полчаса назад, — зевая с бессонницы, сказал Мишка, — а где Пирожников? Знаешь, что он вчера со своим двоюродным брательником учудил?

— Весь город и его окрестности, конечно, уже знают, — мрачно сказал входящий в радиоклуб Вовка.

— Ладно, с кем не бывает, — посочувствовал Карп, одеваясь на выход, — кого на какие подвиги, выпивши, тянет: одного в каперанги, ха-ха, досрочно лет на двадцать с гаком, другого — на мордобой и почти всех — на девок! — Честь имеем, пошли, Мишаня.

— Опохмелялся? — посочувствовал Николай.

— Было бы с чего, — досадовал Вовка, — весь кайф вчера нам испортили. Понимаешь, у самого дома застукал все же нас патруль: под

фонарем, все четко видно. Но ведь в каком-то смысле повезло. Два патрульных матроса толклись на морозе без начальника — вроде как на полчаса зашел к приятелю... понятно, женского пола, а им велел ждать и бдить! От холода разозленные были, не посмотрели и на родительские наши звезды на погонах. Пришлось для сугрева мореманам вынести последнюю бутылку водки, с которой мы с братом планировали ночь скоротать...

Понимаешь, Никол, — загорелся праведным гневом Вовка, — куда катится наш советский флот? Сегодня патруль за флакон водяры, хотя и хорошей — «Экстры», охотно отпускает двух почти что преступников военных, самозванцев в офицерских шинелях, хорошо хоть не адмиральских, как у папаши Сашки Ямщикова — вот бы его подпойть и по нашим стопам подначить... — А завтра-послезавтра? Страшно и вымолвить: за ящик самой рядовой «Московской» боевую торпеду продадут, или вообще военную тайну выдадут!

Тут же и сам рассмеялся:

— Эк куда меня несет с недопития!

◆ По заведенному порядку вахтенная пара поочередно менялась местами через полчаса, по договоренности — и больше. Подсменный по инструкции также сидел в наушниках и мог подсказывать «владеющему» телеграфным ключом и вертящим диапазонный верньер* приемника, если уловил в трескотне морзянки что-то достойное интереса.

* Редуктор замедленной настройки приемника с выведенной на переднюю панель ручкой вращения. — Прим. авт.

Но Вовка, хихикая, признался: все-таки они нашли у него дома сверхнадежно запрятанную матерью чекушку, под которую почти всю ночь слушали привезенные брательником из Ленинграда музыкальные новинки: на «ребрышках», самопальных магнитофонных записях и купленных на толкучке импортных «пластах» — от Высоцкого и Дюка до уверенно вошедших в моду битлов.

— ...Так что, Никол, тебе, как занятому ударным трудом в дэкафе, в радость и всю смену за ключом просидеть, а я, пожалуй, сосну на топчане в предбаннике. Опять же устав военный не нарушу — знаешь про подсменного?

— Знаю-знаю, подсменный караульный может отдыхать, в скобках — спать, сняв сапоги и расстегнув ворот гимнастерки. Иди, дрыхни, не мешай мне! А то тебя сейчас с проявляющегося похмелья поведет на монологи.

Но не успел Николай завершить первую в вахту связь с редкостным радиолобителем из Французский Гвианы, как явился вовсе нежданный Илья. Не снимая свою меховую куртку, он одобрительно посмотрел на похрапывающего Пирожникова:

— Я чего зашел-то: ты давеча обмолвился: никаких концертов сегодня в дэкафе не предвидится, да? Так может мы с Витьком придем часам к пяти и добьем наши электронки?

— Идет. Только пожевать чего-нибудь захватите. Я опростоволосился, забыл из дома взять. И пачку чая — вчера остаток заварил.

— Конечно-конечно, а чаю я английского приволоку, настоящего *Made in Britain*. Отец, видимо, сподобился на прокурорскую взятку

баранами — перед Новым годом пяток коробочек жестяных принес. Ладно, мешать не буду. Уже забил кого-то? — Илья наклонился к журналу записи радиосвязей, подслеповато щурясь, помотал головой, снял запотевшие с мороза очки, протер специальной замшевой полоской, что носил в очковом футляре, снова наклонился над журналом:

— А-а, старый знакомый! Я с этим французским гвианцем раза два связывался. Настырный очень, наверняка агент ЦРУ... Ты чего хмуришься? — Опять тебе вместо 73 отстучали 88?*

Ладно, не грусти, до вечера!

Но все равно Николай хмурился, когда в заключении радиообмена вместо 73 слышал в наушниках унижающие его мужское самолюбие дважды повторенные три тире — две точки, то есть 88.

Все дело в неудачно им выбранном варианте своего имени: у радиолюбителей принято обмениваться только именами и названием города. Понятно, что в качестве последнего *UAIKUZ* якобы числился за Мурманском: Полярный — абсолютно закрытый, режимный город, как, наряду с Североморском, главная база Северного флота. Потому гвианскому Жоржу и всем остальным на белом свете вовсе и знать не следовало про Полярный... Тем более, что за их радиостанцией в эфире следили не только спецы

* Для непосвященных в радиолубовительское дело: морзисты при связях используют два международных кода: трехбуквенный Q-код и старый цифровой код, но только в завершении передачи — будь здоров, мол: 73 — обращение к мужчине, а 88 — к женщине и означает «целую». — Прим. авт.

из мурманской инспекции электросвязи, но и особисты-радисты Северного флота.

Нет бы ему для радиообменов взять просто Николай, по-английски — *Nikolay*, или вариант Коля — *Kolja*. Так нет же, прогнулся по малости еще разума, как сказал Маяковский про электромонтера Ваню, который «в духе парижан назвал себя электротехник Жан». И назвал он себя так, как к нему ребята в школе обращались: Никол, по-английски *Nikol*. Совсем не подумав, что сходное Николь, точно также пишущееся по-английски, одно из самых распространенных франкоязычных имен.

...А переменить написание имени для радиолюбителя — это значит потерять свое, уже приобретенное, лицо в радиолюбительском мире, снова все начинать с нуля. Поэтому оставалось одно — терпеть, когда тебе коротковолновики трети мира, знающие французский, включая бывшие колонии в Азии и Африке, всю Латинскую Америку с родственным испанским языком, морзянят: 88!

То же самое и англоязычные. Только корректные и дисциплинированные немцы, западные, наши восточные, швейцарские, эльзасские и скандинавы порой задают вопрос: «*You is YL*»? — То есть: «Вы девушка?» *YL* — все по тому же старому радиолюбительскому коду, в русской транскрипции *ЫЛ*, обозначает лицо женского пола. Матерясь про себя, Николай по-английски же давал укорот женолюбивому респонденту: дескать, я вовсе не *YL*, но совсем наоборот...

К трем часам он «набил» кучу радиообменов. Позаботился и о безмятежно проспавшем

всю вахту Вовке: часть связей, преимущественно с многочисленной ордой американцев, потому мало ценившихся, записал на Пирожникова, называясь его радиокликухой: *Wovik*. Когда юморист по натуре Вовка выбрал себе это имя, то Алексей Васильевич хмыкнул и предупредил: «Тебя поляки и чехи замучают вопросами, как свой брат поляк или чех оказался в Мурманске?».

Так оно и получилось, но Вовка не обижался: поляки тоже люди, хотя и гонористые. Так он и ответил Алексею Васильевичу. Тот педагогично что-то сказал задумчиво об интернационализме и дружбе народов, но потом разговорился:

— Я ведь флотскую службу в войну в Полярном начинал. Одно время был радистом на лодке знаменитого Лунина, правда, еще до того, как он расчихвостил торпедами последний немецкий линкор «Тирпиц». А всю войну в Екатерининской гавани простояла польская подлодка, что уцелела после разгрома Польши Германией. Англичане направили ее к нам, чтобы участвовала в боевых действиях. Но поляки гордо стояли у пирса под своим флагом с белым орлом, однако в море так и не вышли ни разу...

Вовку он разбудил перед самой сменой вахты, за четверть часа до прихода Гоши Белкина с Сашкой Ямщиковым. Тот для проформы даже сел за телеграфный ключ.

Сдав вахту, Николай с сонным Пирожниковым вышли из школы на мороз. Вовке — направо, а ему — вниз под горку в дэкаф.

◆ «Добить электронки» они с Ильей и Витьком собирались уже второй год — это по

численнику, а по времени — с середины ноября теперь уже прошлого года.

В радиоклассе их обучали морзянить на обычном телеграфном ключе, не изменившемся со времен изобретения этого проводного вида связи во второй половине девятнадцатого века. Алексей Васильевич на первом занятии в свежесоборудованном радиоклассе, где на каждом столе установлены по два ключа, наглухо привинченных к столешнице, и две пары розеток под наушники, как опытный флотский педагог, шутил:

— Некоторые изобретения человечества живут очень долго. Вот и телеграфный ключ, как обычное тележное или автомобильное колесо, как игла с отверстием под нитку*, настолько гениально прост в своей конструкции, что еще долго будет жить, здравствовать и пользу людям приносить. Или вред — смотря кто за ключом этим сидит... Так что, если вас сейчас переодеть в мундиры чиновников в чине низшего, четырнадцатого класса — коллежских регистраторов, то никакой разницы с телеграфистом прошлого века на какой-нибудь железнодорожной станции Кочевряговска не было бы...

Но в прошедшем сентябре второго года производственного обучения на уроке теории, за которые их наставник умудрился в три года преподнести техникумовский курс радиотехники и связи, Алексей Васильевич повел иную речь:

— ...Конечно, старинный наш друг и това-

* Это изобретение Зингера, запатентованное во всем мире, позволило стать ему монополистом по производству всех видов швейных машин, ибо как-то «обойти» иглу с отверстием невозможно уже третий век подряд... — Прим. авт.

рищ телеграфный ключ жил, живет и бу... — здесь педагог, избегая аполитичных ассоциаций, смял фразу, — ... и останется для первоначального обучения азбуке Морзе. Но уже очень скорое будущее за электронным ключом.

Во-первых, на электронке, будем так говорить на профессиональном языке, даже не обладающий музыкальным слухом оператор свободно может повысить скорость передачи в полтора-два раза. Во-вторых, работоспособность оператора, то есть время непрерывной работы без отдыха также увеличивается значительно. Наконец, на нашем старинном ключе соотношение между длительностью тире и точки, а также самих этих тире-точек по времени работы, зависит напрямую от мастерства и физических особенностей каждого оператора. Это сильно влияет на качество приема такой морзянки, а главное — создает качество «руки оператора». То есть опытный морзянщик по принимаемому сообщению легко определяет: кто ему шлет сообщение из числа десяти, или даже ста, постоянных корреспондентов, что очень плохо для спецсвязи, шифровок и так далее.

А при работе с электронкой не надо тужиться, нажимая не только ладонью, но и всей рукой на ключ, а всего лишь, поставив правую — левша, разумеется, левую — ладонь вертикально на столешницу, перебирать большим и указательным пальцами влево-вправо, нажимая нужным пальцем на пружинящую стальную полоску-контактор с плоской плексиглазовой окантовкой на рабочем конце. Влево ее нажал указательным пальцем — автоматически пошли точки, вправо большим — пошли тире.

— Так давайте и мы на электронку перейдем, — зашумели ребята, — а то на вахтах уже и не удобно перед америками-европами: ведь разбираем, что у них почти у всех электронный ключ!

— Легко сказать, — педагогично взгрустнул Алексей Васильевич, — работа на электронке требует переучивания с обычного ключа. Те же промышленно у нас не выпускаются пока, да и на полное переоборудование радиокласса ни школа, ни шефы из подплава сейчас не готовы. Но — выход есть; голь на выдумки хитра. Вы сами себе, кто может, сделаете дома электронку, насоба..., то есть, научитесь на ней работать, а тем временем и на станции такую установим — в параллель с обычным ключом.

Затем Алексей Васильевич развернул и повесил на доску плакат со схемой собственно электронной части ключа, а сам ключ, достав из портфеля, пустил по рядам:

— Схему зарисуйте в свои рабочие тетради, а конструкцию ключа — здесь ничего сложного нет — запомните либо эскизно зарисуйте. У кого руки из нужного места растут — он и соорудит себе.

◆ Понятно, что Илья и Витек сразу предложили Николаю объединиться в трудовую тройку по изготовлению трех комплектов электронок, благо у него единственного из всей компании полностью оборудованная в дэкафовском подвале мастерская для механических и электромонтажных работ: верстак, тиски, сверлильный и шлифовальный электростанки, паяльники на разные мощности, полный набор инструментов, неограниченные запасы алюминиевых

и дюралевого листов, текстолита и гетинакса, радиомонтажных проводов. И Володька Марьин, приобретший на заводе слесарные навыки, охотно вызвался помочь по механической части.

Николай на вечерних досугах по всем правилам черчения нарисовал конструкцию ключа: металлическую коробку размером с обувную, на передней панели которой располагались ручки управления и тумблеры включения, а из паза выступал в плексиглазовой окантовке рабочий конец механического контактора. Втыкай штепсель шнура электропитания в розетку, надевай наушники, или переключай их на встроенный динамик, — и обучайся на здоровье электронной морзянке!

До середины ноября, особо не торопясь, Николай с посильной помощью приятелей почти все сделали. В трех экземплярах. Радиоэлементы собирали с мира по нитке. Маленькие динамики ДЭМШ, размером с тот же наушник, а также небольшие силовые трансформаторы для электропитания радиосхемы по просьбе-заданию Витька раздобыл у связистов своей бригады Белобрагин-старший.

Работа остановилась на заключительной стадии, самой неразрешимой: даже командир бригады минных тральщиков каперанг Белобрагин-старший и зам. гарнизонного прокурора, отец Ильи только разводили руками: нигде в пределах Полярного и его окрестностей невозможно сыскать поляризованное реле типа РП-5. В трех экземплярах. В школе, казалось, только уборщицы не знали о беде трех старшеклассников...

Все чудеса случаются на Новый год. И здесь оно случилось, хотя во владениях Красно-

знаменного Северного флота в чудеса не верят. Верят в заполярную надбавку к окладу, удлиненные отпуска, в верность командирского приказа и в то, что полярная зима когда-то сменится полярным летом с незаходящим загоризонтно солнцем: «Пришла весна, настанет лето — спасибо партии за это!» — Как иронизируют столичные кухонные диссиденты, слушая по вечерам через завывание глушилок зарубежные радиоголоса... Затем диссиденты ложатся спать с диссидентками обок, а во сне им видится: они стали счастливыми обладателями виз и авиабилетов на рейс «Москва — Вена», а оттуда — на Землю обетованную, намного чаще — на Брайтон-Бич...

Но нашей троице повезло намного больше: как раз посередине между католическим рождеством и Новгодом Алексей Васильевич на перемене подманил Николая и вручил, подмигнув, маленький, размером с две пачки «беломора», газетный сверток:

— Здесь не разворачивай. Да и другим вы с Ильей и Витей не проговоритесь: где, мол, взяли? А на всех, — здесь наш флотский педагог сокрушенно развел руками, — найти не удалось.

После такого доверительного предупреждения Николай зашел в свой радиоузел, развернул позавчерашний номер «На страже Заполярья» и обомлел: три новеньких, что называется «не надеванных», реле РП-5 в светлых алюминиевых корпусах. А к ним темно-коричневые текстолитовые гнезда под контактор реле — для установки на шасси.

...Одноклассникам из «телеграфистов» объяснили некоторое время спустя: достали по дэ-

кафовским связям Николая, но только три штуки. И ложь бывает святой, если речь идет об авторитете такого выдающегося педагога как Алексей Васильевич.

◆ Николай уже давно заметил: удовольствие не столько в свершении давно ожидаемого, но в самом ожидании. При одном условии: цель ожидания с большей долей уверенности реально достижима. Так и получив вожделенные цапки — реле, друзья всячески оттягивали завершающий шаг — досборку и запуск в работу своих электронок. Тем более такой повод, как наступающий Новый год. Не до того, мол; Николаю надо горбатиться над елочным переключателем, Илье с Нелькой морально и, так сказать, физиологически готовиться к расставанию на все время зимних каникул. А у Витька дома табу на паяльные работы: у матери аллергия на канифольный дым.

Понятно, что все это ерунда: доработка на 99 % готовых электронных ключей и часа не займет в Николаевой мастерской, но... сверхудовольствие в самом последнем ожидании, когда никаких сомнений в скором достижении цели нет.

...Ровно в пять, едва Николай успел проверить работу елочных дел и наскоро пробежаться по этажам — слава деду Морозу, перегоревших лампочек в людных местах не обнаружилось, — пришли Илья с Витьком. Илья положил матерчатую сумку с едовом на стол, оба сняли и повесили в шкаф верхнюю одежду и проследовали за хозяином в подвал.

Действительно, работы на час, не более: ничего сверлить-вырезать в шасси не требова-

лось. Николай еще в прошлом году загодя изготовил в шасси всех трех электронок отверстия под установку гнезд для реле: установочные размеры гнезд всех маломощных реле одинаковы и хорошо известны радиолюбителям-конструкторам.

Пока раскопегаривались оба паяльника — девяносто- и шестидесятипятиваттный — каждый вставил в отверстие шасси своего прибора, подписанного инициалами на задней стенке кожуха, гнездо с реле, закрепил винтами. Затем шасси перевернули и, сверяясь с приколотым к картонке листом радиомонтажной схемы, начали в шесть рук и два паяльника подпаивать соединительные проводники к клеммам релейных гнезд и к нужным местам печатных плат.

Еще и часа не прошло, как пошабашили. Надели на шасси кожухи из дюраля, снаружи давно уже отшлифованные, все закрепили винтами, воткнули штепсели сетевых проводов в розетки удлинителя и, мысленно перекрестившись, одновременно щелкнули тумблерами электропитания. С еще большим трепетом двинули указательными пальцами ручки ключей-замыкателей вправо: от встроенных в кожухи микродинамиков электронок Николая и Витька послышались звонкие, как от ударов ложкой по тонкому чайному стакану, точки.

Двинули большими пальцами — снова лишь электронки Николая и Витька выдали солидно размеренные тире.

Илья непроизвольно сел на стул и замер в позе ямщика, бессильно опустив руки меж колен.

Не обращая внимания на страдальца, Николай с Витьком выключили свои приборы, ра-

зобрали молчащий и начали разглядывать с днища шасси монтаж на печатной плате.

— Вот так-то, Илюха, если носишь очки, то и паяльником работай в очках,— укорил Николай,— смотри на плату и монтажную схему: ты конденсатор $C2$ подпаял не к базе, а к эмиттеру транзистора $T3$!

Уже не доверяя Илье, Николай сам перепаял злосчастный конденсатор и вновь собрал электронку, включил ее в сеть, и вмиг оживший Илья услышал тарахтящие точки и протяжные тире.

Еще с десятков минут все трое проверяли работу своих штуковин, вертя ручки регулировки длительности генерации точек-тире, длительности пауз между ними, на личных наушниках хозяина мастерской проверили переключение с динамика на них звука. Все действовало замечательно.

Выключили все три электронки и с недоумением посмотрели друг на друга в три пары глаз: со стороны дальнего угла подвала со сваленными в кучу старыми прожекторами и софитами неслись многоголосые свистяще-тонкие точки-тире. Тут Николай расхохотался:

— Ну-у, молодцы наши крысы! Вот прирожденные музыканты-имитаторы!

◆ В электробудке Илья с Витьком аккуратно уложили свои цапки в давешнюю матерчатую сумку — проживали они в соседских домах,— принесенную провизию и жестяную коробочку с английским чаем «Твинкс» выложив на стол. Николай разложил бутерброды по двум тарелкам, открыл две банки — со шпротами и с сардинами, приступил к заварке чая.

На что Николай был приучен своим отцом, большим ценителем чая, к хорошим его сортам (страна заботилась о заполярниках), но свежезаваренный «Твинкс» ласкал желудок и обоняние вместе с осязанием.

На другой день, сдавая дежурство Николаю, Андреян, вволю напившийся чаем из жестяной коробочки, заметил:

— Я такой, настоящий английский, пивал в войну на Торосе. Сразу сегодня его вкус вспомнил. Еще тогда англичане привозили с собой сорт «Принц Уэльский» — с мятным запахом.

Николай кивнул, не спрашивая, поскольку хорошо знал: отец из четырех военных лет почти половину прослужил старшиной команды *СНИС** на острове Торос на самом выходе из Кольского залива в Баренцево море. Поскольку именно на траверсе острова завершалась зона ответственности конвоя союзников за сопровождение караванов ленд-лиза, то пост Андреяна являлся интернациональным: советские, английские, американские моряки — и даже из британских доминионов: Канады, Австралии и Новой Зеландии.

...За чаем и вечерняя беседа потекла. Похвалили английский чай и недружественную к нам британскую политику кабинета Макмиллана, вспомнив малодобрым словом и некогда союзного Черчилля.

Как-то само собой английский чай направил беседу на темы большой политики.

— Ты ешь, ешь, Никол, сардины со шпротами наворачивай! Мы с Витьком из дома, по-

* Служба наблюдения и связи. — Прим. авт.

рубали уже. Знаете, конечно, политику наши правители ведут правильную, но в чем-то переpleвывают Никиту-кукурузника. Особенно когда стараются картечью по мышам, извиняюсь, твои крысы, Никол, здесь ни при чем, лупить.

— Это ты о чем? — Николай прожевал очередной бутерброд с сырокопченкой и прореагировал скорее на упоминания о крысах, только что подпевавших в подвале их морзянке.

— А о том, что нахрена через Кренкеля* запретили советским радиолюбителям связываться с коллегами из Израиля и ЮАР? Они что ли наших союзников-египтян с сирийцами и ангольцев с мозамбикцами беспокоят? Все ведь понятно: две системы во всем мире борьбу не на живот, а насмерть ведут, одну СССР возглавляет, другую — США. Все же остальные есть просто исполнители; кто за идею, а чаще — за деньги. Тогда по справедливости пусть Суслов отдаст Кренкелю приказ: не связываться по эфиру с американцами.

С Израилем, конечно, сложнее — мировой сионизм, да и правители его, особенно Голда Меир, нехорошо с нами поступили: Сталин в противовес англичанам фактически создал государство Израиль, а они к натовцам переметнулись.

...Все равно, не думаю, что юаровские африканеры-буры и израильские евреи родом из Одессы, посидев часок-другой за ключом своих передатчиков, затем берут в руки винтовки М-1

* Эрнест Теодорович Кренкель — радист в знаменитой папанинской четверке. В 50—70-х гг. председатель Центрального радиоклуба (ЦРК) СССР. — Прим. авт.

и мчатся на передовые позиции. Особенно наши бывшие одесситы.

◆ — На то она и большая политика, — включился Николай, уже с голодухи ополовинивший сардинную банку, — чтобы у холопов чубы тряслись, когда паны схватятся. Хотя бы и словесно. А то и не только на словах — подлодки из Полярного на Кубу пошлют и дивизии тех же кубинцев с нашими военачальниками в Африку. Мне даже неудобно становится, когда на вахте наш *UAIKUZ* настойчиво вызывает тоскующий по маме-Одессе или папе-Ростову четыре-икс-четырещик* и открытым текстом порусски стенает: «Никола! Да откликнись же — знаю, ты не из Мурманска, а из Полярного. Я у вас по соседству зенитчиком служил...».

Отвечу — станцию нашу прихлопнут особисты, а на меня дело в *КГБ* заведут с типографской надписью на обложке: «Хранить вечно». Тот же, Илья, твой прокурорский отец дело и заведет...

— Прикажут — заведет, — подтвердил Илья, — да еще и про твоих друзьяков в том деле отметку сделает. Меня, правда, по «блату» не упомянет.

— Еще как упомянет, — усмехнулся Витек, — как его в Киевском военно-политическом училище образовывали: в делах государственной тайны и безопасности нет ни жен, ни детей. Правильно я говорю?

— Несть ни елина, ни иудея, — добавил Николай.

* 4X4 — первые три символа-идентификатора в позывных коротковолновиков Израиля. — Прим. авт.

— Вот-вот, — продолжил Витек, — еще в том *твоем* деле Сомонин-старший упомянет и о нездоровом интересе к религиозной литературе; мол, замечен в публичной проповеди евангельских текстов!

— Говоришь-то ты правильно, но не по существу. Всякий судейский, как отец откровенничает после праздничной бутылки, тем более прокурор, руководствуются не моралью и прочими предрассудками, а заботой о своей карьере, числе звездочек на погонах у военного прокурора и на петлицах у штатского. Допустим, сегодня он не упомянул меня другом Николая в его деле, а завтра же коллега, а тем более подчиненный, на него самого донос настроит. Так что не переживай, Никол, напишет папаша про меня. Тем более, что и у тебя статья не расстрельная, а я и вовсе ни при чем. Разве что комсомольскую бдительность не проявил!

— Да ну вас всех! — Николай рассердился. — Чего заживо хороните? Понятно, что от тюрьмы и сумы зарекаться нельзя, но кайф голодному человеку от сардин и шпрот зачем портить?

Илья с Витьком расхохотались: вывели-таки рассудительного приятеля из равновесия. Опять перешли к высокой политике. Николай повторно заварил чай.

◆ Попив чаю, Илья достал из кармана пачку редкостных в Полярном сигарет «Тройка» с золотым ободком на мундштучном конце. Разрешения хозяина не спросил, зная, что старший электрик здесь же курит всю первую смену. Пересел с дивана на стул, пододвинул поближе пепельницу Андреяна.

С наслаждением затянулся и выпустил, сделав губы гузкой, густой, синий, удивительно ароматный дым.

Из всей троицы только он регулярно, хотя и не часто — по длению дня — курил. Витек, весь в отца, вообще не баловался травкой никотианой. Николай прошедшим летом непонятно зачем купил кубинскую сигару за тридцать пять копеек и по всем правилам — дым сразу не вдыхать, а выпускать в воздух и втягивать в легкие через нос — выкурил ее, усевшись вблизи Чертова моста на нагретый незаходящим солнцем большой плоский камень размером метр-на-полтора. На нем же и заснул с непривычки, проспал часа три, а по пробуждении еще долго ощущал прекрасный аромат и привкус дара кубинских товарищей.* С того раза он иногда выкуривал по одной-две папиросы, но исключительно из числа дорогих: сталинская «Герцеговина флор», «Фестивальные» и «Юбилейные», как он понимал, появившиеся к сорокалетию Октябрьской революции.

Но и начинающему курильщику Николаю, и равнодушному к этому делу Витьку дым «Тройки» очень нравился. Иногда они сами просили друга подымить «своим кадиллом».

— Илюха, — с некоторой завистью непосвященного поддразнил Витек, — а что будешь делать, если курение у нас в стране запретят?

— Как так запретят?

* Как это иначе назовешь? Американские миллионеры через третьи-четвертые руки покупали кубинские сигары по двадцать-сорок долларов за штуку, а в СССР любой мальчишка мог их приобрести за тридцать пять копеек... — Прим. авт.

— А вот так, как спиртное по всему северу Кольского полуострова — от Североморска до самого Северного полюса — при Никите и по сию пору запрещено. Или «сухой закон» в Финляндии, а Коран вообще миллиарду с гаком мусульман запрещает пить. Вот и запрет на курение введут, не спросив, так сказать, мнения широких масс трудящихся!

Илья поперхнулся вкусным дымом, даже слегка выматерился, что в школьном кругу не было принято. Здесь Николай, наливший себе второй стакан чая, высказал и свою точку зрения:

— Не совсем так плохо или хорошо, Витек. В принципе «обесушивание» зоны Северного флота — мера вынужденная и полезная. Все-таки флот — не колхозная МТС. Царь в четырнадцатом году с началом Империалистической не только Питер в Петроград переименовал, но и ввел по всей России антиалкогольный закон, который автоматически достался и Советской власти и длился до отмены его предсовнаркомом Рыковым...

— А как финны трезвый образ жизни ведут, — встрял Витек, — я прекрасно видел в Выборге и Ленинграде: куда в воскресный день не кинешь взгляд — всюду в зюзию пьяные турмалайнены* с большим трудом загружаются в обратные автобусы!

— Вот-вот, — согласился Николай, — что же касается мусульман, то наши среднеазиаты,

* Это как янки, фрицы и иваны — ленинградское прозвище финнов, приезжающих хлебнуть от души сорокаградусной. — Прим. авт.

не говоря уж о кавказцах и живущих вместе с русскими почти полтысячи лет татарах и башкирцах, очень даже хорошо пьют водку и похваляют. Понятно, что при советской власти муллы и от власти над душами соплеменников отлучены, как и наши попы. Потом они по-азиатски изворотливы. Не знаю — анекдот или правда, — но как-то в мурманском поезде, когда ехали в отпуск в Калужскую область, один офицер-летун из узбеков пил по малой с отцом и рассказывал, что когда басмачей в их местах Ворошилов к ногтю прижал, советская власть установилась крепко, глядя на русское начальство, инженеров и врачей с учителями, начали по праздникам, а потом и не дожидаясь таковых, пригублять пиалы со злодейкой с зеленой наклейкой.

Когда же муллы пробовали стыдить, ссылаясь на запрет пророка, то пьющие из числа грамотных отвечали: «Где? Где — покажи нам, мулла, в Коране то место, где пророк запрещает водку пить? Там запрет только на вино, а о водке ни полслова!»

◆ Николай отхлебнул пару глотков «английского», продолжил:

— Что же касается миллиарда непьющих мусульман в Африке и зарубежной Азии, то здесь все не так просто.

Пить-то они не пьют, зато со времен халифата мусульмане придумали и начали массово использовать марафет; страны эти жаркие — мак, конопля и масса других травок наркотических. Как говорил математик и философ Лейбниц, природа не терпит пустоты! А вот викинги, пока не научились виски гнать, и эскимосы —

до прихода русских купцов — жевали сушеный мухомор, то есть сильнейший галлюциноген, как говорит наша Елена Архиповна. Ей верить можно: не просто химичка, но кандидат этих самых химических наук!

— Ты это к чему клонишь, — заинтересовался Витек, — что если народ от водки отучить, да еще и табак запретить, то все устремится к наркотикам на радость делягам от химии?

— Примерно так. Все лежит на поверхности. Нормальному человеку, то есть не психу или идиоту, без кайфа никак нельзя. Но если пьяный протрезвеет, курильщик меру знает — каждый, конечно, свою, то наркоман становится роботом, что за инъекцию или горсть «травки» на что угодно пойдет, любой приказ, не задумываясь, исполнит. Идеальный солдат государства.

Конечно, дико звучит, но та же колумбийская наркомафия, возглавив всех в мире производителей наркотиков, начнет активно финансировать антиалкогольную и антиникотиновую кампании в той же Америке и Западной Европе.

Илья насторожился:

— А у нас?

— Пока «железный занавес» и советская власть не прогнила в лице своих вождей, будем жить спокойно.

— Ну и фантазер ты, — восхитился Витек.

...Было время, когда пирсы Екатерининской гавани были «забиты» кораблями

Современный Полярный; у пирса морские «охотники»; слева выход из Екатерининской гавани в сторону Палой и Оленьей губ

ГЛАВА 11. ОТЦЫ И ДЕТИ

◆ На следующий день ежедневные вечерние танцы-манцы закончились, ограничившись, как и обычно, только воскресеньем. Елку зажигал Андрейн только на детские утренники. Но и без этого хлопот Николаю добавилось: почему-то в первую декаду января — не в пример принятому затишью — набежали гастролеры. Каждый вечер Николая тревожили с его осветительным хозяйством то ансамбль песни и пляски Северного флота, то диковинный марийский народный хор, правда, тоже с национальными плясками, из Йошкар-Олы... Проще было со скрипичным трио из Ленинграда и халтурщиками «театра одного актера» из Москвы: включил несколько софитов над сценой, чуть притушил реостатом люстры в зале — и занимайся своими делами.

Илья с Витьком не заглядывали не столько от занятости приятеля по службе, сколько из-за своих упражнений на новодельных электронках: хотели блеснуть перед Алексеем Васильевичем и «телеграфистами», особенно девицами, уже на первых послеканикулярных занятиях почти профессиональной работой на электронном ключе.

Каждый почти вечер приходил только Вовка Марьин. Он не обладал, как Илья, музыкальным слухом, но с удовольствием смотрел и слушал из оркестровой ямы все концерты: пляшущих матросов и марийцев, скрипичную музыку и даже халтурящих сам-один или сам-двое актеров второго состава из столичных театров Маяковского и на Таганке. Даже официально выдержанный в словах и оценках подполковник

Зинченко, как сообщил Николаю отец, сдержанно матерился: «Много о себе москвичи думают, присылают всякое... Думают: здесь медвежий угол! На тебе, убоже, что нам негоже...».

Зинченко приобрел за долгие годы руководства дэкафом добротный музыкально-сценический вкус, но более всего, как щирый полтавский хохол, уважал раздольные песни исторической родины. Гастролеры с Украины были частыми гостями дэкафа.

Все свободное от концертных хлопот время Николай проводил в электробудке за электронным ключом — чтобы не отстать от Ильи и Витька. Касьян, как зачарованный, сидел на своей токовводной медной шине и иногда подпискивал в такт. И Николай, как рекомендовал своим подопечным Алексей Васильевич, отстукивал цифровые комбинации, особенно прощальное при завершении радиосвязи 73, то есть «до свидания с приветом». В азбуке Морзе эти две цифры прекрасно ложились на напев: «Дай-дай закурить. Я на речку шла».*

При этом Алексей Васильевич, дымивший «беломором» с военных лет, педагогично оговаривался: «Курить, конечно, вредно, особенно девушкам, но цифра «семь» под этот припев автоматически запоминается без подсчета тире и точек. Ходить же на речку — дело вообще полезное!»

Все дни — в первую их половину — новгородных школьных каникул Николай проводил в радиоклубе, «набив» массу связей с редкостны-

* То есть комбинации точек-тире: /— — . . . / . . . — — / . — Прим. авт.

ми корреспондентами. Алексей Васильевич с одобрением посматривал на его записи в вахтенном журнале, отмечая позывные, начинавшиеся на *FR7*, *A6*, *V8** и другие экзотики. А увидев позывной с *VKO*, и вовсе восхитился: «Смотри-ка, ты первый с *UAIKUZ* связался с австралийской станцией в Антарктиде!».

Впрочем, чтобы Николай особо не зазнавался, несколько принизил похвалу: «Конечно, все эти дни северные сияния совсем распоясались, ионосфера до предела наэлектризована, так что радиоволны нашего диапазона свободно от полюса до полюса гуляют. Но все равно — молодец!»

Чуть помедлил и добавил: «В наших местах магнитное склонение четырнадцать и две десятых градуса. Так что при такой ионосфере должны хорошо идти Западная Африка и Латинская Америка — особенно Чили и Аргентина. Имей в виду и к их позывным прислушивайся».

Ободренный похвалой, Николай даже замечтался... и пропустил редчайшего радиолюбителя с *ZD7* — остров Святой Елены, где доживал свои дни Наполеон... Замечтался же о том, как окончит школу, поступит на радиотехнический факультет Тулуповского политехнического института и будет так же лихо, как их наставник, определять трассы связей по магнитному склонению и игре северного сияния.

Узнав, что у трех ребят уже имеются электронки, причем освоенные, Алексей Васильевич

* Соответственно, позывные радиолюбителей-коротковолновиков с острова Реюньон, из Арабских эмиратов и Брунея.— Прим. авт.

одобрительно кивнул головой, что-то мысленно отмечая в ней, а в предпоследний день каникул появился с большим свертком в вощенной бумаге:

— Мои молодцы-связисты тоже сгюмозили. Давай-ка, Никола, закрепим электронку на столе на рабочем месте подвахтенного. Теперь кто умеет, тот ею и будет пользоваться. Опять же стимул всем свои соорудить. Обещали мне знакомые из Росты* пяток поляризованных реле подбросить...

◆ В последний день каникул пришли все трое: Илья, Володька и Витек. И гастролеры в этот вечер обошли дэкаф своими плясками, пением и монотеатральными спектаклями.

Английский чай Андреян к этому времени в охотку весь израсходовал, поэтому Николай на этот раз заваривал индийский «со слоником» — Рязанской чаеразвесочной фабрики. Кстати, мало чем уступающий «Твинксу» — тот и другой оба из Индии, просто получше просушен и из листьев первого сбора.**

Илья настолько одичал без своей Нельки, которая появится в Полярном только завтра, пропустив первый школьный день, что от безысходности пару вечерне-ночных часов слушал «Голос Америки». Здесь северное сияние и

* Военно-морской городок в Кольском заливе.— Прим. авт.

** С недавних пор чай «со слоником» в ностальгических картонных коробочках вновь появился в продаже. По вкусу он сильно смахивает на березовые листья горячего сушения. Прочем, как и остальные сто, или тысяча сортов якобы «индийского», «цейлонского» и «кенийского» чаев, что сейчас в престонародных магазинах продаются... — Прим. авт.

электровозмущение ионосферного слоя посмеялись над руководящими усилиями партии, правительства и КГБ: на коротких волнах вражеские голоса уверенно пробивались через вой советских глушилок.

— Не пойму я этих цэрэушников и наших беглых диссидентов, что болтают на этих «голосах»? — Главное, говорят очень быстро, словно торопятся опоздать к бухгалтерской кассе за зарплатой. И голоса на этих «голосах» какие-то придушенные, лакейские. Ну-у, это-то понятно: во снах им, наверное, все продолжают сниться советские прокуроры навроде отца.

Кстати, от отца и их детях. Голосисты эти все не нахвалятся американскими порядками и обычаями. Там, оказывается, в Америке то есть, дети с родителями недолго живут под одной крышей: вырос, поступил в колледж, то есть техникум или ПТУ по-нашему, или — у кого родители побогаче — в университет и все: тью-тью, прощай, папа, салют — мама! И больше друг другу не докучают хлопотами и внуками. Только на рождество и ихний праздник благодарения обмениваются почтовыми открытками с маркой за десять центов. Представьте такое у нас, если только повзрослевший до паспортного режима сынок не угодил в тюрьму с последующими до пенсии рецидивами?

— Здесь, Илья, большая разница в семейных традициях, — возразил Витек, — у нас общинное мышление главенствует. Мы с вами только в третьем поколении как вышли из этой самой крестьянской общины, но и ее тотчас заменил советский коллективизм: у сельских жителей колхозы-совхозы, в городах — огром-

ные заводы и фабрики... про военных и не говорю.

А Америку — вспоминай уроки истории — кто заселял? Нищие ирландцы, для которых в семье каждый лишний рот в тягость: подрос и иди куда заблагорассудится, сам себя корми. Еще голландцы и немцы из северных курфюрств и маркграфств — сплошь протестанты примерно с той же моралью: два медведя — отец и сын — в одной берлоге, то есть в бакалейной лавке или седельной мастерской, не уживутся. Иди, сынок, на вольные хлеба!

Негры-язычники из Африки свою лепту внесли. Только итальянцы, уважающие культ семьи, немного не в ногу с остальными в Новом свете пошагали, но тут же обособились от остальных и скооперировались в мафию на порядок почище родительской сицилианской! Евреи тоже люди семейственные, но им надо было площадь на континентах осваивать. Так что, не теряя самой тесной связи друг с другом, поделили, как дети лейтенанта Шмидта в романе их единоплеменника Илюши Ильфа, всю территорию Штатов на банковские зоны влияния, счастливо живут, непременно советуясь друг с другом при очередном кризисе. Которые, кстати говоря, сами же и планируют. А ты, Никол, как мыслишь-разумеешь?

◆ — Согласен с вами обоими. И с «Голосом Америки» тоже...

— Как так? — Илья и Витек одинаково озадачились.

— А так, что дико для нас в американцах с их порядками производства детей с последующим отделением от себя, то американцам чуждо в на-

ших семьях в три поколения. Но и тех, и других свои порядки и обычаи очень даже устраивают. Витек все правильно, кратко и ясно сказал. Мне кажется, настораживать должно другое, а именно у нас, в нашей стране, тенденция, или, скорее, гипотетическая возможность, как любит говорить потомственная царская гимназистка Софья Федоровна, непонимания отцов детьми.

А еще процитирую Людмилу Евгеньевну, некогда объяснявшую нам, тогда еще малоумным, конфликт отцов и детей у Тургенева...

— Это где Базаров базарит с несвоим папашей, — ухмыльнулся Илья.

— Да-да, базарит. Но в том-то и дело, что побазарит сын со своим отцом, затем сам подрастет, реальной жизни вдоволь хлебнет и... став сам папашей, так же будет ворчать на сына: нигилист, мол, в бога не веруешь, царя-батюшку не почитаешь. И так далее до бесконечности. Это было и есть у нас, у американцев, негров из Замбези — у всех рас и народов с тех пор, как, по Энгельсу, обезьяна через трудовой подвиг превратилась в человека. А Владимир Ильич назвал это, правда, по другому поводу, детской болезнью левизны. Все по диалектике.

— Ага, — оживился Илья, по ней самой. Меня отец только раз в жизни по-серьезному лупил. Хорошо хоть не ремнем, а свернутым полотенцем. В четвертом классе было. Иду из школы домой, поднимаюсь на свой второй этаж, а тут папаша, оглядываясь, как с улицы — в шинели и фуражке выходит из квартиры напротив нашей, где незамужняя молодая инженерша с судоремонтного живет. Я еще по лестнице поднимался, так что он меня не заметил, зато я

мельком увидел в затворяющейся двери инженершу: прическа растрепана, в цветастом халатике выше колен.

Ничего не понял, поэтому и спросил за обеденным столом: «Пап, а ты почему в шинели из квартиры тети Нины выходил?» Смотрю — мать побледнела, тут же покраснела, отец поперхнулся щами... Мать меня вывела в другую комнату, а через плотно притворенную со стуком дверь я полчаса слышал крики, вопли и даже глухие удары.

Через неделю, когда матери дома не было, отец придрался ко мне за разбитую чашку из сервиза и выпорол полотенцем — по-прокурорски, чтобы следов на теле не оставалось, приговаривая: «Это тебе урок на будущее! Станешь взрослым, сам все поймешь — все по Энгельсу, все по диалектике жизни!»

— Вот-вот, по диалектике. По ней самой и естественная смена поколений происходит. Но иногда эта связь прерывается: во время революций, гражданских войн — ну, это по истории помните, а деды — у кого имеются — и сами своими глазами все видели.

— Ты, Коль, нас за советскую власть не агитируй. Сами с усами и уже почти взрослые...

— Я, Витек, и не агитирую. Тем более тебя, кандидата в медалисты. Просто хочу сказать: такой разрыв связи поколений, естественной связи для той же Америки будет, в случае чего, не очень болезненным; как уже говорили, там дети и так не задерживаются у родителей. Но у нас — это трагедия, причем сразу для двух поколений: отцов и детей. Все из-за нашего врожденного коллективизма.

— Ты на что, Коль, намекаешь? — Витек очень серьезно посмотрел на гостеприимного хозяина, — так, действительно, договоришься, конечно, в другой компании, до дела «хранить вечно»!

— М-мда! Это за Энгельса с диалектикой что ли? Ты, Витек, говори да не заговаривайся, — видимо, вспомнив отцовскую порку, вступился Илья, — вся страна анекдоты травит, включая прокуроров, а ты примотался к Энгельсу... то есть к Николке из-за философствований!

— Да ничего я не примотался. Так, помешалось что-то. Извиняюсь.

— Не надо, Витек, не за то виниться. Просто сон мне недавно приснился. Со смыслом. Рассказать?

◆ ...Закончив пересказ странного сна о том будущем времени, когда все здесь присутствующие, исключая Касьяна, перешагнут сорокалетний рубеж, то есть нынешнего возраста их родителей, Николай оценивающе посмотрел поочередно на друзей. Те что-то обдумывали. Сломал паузу Илья:

— Да, брат Николай, и мне всякие странности снятся, особенно когда под вечер мороз сильнее вдарит, или когда переем на ночь.

— Может быть, — согласился Николай, — и мороз с неделю без малого, как сами помните, покрепчал сразу градусов на десять, и пирогов жирных с семгой и палтусом, придя домой из дэкафа, почти в двенадцать ночи в охотку наелся...

— Мне тоже иногда снится, — произнес впервые за вечер слова Володька, — что завод наш закрыли за ненадобностью, а я вразнос

пирожками с треской, что мать печет, торгую на улицах.

— Нет, ребята, возврата к частной собственности и всему, что с этим связано, не будет...

— Вот! Вижу настоящего комсорга класса, хотя и избранного заочно, в отсутствии «президента», — рассмеялся Илья, а Николай добавил:

— А как же слова Сталина, что классовая борьба нарастает по мере приближения к социализму? Правда, сейчас их отрицают, но с каким-то сомнением, не поясняют. Сам не раз наблюдал из оркестровой ямы во время проведения флотских партактивов и собраний офицеров эскадр: говорит-говорит полковник из Североморска, из политуправления флота, а как дойдет до этих слов, махнет рукой: дескать, сами все знаете.

— Это не Сталин придумал, а просто повторил своими словами тезис Гегеля! От отца знаю, а их в Киевском военно-политическом училище здорово на этом деле подковывали.

— Согласен, Илья, что отца твоего в политике хорошо в Киеве подковали, и он часть своих познаний, особенно насчет Энгельса и диалектики, накрепко вбил в тебя во время порки!

Под общий хохот Витек продолжил:

— ...Комсоргством моим не попрекайте, сами без меня меня женили. А об остальном — поживем, увидим. Частная же собственность — пережиток, атавизм человечества. Допустим, что дружан нашего Ильи Фредди Энгельс прав насчет того, что частная собственность отделила человека от обезьяны, развила его мозг до невероятия и создала государственную систему

мира. Дальше-то что? — А дальше — бесконечные войны, теперь и мировые, классовое неравенство. Наша же страна, да плюс мировая соцсистема, выдернула себя из удавки частной собственности.

Так почему соцсистема должна обязательно рухнуть? Тем более у нас с западниками почти достигнуто ядерное равновесие, флот наш наконец-то становится океанским. Число атомных подлодок на Четвертой точке и других базах в губах Кольского залива постоянно растет. Не вижу причин для мрачных предчувствий.

Ты, Никол, мужик правильный, много чего знаешь и правду-матку в глаза режешь, но... не зацикливайся, радуйся жизни. Семга и палтус, конечно, деликатесы во всем мире, только у нас на Севере общедоступны, но не передай, пожалуйста, их на ночь!

◆ Первый послеканикулярный учебный день, несколько омраченный памятью о трехлетней давности трагедии в Екатерининской гавани, начался с урока истории. Татьяна Осиповна, войдя в класс, окинула взглядом всех по головам:

— Где пребывают Нелли и Вера?

Староста Лиза Радциг, встав за партой, доложила с полной серьезностью:

— Нелли только вчера под вечер приехала с родителями, звонила мне по телефону — несколько хрипит, простыла. Насчет Веры не знаю. Я ей не звоню, она мне тоже.

— Зам-мечательно, девочки! Еще школу не окончили, а уже шерочки с машерочками день дружат, а другой ссорятся. Как у взрослых женщин. Ладно, перейдем к теме урока.

...Николай, как склонный к систематизации

окружающей жизни, в последние год-полтора все силился понять сущность школьных программ, особенно по истории, литературе, физике и биологии. Получалось так, что от года к году после получения зеленых «корочек» о восьмилетнем образовании по этим предметам вроде как все повторялось, но на более широком и глубоком уровне.

Понимал: экстренный переход от одиннадцати лет к десятилетнему образованию, в истории — тож переход от хулы Сталину к порицанию Никиты Сергеевича, — требовало от учителей этакой маневренности, не хуже чем у торпедных катеров и малых противолодочных кораблей на маневрах, что он во время маячного житья не раз видел на акватории выхода Кольского залива в Баренцево море.

Но только сейчас при упоминании имени подруги Ильи, посмотрев непроизвольно на него, разгадал-таки мучившую его загадку школьных программ: от простого к сложному — закон диалектики, с упоминанием которой прокурор лупил сына-четвероклассника! Более того, вспомнив живо учебник обществоведения, загодя с интересом прочитанный им летом, уточнил для себя: школьная программа очень умно составлена — по закону диалектической спирали развития. В данном случае — развития школьного знания.

...А Татьяна Осиповна уже сопоставляла реформы Столыпина-вешателя с преобразованиями Петра Первого. Причем получалось так, что Столыпин хотя и изобрел арестантские вагоны «стольпины», а народ назвал его именем — «стольпинские галстуки» — виселицы,

но его переселение малоземельных крестьян в Сибирь, на Алтай и на Амур в целом имело положительное значение. Но столыпинские отруба, хутора и создание в деревне класса кулаков она искренне и однозначно порицала:

—...Разрушив тысячелетнюю крестьянскую русскую общину, Столыпин сделал серьезный шаг к капитализации деревни. С позиций исторического процесса это укладывается в его движущие законы, но патриархальная крестьянская Россия еще не была готова к этому. Как итог — классовое расслоение в среде девяноста процентов жителей страны. Сам того не подозревая, реакционер и верный слуга самодержавия Столыпин очень даже «помог» большевикам в подготовке Октябрьской революции!

— ...За что его следует посмертно сделать Героем Советского Союза. Заодно и Николая Кровавого, — слышался с «камчатки» чей-то громкий шепот, суда по всему, Карпа.

Задние парты рассмеялись, тотчас вспомнив известный анекдот.

— Я что-то смешное говорю? — Татьяна Осиповна нахмурилась. Слова Карпа не разобрала, но адресовала ему:

— Карпенко! Назови в определенном смысле схожую реформу Петра Первого.

Карп понурил голову, а Мишка Юрасов, обернувшись к нему, что-то тихо подсказал, выручая друга...

— Вот, Татьяна Осиповна, император Петр Первый издал указ: рыжим, косым и колченогим в судах веры не давать... — и с ужасом неподдельным, подняв глаза от парты, посмотрел на самую модную в школе учительницу: тридцати

лет, со свежей предновогодней стрижкой окрашенных в ярко-рыжий цвет волос и с легкой косинкой...

Лицо Татьяны Осиповны запунцелово и пошло было злыми пятнами, но она дисциплинированно взяла себя в руки, вспомнив наставления мудрых профессоров в Ленинградском герценовском пединституте: педагога украшает внешняя невозмутимость и понимание, что дети сначала говорят, а потом уже думают.

А главное — вспомнив, что ее большие ультрамариновые, слегка косоватые глаза могут любого мужика — от свежее испеченного лейтенанта до геройского адмирала — свести с ума, расслабилась и взяла инициативу в свои руки:

— Да, Виталик, был такой указ. Скорее всего, он подписал его не читая, а подсунули церковники. Но царь Петр и более важные законы издавал, например, не брать в армию и флот низкорослых рекрутов, а отправлять таковых строить в болотах Петербург!

Весь класс, любуясь красавицей Татьяной Осиповной, грохнул хохотом, а Карп — со второй своей кликухой «метр с кепкой», как побитый сел за парту и сделал вид, что ничего не слышал.

— А тебе, Юрасов, — продолжала историчка, — видно, скучно жить без вызовов на педсовет: перед новым годом Марии Ивановне звонил отец Веры, жаловался, с ее слов, на тебя.

Мишка задвигал желваками, но дисциплинированно, хотя и вразвалку, встал из-за парты:

— Я думаю, Татьяна Осиповна, что коменданту города желательно заниматься делами вверенного ему гарнизона, а не встречать в

школьные перебранки! Петр Первый такого бы не допустил. Верка же слишком рано в рыночную бабу начала превращаться, ей укорот постоянный в классе и школе требуется, раз дома у нее на побегушках комендант города и его жена...

— Юра-а-сов! Останови свое красноречие. Тоже мне воспитатель старшекласниц нашелся.

Мишка махнул неопределенно рукой, но, сообразив, что зарвался, закончил все грубоватым комплиментом:

— Главное, Татьяна Осиповна, будь Верка такой же красивой, как вы, что-то ей бы и прощалось, но ведь ни кожи, ни рожи, только польская косметика.

— Уймись, Юрасов! — подобревшая от незамысловатой лести историчка, еле сдерживая смех, в свою очередь сама махнула рукой в сторону Мишки и начала объяснять параллели в формах Петра Великого и Столыпина-вешателя.

◆ Татьяна Осиповна являла собой живое отрицание известной присказки: умная женщина не может быть красивой и наоборот. Даже самые язвительные из школьного родительского совета не отрицали: учительница истории красива и умна. Первое приносило ей порой хлопоты. Так, когда директор кинотеатра «Север» Броверман, щеголявший в лаковых штиблетах на сцене дэкафа в качестве неперемного ведущего концертов городской самодеятельности, не на шутку приударил на ней, то муж Татьяны Осиповны, капитан третьего ранга на подлодке, прилюдно отколотил щеголя. Дело получило огласку, мужу на год отсрочили повышение в звании и должности.

Илья — со слов прокурора-отца — по секрету сказал приятелям: хотели пришить Татьянинному мужу и антисемитизм, ибо счастливый супруг первой красавицы города не только кулаками, но и словесно обидел директора кинотеатра...

О степени же ума свидетельствовали ее ученики, даже закоренелые троечники и некоторые, много о себе мнящие старшеклассницы. Со слов старшей пионервожатой Натальи, по должности своей стоявшей где-то посредине между «настоящими» училками и школьниками, знали: Осиповна с прошлого года состоит в заочной аспирантуре герценовского пединститута. Поэтому к ней несколько скептически, ревностно относилась химичка Елена Архиповна — единственная в городе и вообще в Северноморском районе имеющая ученую степень. «Женщина есть женщина, — как-то изрек Мишка Юрасов, — по отдельности может сверхумной быть, но в паре с такой же не лучше базарных торговки, не поделивших место за прилавком».

Одним из педагогических нововведений Татьяны Осиповны являлись последние десять минут урока, которые она отводила под вопросы-ответы. Понятно, по теме урока.

Вот и сегодня, завершив разбор-сравнение реформ Петра Первого и Столыпина, она задавала обычный вопрос:

— Кто из не спавших во время урока имеет чем поинтересоваться?

Все знали, что она не отмолчится и на «неудобных» вопросах, не увильнет в сторону.

Николай, как уважающий истину, не удовлетворенный вчерашним скомканным разговором, решительно поднял руку:

— Можно, Татьяна Осиповна?

— Слушаю тебя, Николай.

— Объясните, пожалуйста; при Петре Первом в России закладывались, в определенном смысле, основы предкапитализма. Во всяком случае, хотя и с опозданием — по сравнению с Европой, страна вышла из Средневековья.

Столыпин — самый известный представитель государственной буржуазии. Далее, Октябрьская революция — переход к социалистической формации. Сейчас у нас — завершение полного построения социалистического общества и курс на коммунизм.

Вот, собственно, вопрос: допускает ли история хотя и временный обратный переход от более прогрессивной формации общества к предшествующей ей?

— Отчего же, история не точная наука, не математика: используя арифметические правила, интегралы не отменяют в употреблении никогда! Возьмем Древний Рим. К третьему веку он стал христианским. Учение это стало государственной религией. Но занял римский престол император Юлиан, прозванный Отступником, и вернул язычество, которое недолго продержалось. Христианство вновь восторжествовало; уже окончательно.

А в Европе в пятнадцатом-семнадцатом веках феодализм с капитализмом нарождающимся часто местами менялись. Зачем далеко ходить: ленинский *НЭП* был хотя и осознанным, так сказать, директивно-государственным, но все же временным возвращением от военного коммунизма к мелкому и среднему частнособственности...

Я, Николай, поняла подтекст твоего вопроса. Но история не только не терпит сослагательного наклонения, но и не дает заглянуть в конкретное будущее. Особо акцент ставлю: в конкретное! Смена формаций predetermined законами эволюции, которые для человечества раскрыли Гегель, Фейербах, Маркс и Энгельс. Их во многом дополнил Владимир Ильич, особенно в своем основном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм».

Однако, исторические законы в плане эволюционном имеют, говоря по-ученому, вероятностный характер.

Наконец, Николай, ответ на подтекст твоего вопроса тебе объективно никто не даст. Для этого надо самому пожить и, главное, много учиться и думать. Здесь, как говорится, отцы детям не советчики...

Раздался звонок. Татьяна Осиповна, мигом приняв облик красивой и привлекательной женщины, улыбнулась, взяла со стола свой классный журнал и, направляясь к двери, почти что пропела:

— До следующего, надеюсь, приятного, свидания, ребята!

На перемене Витек отвел Николая в сторону:

— Опять, Коль, нарываешься? Историчку подставляешь ведь.

— Да нет, кроме вас троих с Ильей и Володькой никто ни полслова не понял. А Татьяна Осиповна очень умна. Этим все и сказано. И за эти десять минут я все впервые понял: только самому можно до истины дойти.

— Это верно, сам от отца слышал такое не

раз. Кстати, тебе это будет интересно: я ведь расслышал, точнее — угадал по губам — у нас в Ленинграде есть дальний родственник с речевой контузией с войны, так что я понимаю по губам — что про себя сказала Осиповна, выходя из класса. Хочешь эти слова знать?

— Сам, Витек, решай.

— А сказала она следующее: «не дай, бог, ребята, не дай!»

Полярный, Екатерининская гавань, 60-е годы; снимок автора книги с сопки, где раньше находилась стелла Сталину (UA1-74527 — личный позывной радиолюбителя-наблюдателя автора)

Полярный, левый (со стороны города) залив Екатерининской гавани, 60-е годы; снимок автора книги со стороны фасада Циркульного дома. Справа у пристани — каботажная «посудина», деревянный бот для перевозки мелких грузов и «попутчиков»

ГЛАВА 12. НОВАЯ МЕТЛА В ДЭКАФЕ

◆ В начале мая, когда над Полярным и Екатерининской гаванью повеяло весной, ушли до осени близорукие плотные туманы, сдернутые апрельскими штормами, в дэкафе случилось давно и не очень охотно старослужащими ожидаемое: проводили на пенсию и военный запас подполковника Зинченку.

Совмещенные официальные и дружеские — от коллектива — проводы назначили на воскресенье, выходной день в Вооруженных силах.

— Ты, Николка, сегодня тоже отдыхай, — сказал поутру отец, собираясь в дэкаф, — сегодня Сергея Архиповича провожаем: в первой половине дня приедут из политуправления в Североморске, всякое местное флотское и политическое начальство. А ближе к вечеру Зинченка дает дембельский ужин с водкой для дэкафовских. Тебе там неинтересно будет, так что занимайся своими делами.

Отец ушел, одетый в парадно-выходной бостоновый костюм, шелковую рубашку с галстуком в тон, при золотых часах. По погоде поверх надел плащ-реглан, шляпу, а на руки перчатки из тонкой кожи и с кнопками-застежками. Смотрелся он в загодя аккуратно подстриженный бороде и усах и флотской подтянутости английским денди среднестаршего возраста. И событие сегодняшнего дня в дэкафе требовали, как сам Андреян объяснил, «парада-алле, форма одежды номер один».

К Зинченке Николай хорошо относился — и не только из-за титула «спасителя дэкафа».

Был он старинной флотской закалки, кадровый военный политработник с середины тридцатых годов, всю войну прослужил на Северном флоте, окормляя словом партии и грядущей победы службу гидроотдела флота, разбросанную по всему северу Кольского полуострова — от будущего Североморска, тогда еще небольшого старинного становища Ваенга, до героического полуострова Рыбачьего и норвежской границы.

Мысленно пожелав Сергею Архиповичу заслуженного отдыха на родной украинской земле, Николай, обрадованный столь редкостным одновременно отдыхом от уроков и дэкафа, позавтракав, еще пару часов провалялся в кровати, читая книгу Кераса о древних цивилизациях Месопотамии, после чего пошел в школу — в радиоклуб.

Алексей Васильевич, как и многие из десяти тысяч морского сословия Полярного, знал о торжественно-грустно событии в дэкафе, поэтому не удивился незапланированному появлению на радиостанции Николая. В текущей вахте как раз не имелось умеющих работать на электронке, потому новоприбывший и сел за нее вторым подменным.

В этот день Николаю везло: пробыл в радиоклубе до семи вечера, когда Алексей Васильевич выключил станцию, установил несколько дэиксовых* связей, в том числе с единственным на острове Фиджи коротковолновиком-морзянщиком. Это где аборигены съели капитана Кука, первооткрывателя Австралии...

* От радиолюбительского кодового *DX*, то есть удаленная, «раритетная» станция.— Прим. авт.

Полярная ночь все больше уступала свое место полярному же дню. Поэтому, выйдя с Володькой Марьиным — встретились случайно у кассы «Севера» — из кинотеатра с вечернего сеанса, еще застал солнце, висевшее над горизонтом. До недолгого захода за него оставалась еще часа полтора.

Прогулялись до Циркульного дома с давно уже закрытыми на ночь магазинами, поговорили о том, о сем, попрощались до завтра и разошлись. Проходя к Чертову мосту мимо все того же «Севера», пересекся путем с Броверманом. Тот, куда-то спеша из своего кинотеатра, но явно не домой — Николай знал его местожительство, Броверман и внимания на него не обратил, а Николай досадливо поморщился: два раза, учась еще в шестом классе, имел он с ним малоприятные разговоры.

В первый — болтаясь без дела в ожидании начала дневного сеанса по кассовому вестибюлю, почему-то заинтересовался выключателем у входных, уже в предзальный вестибюль, дверей, пару раз щелкнул им: включил-выключил. Сразу за этим входная дверь отворилась, выбежал Броверман в рабочем синем халате, но при галстукке, и набросился с упреками на пацана у выключателя:

— Вы что, молодой человек, очень электричеством интересуетесь? Понимаете, к чему ваша шалость могла привести? Я бы вас в школу отвел к директору, да некогда... Никогда больше этого не делайте!

Как человек интеллигентный, Броверман обращался даже с детьми на «вы», но язвительностью голоса и грозным шевелением подбородка усиков умел навести страх.

◆ Второй случай и вовсе случился позорным для Николая. Он последний учебный год проживал в школьном интернате, но семья уже готовилась к скорому переезду с Большого Оленьего, последнего для нее маяка, в Полярный.

Как у всякого интернатского, живущего не с папкой-мамкой, деньги, даже мелочевка, далеко не всегда водились. А тут и черт-искуситель подоспел: в лице... обещания Хрущева, что нынешнее поколение будет жить уже при коммунизме.

Дело, конечно, хорошее, даже шестиклассник Николка — тогда еще не Николай — в этом не сомневался, как и вся великая страна. Да все к этому и шло, главное — в жизни все больше и больше начала доверять народу, его совести и порядочности. Даже в обыденных мелочах, например, начала упразднять должности билетеров. То есть, приобрел человек билет в кассе на киносеанс или на спектакль — походи в зал и занимай свое место. Согласно купленному билету.

Здесь следует сказать, что в Полярном концерты-спектакли давались только в дэкафе. Да еще в школьном актовом зале — рекреации, как его упорно называла физичка Софья Федоровна по старой гимназической памяти — выступала школьная же самодеятельность и ученический театр Людмилы Евгеньевны

Фильмы в городе, кроме дэкафа и «Севера» любой публике можно было смотреть еще в Старом Полярном, где находился по соседству с райбиблиотекой небольшой, одноэтажный клуб стройбатовцев, в народе — «райсарай», и в Па-

лой губе — в заводском клубе — также с небольшим кинозалом. Еще в нескольких местах подплава нерегулярно «крутили фильму», но эта территория охранялась от гражданских. Даже детям туда было не попасть. Не потому что могли узнать военную тайну, которую и без того хорошо знали, а чтобы не путались под ногами и не попадались на глаза начальству.

В школьной же рекреации «кино давали» только для своих: учебные фильмы — днем, во время занятий, а художественные — в субботние вечера, если не предполагались танцы. Кинобудкой — с двумя квадратными отверстиями в стене — являлось хозяйство Николая, как начальствующего в школьном радиоузле, имевшем по стороны коридора один вход — в радиоузел и кинобудку. Став работником дэкафа с занятыми вечерами, Николай все мероприятия после первой школьной смены передал своему помощнику Сашке Белозерову.

Но «Север» и дэкаф все же с некоторой ревностью посматривали друг на друга, стараясь первыми показать новые фильмы из прокатного репертуара.

И в свете новых веяний о доверии людям между Броверманом и Зинченкой началась дуэль на опережение. Сначала в дэкафе перестали перед входом в зал на концерты и спектакли проверять билеты. Оно и так ясно, взрослые люди — офицеры и гражданские, раздевшись в гардеробе на первом этаже, не могут являться безбилетниками.

Броверман, скрипя зубами и топорща свои актерски подбритые усы, ответить на вызов не мог: в «Севере» не имелось гардероба, а кроме

фильмов там иногда проводились лекции общества «Знание», собрания домохозяек и иные общественные мероприятия — все бесплатные. Ободренный Зинченко сделал второй шаг: не проверять билеты на детские киноутренники, а на вечерние сеансы по будням и дневные — по воскресеньям билетерша вроде как и стояла у одной из трех дверей в кино-концертный зал (все три отворялись только на спектакли-концерты и парадные собрания), но сине-блеклые полоски билетов в руки не брала. Ей достаточно было видеть таковые у входящих в зал.

Броверман вдвойне разозлился; вдвойне, ибо в это же самое время, ночуя в гостях, как человек неженатый, у знакомой дамы, не уследил за своими знаменитыми лаковыми штиблетами, которые за ночь кот хозяйки вдоль и поперек расцарапал. Правда, у него имелась запанная пара...

Мучительно он размышлял: как уравниаться, а лучше и опередить дэкаф в части доверия к клиентам? Махание полосками билетов перед глазами как бы билетерши, но в то же время не билетерши-контролерши, не подходило: правила отчетности перед районным и областным управлениями кинофикации требовали строгого учета как проданных в кассе билетов, так и соответствия им оторванных билетершей левых боковин с надписью «Контроль».

Поставить на входе урну, куда бы посетители бросали билеты? — Не подходило, ибо непременно возникали бы уже в зрительном зале недоразумения из-за забытых номеров ряда и кресла. Особенно среди женщин.

...Сам ли Броверман додумался, кто под-

сказал? — Но выход был найден. Клиент входил через дверь из кассового в предзальный вестибюль, сам отрывал «контроль» и опускал его в щель большой урны, точной копии избирательной на выборах. Никто за урной не наблюдал. — Полный коммунизм. Про инициативу Бровермана написали во флотской «На страже Заполярья» и в гражданской мурманской «Рыбак Заполярья».

◆ Поскольку правило «доверяй, но проверяй» еще не отменили сверху, то коммунизм заканчивался, преимущественно для детей, в зрительном зале. Два-три раза в неделю на дневных сеансах, на которые ходило много пацанвы, условно сокращенные билетерши проводили облавы, особо обращая внимание на первые ряды.

Николка, как воспитанный в маячной строгости, только один единственный раз в полном безденежье — начались апрельские шторма на море и мать уже с месяц не приходила с маяка Большой Олений: за покупками и навестить в интернате ребят — рискнул пройти в зал без билета. Очень его одноклассники хвалили идущий в «Севере» новый фильм. И попал, невезучий, под проверку.

...Даже сейчас, десятиклассником и человеком трудовой биографии, спасителем дэкафа и философом в душе, Николай испытывал жгучий стыд, вспоминая тот конфуз.

Когда Николку и еще двух безбилетников лжебилетерши выводили из зала, взрослые в нем поделились на две неравные части. Меньшая, сплошь женская, стыдила ребят: вот, дескать, куда родители и школа смотрят! Совсем

распустили, ни стыда, ни совести! И так далее, в обычном бабском репертуаре.

Но большинство, в основном матросы и старшины в увольнительной, гражданские мужики разного возраста накинудись на контролерш: «Отпусти ребят! Разорят они вас, что ли, на двугривенный?» Особенно, как и женщины, напирали на совесть, но только не у пацанов, а у obsługi кинотеатра.

В крохотном своем кабинете Броверман прочитал безбилетникам язвительную лекцию. Почему-то сравнил их проступок с предательством «высоких идеалов строителей светлого нашего будущего». В заключении записал фамилии — ребятам и в голову не пришло соврать — и номера классов.

На другой день всех их по долгу службы упрекала сама директорша Мария Ивановна, затем их трепетные тела и души передали для оргвыводов старшей пионервожатой. Наталья Сергеевна, работавшая в школе первый год, уже мягко пожурила и отпустила с миром.

Больше всех не повезло Николке, поскольку он был интернатский, куда — не из вредности или мстительности, но по существующим правилам должны были сообщить из школы. Директорша интерната занималась только хозяйскими делами, поэтому разборку поручила первой попавшейся на глаза воспитательнице. Таковой оказалась Белла Нурьевна, осетинка, как и многие из полярнинских учительниц, попавшая сюда вслед за мужем, офицером-подводником. По совместительству она вместе с Татьяной Осиповой преподавала историю и обществоведение в старших классах.

К жизни и работе в интернате она относилась с врожденным юмором и спокойствием:

— Вот, Коля, попал ты в историю. Не столько страшную, чтобы сильно так переживать, но нравоучительную...

Разъяснив всю пагубу нарушения морально-этических норм, она предостерегла его от подобных действий в будущем:

— ...Чем старше ты будешь, тем тягче будет наказание. Лучше перетерпеть от недоступности желаемого, чем допустить попреки в свой адрес. Тем более тебе, интернатскому: не только в школе пропесочили, но и мне приходится тебе, парню потенциально неглупому, рассказывать прописные истины. Это как у взрослых, членов КПСС: за любой проступок двойная ответственность — перед администрацией по месту работы или службы и перед парткомом.

Так что, Коля, иди и успокойся, но урок жизни не забывай никогда. Теперь совет практический: постарайся пару месяцев в «Севере» не появляться, ходи смотреть кино в дэкаф. Пусть тебя в кинотеатре и не запомнили в лицо, но ты сам будешь каждый раз заново переживать все случившееся, а это испортит все удовольствие от просмотренного фильма.

И еще, я давно приметила: читать ты очень любишь. А у меня дома хорошо подобранная еще родителями библиотека, в основном, редких книг. Я принесу тебе одну, называется «Письма к сыну» старого английского писателя Честерфилда. Ты из нее много сможешь извлечь в контексте, так сказать по-ученому, нашего с тобой разговора.

Книга*, правда, издана восемьдесят лет назад по старой орфографии, но ты уже через пять-десять страниц привыкнешь, я тебе объясню, как читаются старые буквы, что сейчас не употребляются. Только бережно отнесись к книге, очень ценной, из интерната не выноси!

...И сейчас, оканчивая десятый класс, почти взрослый Николай, вспоминая тот досадный случай, досадливо морщился.

◆ Где-то через неделю коллективу дэкафа представили нового начальника — майора Андрея Васильевича Старовойтова. В отличие от невысокого и осанистого предшественника, Старовойтов смотрелся высоким, но — скорее по причине общей тощеватости.

Он еще не вступил в должность, но служащие дэкафа уже язвили, что-де *новый* до этого заведовал аналогичным учреждением на Четвертой точке — размером с деревенский клуб и с тремя подчиненными. При этих словах дэкафовцы похохатывали горделиво: дескать, как этот майор покажет себя в нашем огромном хозяйстве с целой ротой, говоря языком военных, обслуги!

Но майор, как истинный политработник, поначалу не выделялся, все больше напирал на то, что он хотя и начальник, но ему многому надо поучиться у матерых работников дэкафа. При этом он, хорошо ознакомившись с личными делами своих подчиненных, особо оговаривался,

* Имеется в виду издание «Хороший тон, или житейская мудрость и знание света. Сборник правил и советов в общественной жизни» (СПб., 1887). Других изданий Честерфилда на русском языке до 1978 года не было. — Прим. авт.

что «имеет честь руководить кадрами, работающими в таком известном очаге флотской культуры еще с довоенных лет: Ниной Степановной, Михаилом Дорофеевичем, Екатериной Захаровной...». Дипломатично отметил и молодых сотрудников, среди которых назвал и Николая, пошедшего по отцовским стопам.

На этом месте и Андрейан, и Николай хмыкнули, ибо первый считал своей основной профессией многолетнюю службу на Северном флоте, а Николай, понятно, полагал работу в дэкафе вынужденной необходимостью. Майор же Старовойтов, как человек наблюдательный, заметил и эту реакцию, отнеся ее по линии врожденной скромности простых рабочих людей...

Что тут говорить? Видимо, за очень еще не долгую майорскую службы Старовойтов не в полную возможность опробовал на практике знания, полученные в военно-политическом училище. Правда, представляясь коллективу, Андрей Васильевич, не назвал — какое училище он окончил. Из чего следовало: явно не столичный. Понятно, это не повысило его авторитета.

...Но старые служащие дэкафа и вообще люди взрослые, обученные жизнью, тотчас учли особенности натуры нового начальника и хочется-не хочется, но скоренько приноровились. Николай же не имел такого опыта, главное, еще не составил для себя представления, что каждый начальник, независимо от ранга, полагает себя первым после бога... для выпускников военно-политических училищ — после того, что атеистически заменяет бывшего бога.

Школа такого жизненного опыта не дает, как это ни странно звучит. Все дело в том, что

школа — это большая, организованная и субординированная игра. А игра предполагает равенство всех в ней участвующих, независимо от должностей. Как в казаки-разбойники: сегодня Петька — казак, а Васька — разбойник. Завтра все наоборот.

Переход же ко взрослой жизни школой не готовился. Наверное, считалось это делом родителей. Так оно, наверное, и было, но в самое «воспитательное» родительское время — с первого по шестой класс — Николай опять же девять месяцев в году был отлучен от родителей, проживал в интернате, филиале школы, где вместо учителей были воспитательницы, в еще большей степени относившиеся к ребятам как к детям. Так вот круг и замкнулся, а Николай попал под раздачу.

◆ Как начнется так все и покатится. Под гору, конечно, которая заканчивается внизу болотом взаимного отчуждения и даже прямой вражды.

Началось все с пустяка. Николай сидел за верстаком подвальной мастерской и доводил до ума давешний электронный ключ, точнее, его механическую часть: заменял стальную пружинящую полоску-замыкатель на такую же, но из фосфористой бронзы: с ней «мягче» работать, не надо нажимать большим и указательным пальцами, контролируя силу нажима под нужное число точек-тире, а только легко перебрасывать влево-вправо. Это сложно объяснить словами, но телеграфист за ключом это распрекрасно чувствует.

По мелькнувшей тени в проеме отворенной двери подвала Николай понял: кто-то зашел. И

тотчас раздался наигранно-веселый голос майора Старовойтова:

— Николай! Аль что мастеришь?

— Так точно, товарищ майор,— но на всякий случай отодвинул разобранную электронку со снятым кожухом под занавеску, закрывавшую над столом щиток со всякими нужными инструментами, а сам поднялся навстречу начальнику — по уставу.

— Хорошо тут у вас, электриков, все прибрано, расставлено по местам! Я чего зашел: дочка моя, что учится в Мурманском пединституте, приехала на тройку дней. Вот собрались они с матерью пошить кое-что к лету, а в торшере над швейной машинкой лампочка слабовата. Дай-ка мне парочку, нет, лучше тройку мощнее. Не сочти за труд.

Николай сходил в угол, где стояли ящики с лампами, взял три стопятидесятиваттных в рифленых картонных коробочках без донцов, протянул Старовойтову. Тот взял, посмотрел на надписи на верху колбы, призадумался:

— А помощнее нет?

— Нет. Были бы — дал. А так все ушли на софиты, что недавно с отцом перепроверяли.

— Ну-у, если на софиты... Спасибо и на том.

Старовойтов, не прощаясь, повернулся, но при выходе через подвальную дверь забыл о низкой верхней перекладине и ударился макушкой головы.

Николай вздохнул, поняв: их отношения пошли в низ горы доверия и доброжелательности.

Но все же и шишка на начальничьей голове от удара о притолоку не поколебала доброжела-

тельности Андрея Васильевича до такой степени, чтобы он перестал общаться с младшим электриком.

И сам майор Старовойтов до конца не понял: лоялен ли к нему Николай, или не понимает дистанции между руководителем организации, приравненной к военной части. Главное: просто по молодости не понимает, или не желает понимать? Это большая разница в соблюдении непреложных правил субординации.

Если не словами, но нутром чувствовал это и Николай, поэтому особо не удивился, когда через несколько дней начальник снова зашел к нему. Чистая случайность, но и на этот раз Николай находился в подвале мастерской:

— Николай, нельзя ли у тебя разжиться отверткой? Я ее завтра принесу и отцу твоему отдам.

— Под какой размер винта, Андрей Васильевич?

— Да по вашей, электрической части: розетки и выключатели разболтанные, надо бы покрутить. Я ведь по должности своей занял в Циркульном доме служебную квартиру, где до меня Зинченко проживал. А Сергей Архипович лет десять ей ремонт не задавал, вот все и разболталось.

Получив просимое, Старовойтов поинтересовался занятием Николая, соорудившего для художников-оформителей кабельный удлинитель с тремя розетками на деревянной плашке. Тот кратко пояснил. В свою очередь и начальник одобрил ловкость рук молодого работника.

— Должно быть по мастерской части, по электричеству пойдешь после школы?

Николай слегка попуцовел лицом: всему дэкафу было известно — для чего он, учась в обычной, дневной школе, работает по вечерам. Вряд ли не знал об этом очень наблюдательный Старовойтов.

— Нет, пойду учиться в институт.

— Э-э, брат, как ты уверенно говоришь о таком непростом деле, как поступление в институт! Вот в прошлом году выпускники вашей школы, чьи отцы у нас на Четвертой точке служат, — сыновья капитана первого ранга Чеботарева, капитана второго ранга Исаева... и еще несколько ребят и девушек поехали поступать в Ленинград и Москву, да кроме одной все и вернулись домой. Не простое это дело, если дети таких серьезных людей не поступают! Надо очень серьезно готовиться, а у тебя, я смотрю, все время после школьных занятий занято работой...

Николаю бы промолчать или отделаться от явно провокационного наставления дежурным: готовлюсь, мол, а там — как повезет. Но язык явно опередил мысли:

— Наверное, Андрей Васильевич, у этих ребят вышло несоответствие между числом звезд на погонах отцов и престижностью выбранного института! Детям кап-три следовало в Мурманский пединститут поступать, кап-два — в Ленинград и так далее...

Сказал и обомлел: совсем забыл, что у майора Старовойтова, по чину своему приравненного к капитану третьего ранга, дочь как раз в Мурманске и учится!

— Мал ты еще взрослых людей поучать! Сопляк, а туда же лезет... электромонтер.

И Старовойтов, все же захватив отвертку, вышел из подвала, на сей раз нагнув голову в дверном проеме.

◆ На другой день, сдавая дежурство, Андреян сообщил, что Старовойтов отдал отвертку:

— Чем это ты его раздосадовал? Сказал: язык у тебя длинен. Смотри, тебе еще год здесь работать. Во всяком случае, благодарностей явно в трудовую книжку больше не видать. Правда, Зинченка тебе успел их три записать. Другие за всю жизнь ни одной не имеют...

Теперь начальник, встречая Николая в коридорах дэкафа, либо вообще отворачивался, или, если шел с кем-то, сухо кивал.

Но и это закончилось через пару недель, когда Андреян, сдавая вахту, дал задание:

— Старовойтов просил починить звонок в его квартире. Я не успел, провозился с проводкой, что пробило в бассейне. Сегодня только кино в зале, так что сейчас и отправляйся. Там теща его. Предупреждена.

Случился большой конфуз. Все дело в том, что чинить и вообще держать в руках квартирные звонки ему доселе не приходилось: дома их не было, в дэкафе тоже.

Теща начальника, добрая лицом, полная, но по-женски себе на уме, впустив Николая, делая болезненное лицо, пожаловалась на звонок, прикрепленный к внутреннему косяку двери:

— Со вчерашнего дня тихо так и противно все звенит и звонит беспрестанно. Уж разберись, молодой человек...

И зачем-то добавила:

— Дело мастера боится, а не умеешь — не берись!

Сняв звонок, разобрал его, Николай понял устройство: собственно обмотка якоря представляла собой трансформатор, точнее — авто-трансформатор. Силовая обмотка включалась в сеть 220 вольт по релейной схеме только после замыкания кнопкой на подъездной стороне двери низковольтной обмотки. Все сделано по технике безопасности: если хороший человек, или даже гад зловерный, расковыряет кнопку от нечего больше делать, то хоть языком оголившиеся провода лижи — не грохнет, а только пощиплет.

Умно, конечно, сделано, но от старости и нежелания подполковника Зинченки задавать ремонт электрохозяйству своей служебной квартиры, и в звонке, по всей видимости, витки двух обмоток законтрачили. Отсюда и непрерывный, не очень громкий, но оттого не менее раздражающий звон при абсолютно исправной и ненажатой кнопке.

Ему бы забрать звонок с собой, чтобы перемотать — что несложно — низковольтную верхнюю обмотку, или вообще посоветовать майору с его зарплатой купить новый звонок — через отца, конечно, — но Николай воспринял приказ отца прямолинейно, по-флотски: *починить звонок — и баста!*

Регулировкой замыкателя якоря и подвинчиванием внутривонковых креплений ему удалось снизить постоянный звон в несколько раз, так что услышать его можно было не более чем на расстоянии метр-полтора. Да и то, если прислушиваться, что не преминула сделать теща. Как и все тещи в мире, майоровская обладала слухом акустика-подводника высшего класса...

Николай сдал работу старушке. Та с сомнением посмотрела на звонок и Николая, добавив свое обычное: «Дело мастера боится, а не умеешь — не берись!»

А на следующий день в пересменок Андреян, одновременно сердясь на Николая и язвительно похохатывая — явно в сторону начальника, высказался, выслушав объяснения сына:

— Так нужно было к чертовой матери обрубить эту низковольтную обмотку якоря, а через кнопку пустить все двести двадцать на основную! Трудно было сообразить?

— Так ведь по технике безопасности...

— Если соблюдать все правила этой безопасности, то из Полярного и Североморска ни один корабль в море не выйдет! А майор-то наш меня сегодня утром у дверей дэкафа поджидал: срочно, мол, беги на мою квартиру и что хочешь со звонком делай! Твой сын так его «починил», что в восемь вечера он затрезвонил едва не на полную громкость. Я звонковой колотун ватой проложил, но все одно ночь у всех нас прошла бессонной...

Забегая вперед: когда Николай увольнялся из дэкафа, заработав ровно два года трудового стажа и готовясь к выпускным экзаменам, он — никуда не денешься! — зашел в кабинет майора Старовойтова, который не разговаривал и даже не здоровался с ним после звонковой истории, и попросил дать ему характеристику, что требовалась по правилам поступления в вуз, то Андрей Васильевич, не отрывая глаз от передовицы «Правды», сухо посоветовал обратиться к непосредственному начальнику — завхозу.

Михаил Дорощеевич, слабо владеющий письменной речью, написал нечто невообразимое про «беспрекословное выполнение указаний командования», «охрану священной военной тайны» и пр. Отец, читая эту галиматью, возмущался:

— Неужели Екатерина Захаровна, перепечатывая каракули малограмотного завхоза, не поправила текст? Видно, решила, что таково указание Старовойтова. Хрен с ними. Никто в институте эту бумагу читать не будет, а посмотрят только трудовую книжку.

А тебе, Николка, зна-а-тный урок на всю будущую взрослую жизнь: без врагов и недоброжелателей, конечно, только юродивые обходятся, но и сам не нарывайся. Есть люди, а имя им легион, которые считают день потерянным, если не сделают кому-то пакость. Но таких людей легко вычислить и внимание на них не обращать. Другое совсем дело, когда ты волею судеб оказываешься в той или иной зависимости от человека с повышенным самомнением. Ухо остро держать следует.

Старовойтов сам по себе мужик ничего, но слегка обижен по служебной лестнице: ему по годам пора две звезды на погонах иметь, а он в майорах чуть задержался. Ну, бог даст, в следующем году «озвездится», а в дэкафе все пойдет как при Зинченке. Тебе, да и мне тоже, это будет уже ни к чему. Да... и на далекое будущее: работай хоть дворником, а может и министром, но остерегайся стать преподавателем во всяких институтах-техникумах. Это самое что ни на есть змеиное гнездо, да еще и окруженное волчьей стаей.

Полярный на рубеже веков; на переднем плане — штаб Краснознаменной Кольской флотилии Краснознаменного Северного флота. У пирсов Екатерининской гавани катера-«охотники» ОВР'а (охраны водных районов)

Полярный на рубеже веков; на заднем плане — выход («пирейма») из Екатерининской гавани в Кольский залив; крайний справа — Циркулярный дом

ГЛАВА 13. ЛЕТО ГРЯДУЩИХ ПЕРЕМЕН

◆ Как бы ни складывались отношения Николая с новым начальством, но это действительно мало волновало: в жизни его намечались и уже приблизились большие перемены. Через год, закончив школу, он с родителями и братьями готовился навсегда покинуть Север и переехать на Большую землю, не очень далеко от Москвы на юг. До этого были только малые перемещения — переезды с маяков на маяк: Белокаменка, Ретинский, Палагубский, Седловатый и Большой Олений, причем первые два он вовсе не помнил по младенчеству... И одна большая перемена: завершение маячной жизни и начало городской в Полярном.

Главное — в Тулуповске через год семью ожидало жилье, а Николая радиотехнический факультет местного политехнического института, хотя и периферийного, как принято говорить, но входящего в десятку крупнейших вузов страны и очень известного подготовкой инженеров и научных кадров для военной промышленности. В этом деле Тулуповский политех в масштабах страны ревностно соревновался с вовсе уж знаменитым Баумановским высшим техническим училищем. Правда, последний гордился перед тулуповцами тем, что у них имеется единственная в СССР кафедра взрывателей для боеприпасов... Это Николая не смущало: он собирался учиться на радиоинженера, а не взрывателя. Дом на заводской окраине строил за родственно-умеренную плату дядька отца, вернее, муж его старшей сестры Прасковьи, знаменитый в боль-

шой калужской родне бывший «бериевский» полковник НКВД Лазарь Федорович, родом из одной деревни с маршалом Жуковым. В деревне все до седьмого киселя родственники, поэтому и у Лазаря характерный подбородок с вертикальной бороздой и искусная игра на «хромке».

В это последнее северное лето съездить, как обычно, всем семейством в калужскую отцову деревню Дворцы не получалось. Отец по необходимости оставался «на хозяйстве» дэкафа, а средний брат сильно переболел в конце зимы воспалением легких с осложнением, поэтому его отправили на все лето в санаторий под Выборгом.

Николай оформил свой первый в жизни трудовой отпуск и с матерью и младшим братом в середине июля и до конца августа убыли на Большую землю. Сначала погостили в Калуге у средней сестры отца Полины, затем двинули в недалние Дворцы в гостеприимную избу уже младшей сестры отца Настасьи. У обеих — дети: и ровесники Николая, и постарше.

Через пару недель мать с Николаем через Калугу на ряжском поезде съездили в Тулоповск к Лазарю, пожив у него несколько дней. Мать все обговорила, главное — на следующий год в конце июня-месяца Николай, получив аттестат зрелости и трудовую книжку с двухгодичным стажем работы в дэкафе, придет в уже достраиваемую половину *собственного* их дома о трех комнатах, просторной кухне, веранде, двух хозяйственных подполах, основательном сарае с чердаком, уборной за сараем и тремя сотками земли с уже плодоносящими яблонями, грушами, крыжовником, сливами и прочей мелочью. Вторая половина обычного пригородного

шестисоточного участка и несколько меньшая по размеру часть дома с отдельным входом остается за Лазарем и его семейством: женой, сыном-инвалидом от рождения, работающим слесарем-надомником, и дочерью — бухгалтером на заводе. Впрочем, Нина уже собиралась замуж на выданье. Все дома и хозяйственные постройки в этом пригороде строили литьем в опалубке из дармового шлака, нажиги по-местному, с местного металлургического завода — первенца сталинских пятилеток.

Николай приедет, будет готовиться к экзаменам в институт, затем сдавать их и помогать Лазарю в окончании стройки. А в сентябре, когда новоиспеченный студент отправится на «курс молодого бойца» в колхоз, и все семейство Андреяна со скарбом прибудет.

Для знакомства с городом Николай поехал по нему на трамваях, автобусах и совсем недавно пущенных троллейбусах. Несколько удивился, что очень большой по площади Тулуповск, исключая центр с кирпичными «сталинскими» и двух-трехэтажными старокупеческими зданиями, весь состоит из бревенчатых изб. И сами тулуповцы посмеивались: большая деревня! Даже Полярный в сравнении больше смотрелся городом. Но Лазарь объяснил и обнадежил:

— Это все от того, что в войну немцы город почти что не бомбили: наступая на Москву, они для скорости продвижения просто обошли Тулуповск, а все военные заводы эвакуировали на Волго-Урал. Так что и бомбить было нечего. А раз город после войны остался, в основном, цел и невредим, то его и не включили в перечень разрушенных городов, как ближние Орел,

Курск, Белгород и Воронеж, подлежащих капитальному восстановлению.

Но ты, Коль, не переживай. Сейчас у нас первым секретарем поставили Ивана Харлампиевича, очень шустрого мужика, к тому же хорошего знакомого Леонида Ильича еще по довоенному Днепропетровску. Так что в городе вот-вот развернется огромная стройка.

...Забегая вперед: слова Лазаря Федоровича сбылись в полной мере. Когда Николай получил диплом инженера-радиотехника, от прежнего деревянного Тулуповска остались только пригороды. Все остальное застроилось: от типовых пятиэтажек-«хрущевок» до экспериментальных четырнадцатизэтажных домов, литых из бетона методом скользящей опалубки...

Последние десять дней отпуска Николай провел в Калуге, после чего с приехавшими из Дворцов матерью и братом в последний раз двинулись по давно ставшему привычным маршруту: Калуга — Киевский вокзал Москвы — Ленинградский же вокзал и поезд «Москва — Мурманск». А там на рейсовом пассажирском катере до причала губы Кислой Полярного.

...Калуга, конечно, смотрится на своих холмах при полноводной Оке и дополняющей ее с противоположной стороны речке Яченке, осанисто и красиво, не сравнить с плоским Тулуповском, где даже центр города разместили в болотной пойме мелководной и отравленной отходами металлических и машиностроительных заводов речки. И даже филиал знаменитой Бауманки имеется в Калуге, увы, без радиотехнического факультета. Не говоря уже о жилье для их большой семьи.

Еще может потому на тот момент времени Калуга более приглянулась ему, что со своими родственниками-сверстниками, проживающими на окраинной — далее только крутой спуск к Яченке — улице Кирпичной в частных своих домах, приноровился он длинными летними вечерами проводить время в занимательных беседах на ближней улице Красной в уютном, обсаженном бузиной дворике небольшого двухэтажного дома, где жили с полдесятка родных и двоюродных сестер-старшекласниц.

В Полярном такой легкий флирт не практиковался, поэтому эти позднеавгустовские дни наполнили душу легкостью, ощущением жизненного аромата платонической влюбленности. Именно той, что растворена во всем тебя окружающем: от созревших стручков бузины с их горьковатым запахом до щебечущих школьные благоглупости всех одинаково красивых девушек и их прощальных — до завтрашнего вечера — взмахов пухленькими ладошками с непременным серебряным колечком на безымянном пальчике левой руки.

Этот призрачный аромат, как предвестник счастливой поры перехода от юности к ранней молодости, и по возвращению в Полярный еще долго витал в тайниках души, внешне же порой проявляясь в мечтательной отстраненности лица.

Еще Николай с удивлением обнаружил в мурманском поезде, проехав Петрозаводск и глядя в вагонное окно на бесконечную, тысячеверстную карельскую тайгу, что едет, как бы не домой, а на годичную побывку в некогда родные, но в то же время становящиеся... он не осмелился употребить в мыслях слова «чужими

места», но остановится на нейтральном определении «знакомыми».

◆ Словно сам Север, Заполярье прощались с Николаем: выдался редкостный ровный и теплый сентябрь — первый месяц в школе и в дэкафе — после отпуска. В то же время сама обстановка, окружение Николая напоследок старались выявить и малопримечательные стороны. Наверное, чтобы он, конечно, вспоминал годы взросления здесь, но в воспоминаниях этих не очень-то предавался иллюзиям. Природа, частью которой является жизнь человека, мудра во всем. Даже мудрее всезнающих учительниц.

Николай сразу отметил: большинство из них — специфика военного города — в возрасте тридцати — тридцати пяти лет. Как искушенный в чтении романов, Николай определял такой возраст как переходный между первой и второй женской молодостью, понимая, что классический бальзаковский возраст прошлого века сейчас отодвинул возрастную планку лет на десять вверх.

Всматриваясь на уроках в их загоревшие за лето в более теплых краях лица, Николай чувствовал тот же легкий любовный флер, который с каждым сентябрьским днем улетучивался в ожидании не столь уж далекой полярной ночи. Улетал до следующего лета.

И на душевном фоне своего расслабленного состояния, своих одноклассников и учительниц с почти физическим отвращением воспринималась проза взрослой жизни. Даже слова «любовной» здесь не подходило...

Зашел он со стремянкой поменять сгоревшие две лампочки к художникам-оформителям, а к ним забрел на огонек дэкафовский слесарь по

водопроводному и канализационному хозяйству Генка, молодой парень на середине третьего десятка. Понятно, почему он здесь торчит: чтобы не попасться с утреннего похмелья на глаза начальству, то есть завхозу — злому от трезвости, а потом в трепотне рассеять свой перегар.

Как и положено, где Генка — там разговор о бабах. Оформители, ухмыляясь, больше слушают, не отрываясь от урочной работы. Они и водку пьют-закусывают, когда такое счастье выпадает, не присаживаясь за стол-верстак и не оставляя в покое свои рамы и подрамники, грунтованные холсты, кисти и свинцовые тюбики с красками. Привычка всех художников от высокого живописного искусства.

Сейчас их более интересовало: где этот балагур и бабник достал водяры и даже на опохмелку хватило? А Генка с хохотом рассказывал:

— ...Я сейчас одну смазливую бабенку пользую. Лодку ее мужика на пару месяцев перебросили на Балтфлот, мамаша с внучком еще с летнего роздыха на приехали. Сама не работает, чем в неполные тридцать лет заниматься? Я в соседнем доме живу, меня там все знают и зовут краны и прочую хурду-мурду чинить. И она неделю назад позвала, но имела в виду совсем другой «кран». Вчера вечером уже третий раз ремонтировать ходил.

Генка, паскудно гогоча, в подробностях расписывал технику «ремонта» и постельной санитарии.

— Чем она на тебя запала? Понятно, «кран» у тебя что надо, но офицерше водопроводчик вроде как не пара?

— Хреновню, Саш, несешь. Самая пара

для временно свободной бабенки. С кем-то из равных себе шашни заводить — город маленький, засекут вмиг: мордобой между офицерами, бабы ихние косы друг другу повыволочат. Нет, с сантехником безопаснее, спокойнее. А если кто из соседок позавидует — с нашим удовольствием удовлетворим и их! Ха-ха!

Здесь в дверь заглянул завхоз, пристально посмотрел на Генку:

— Хватит прохлаждаться, бегом на второй этаж. Там тебя Захаровна обыскалась, что-то у нее с краном в рукомойнике.

Николай слез со стремянки, сложил ее, направился к выходу. Сашка, то есть для него сорокалетний Александр Иванович, извиняючи за беспардонного Генку, сказал вслед:

— Ты, Никол, не обращай на слова балбеса особого внимания. Хотя... подрастешь, будешь понимать: есть женщины, а есть и бабы, хотя нередко та и другая в одном лице. И сам, уже взрослым мужиком будешь выбирать женщину для любви и семьи, а приспичит — бабу для утехи, мужскую нужду справить. Жизнь, мой дорогой, штука сложная!

◆ В самом дэкафе определенной репутацией пользовались Зойка-кладовщица и техник Машка, что «давала кино». Если Зойка интересовалась более старшекурсниками из ЛВВУПП, прибывшими в Полярный на практику, и холостыми молодыми офицерами, мичманами из сверхсрочников, то Машка — по наблюдением Николая — мало кем брезговала, но на стороне. Впрочем, пару раз вечером он видел ее выбегавшей из кочегарки. И Николаю она поначалу строила откровенно-бесстыжие глазки, но он

отворачивался при случайных встречах в коридорах. И запах от той и другой был крайне неприятен Николаю до такой степени, что он старался обходить их при встречах, особенно Машку. Если от Зойки исходил этакий масляно-густой запах дешевых духов, губной помады и еще чего-то — все в тяжелом месиве, то Машка всем своим телом, туго обтянутым юбкой до колен и кофточкой, обдавала встречного каким-то животным теплом. Все декафовские мужики говорили: от Машки разгоряченной бабой пахнет!

Как от них были бесконечно далеки школьные сверстницы Николая? — Невообразимо далеки. Он даже сравнивать их в мыслях не мог: не было общих образов для сравнения, как нельзя сравнивать, например, зеленый цвет и температуру воды...

Здесь опять возникал неизбежный вопрос: неужели между юностью и взрослой жизнью стоит некая непроницаемая стена, через которую невозможно хоть краем заглянуть — в будущее или прошлое? И как человек все же проходит через эту стену, становясь, наконец, взрослым?

Кто мог дать Николаю ответ? — А никто, просто никто: ни умные учителя, ни просто люди с большим жизненным опытом ... никто! Так что же, снова доверять только себе, только на своем жизненном опыте, побывав по ту и эту стороны стены — с течение непрерывного времени, разумеется?

...Таков был заряд калужского платонического любовного флера, что он даже на сложившиеся пары одноклассников посматривал косо. Морщился на откровения Ильи: «...Эх,

говорю Нельке, давай сегодня как у людей, по-старинному!».

Даже Лиза Радциг, к которой он был неравнодушен. Нет, он не ревновал ее к усатому военмору, но внутренне передергивался, видя, как откровенно-деловито идут они под ручку на виду всего города в сторону Корабельной улицы. Или Корабельного городка в просторечии, застроенного вразброд щитовыми домишками. Мишка Юрасов авторитетно сообщил, что там парочка снимает на дни увольнительных усатого кавалера комнату. Николай морщился, слушая Мишкину то ли правду, а может и выдумку: Юрасов в классе и вообще в школе — мрачный юморист. Или агностик, как его называла Людмила Евгеньевна.

Мишка поначалу обиделся, но когда Николай, предварительно заглянув в библиотеке в энциклопедию, разъяснил значение этого древнего греко-римского слова, тот даже возгордился таким прозвищем.

◆ Между тем, именно в сентябрьском окончании лета грядущих перемен калужский любовный флер воплотился-таки для Николая в первую юношескую любовь с долгой завязкой, настолько долгой, что до окончания школы и всеобщего разъезда одноклассников по стране она так и не успела перейти в нежную и желанную фазу. Опять же не сам Николай придумал такое элегантное определение, но Людмила Евгеньевна — правда, совсем по другому, литературному поводу...

Нина Глазьева, одноклассница Николая, уже с седьмого класса считалась самой умной и очень красивой девочкой, потом девушкой, в

школе. А со второго полугодия десятого класса по авторитетному мнению всех учителей — при воздерживающейся от высказывания своих мыслей на этот счет географички Валентины Георгиевны — Нина полагалась первым и единственным кандидатом в золотые медалистки всего выпуска следующего года, то есть двух одиннадцати и трех десятых классов!

Все дело в том, что Полярная средняя школа — ровесница самого Северного флота — была знаменита своими традициями, высокой квалификации учителей, сплошь окончивших пединституты и даже университеты в Ленинграде и Москве. Среди них в разное время имелись и кандидаты наук — все они, учительницы, последовали в Заполярье за своими мужьями, офицерами-моряками. И детьми, конечно. Сами школьники — старшеклассники и учителя — в частных разговорах именовали школу «нашей советской гимназией».

Потому-то руководство школы, да и сами учителя принципиально не гнались за показухой, не «вытягивали» сонмы медалистов. Хорошим тоном полагалась одна, редко — две золотые медали в выпуск и две-три серебряные.

Как и в старых царских гимназиях, имена золотых медалистов, начиная от выпускников тридцатых, предвоенных лет, выводили бронзиривкой на оформленной под гранитную плиту безоконной стене на лестничной площадке между первым и вторым этажами. Понятно — центральной школьной лестницы.

Что же касается особого мнения Валентины Георгиевны, то к нему в школе привыкли... опять же с даты основания учебного заведения и Се-

верного флота, ибо с того времени она и преподавала здесь географию, исключая военные годы, когда ее откомандировали, здесь же в Полярном, в картографическое управление флота. Правда, и само здание школы передали на это время в ведение флагманского госпиталя, не нужных для военных дел женщин с детьми эвакуировали на Большую землю. Небольшие учебные классы разместили в малоинтересном для немецких бомберов бревенчатом доме в Старом Полярном.

На свет Валентина Георгиевна появилась, как она сама нерадивым школьникам в воспитательных целях сообщала, в конце царствования императора Александра Третьего — миротворца, но не то что в самом конце, а в девяносто первом году прошлого века. До революции окончила географический факультет Санкт-Петербургского («Ныне Ленинградского», — обязательно добавляла) университета и успела до революции побывать в полярных экспедициях на островах Арктики.

Она не добавляла к этим словам, но все в школе знали, что в экспедициях этих ее начальником являлся одно время адмирал Колчак, тогда еще капитан первого ранга...

Много чем занималась по своей географической науке в послереволюционные годы, прежде чем осела в Полярном — явно подальше от своего «колчаковского» прошлого в смутные тридцатые годы.

Особое же мнение Валентины Георгиевны выражалось ею в краткой фразе: «Географию на «пять» знаю только я, а все ученики на «четыре» и преимущественно ниже». Самое интересное, ученики с ней соглашались, ибо сами заня-

тия и опросы Валентина Георгиевна строила так, что зубрежка не помогала, а от ученика требовалось знание предмета такое, что, отвечая на вопрос, например, о колонии Гоа в Индии, ученик должен был описать его так, как бы рассказывал о родном Полярном. То есть, мысленно закрыв глаза, представить сам город в трех измерениях и одновременно держа в зрительной памяти всю окрестность Кольского залива от Мурманска до полуострова Рыбачьего и острова Кильдина.

Сама директор школы Мария Ивановна, учителя, тем более родители, приди им в голову такая дикая мысль, понимали всю бесполезность «порадеть за человечка» перед Валентиной Георгиевной. Единственно на что она здесь шла — после долгих и обстоятельных бесед с директором и завучем — это поставить итоговую пятерку одной, редко — двум состоявшимся кандидатам в золотые медалисты. А получивших серебряную медаль так и характеризовала: «жертва географии». Они не обижались на нее.

◆ С Ниной разговаривалось легко и без напряжения, ибо она не обладала качеством обычного девчачьего кокетства. С другой стороны, на кого вот не была похожа, так на «синий чулок». Просто очень умная и красивая девушка-десятиклассница. Этим, пожалуй, все и сказано. Николай же засматриваться и разговаривать с ней активно начал еще в девятом классе, и сейчас, в начале одиннадцатого, он сознавал: его тянет к девушке нечто большее, чем обыденное школьное общение. А Нина, как уже почти взрослая женщина, это прекрасно понимала, но еще сомневалась: допускать ли встречные шаги? Опять же это не было обычным кокетством.

На последнем году обучения появилась новая дисциплина «Общая биология и физиология человека». Хорошо знакомая по старшим классам биологичка Тамара Эвальдовна на первом уроне высказалась в том смысле, что люди вы взрослые, в этом учебном году почти все станете совершеннолетними, так сказать, по паспорту. Поэтому к нашей новой дисциплине отнеситесь серьезно, по-взрослому, как к аналогичным курсам относятся студенты-первокурсники медицинских и биологических специальностей. Не хихикайте на уроках, так сказать, щекотливых тем. Вы не дети, самим жениться очень скоро пора подойдет!

На этой вольнолюбивой фразе Тамара Эвальдовна и завершила вводную, говоря по-военному. В качестве «щекотливой» она имела в виду физиологические отличия мужчины и женщины и все, что связано с размножением человека.

Поначалу слова «половой акт», «сперматозоид», «вагиналище» и «матка» ей приходилось вытягивать из наиболее стеснительных клещами, но вскоре пообвыклось. А Мишка Юрасов с мрачностью агностика даже самую Эвальдовну загонял в угол вопросами навроде: «А почему у женщин груди, то есть молочные железы, имеют столь различные размеры? Вот у...». Здесь Тамара Эвальдовна, поспешно перебивала: «Только без примеров! И вообще, в медицине и в биологии не принято, что называется, «показывать на себя»... на других тем более».

Но коль скоро вопрос был задан, то учительница и ответила на него — не для охальника Юрасова, а для класса. На свою красивую голову с модной прической она связала размер груди с родами и вообще с половым взрослени-

ем женщины и началом активной интимной жизни, на что Мишка, поочередно демонстративно окинув девочек взглядом, восхищенно покачал головой и что-то сказал на ухо соседу Карпу. Тот паскудново рассмеялся, на что Тамара Эвальдовна погрозила им обоим пальчиком: дескать, уймись...

◆ Во время этой перепалки с хорошо всеми понимаемым подтекстом Николай произвольно скосил взгляд на Нину, сидевшую за соседней партой через проход, покраснел; сердце, которое он ранее вовсе не замечал, явственно застучало. Конечно, в классе имелись и девушки более грудастые, как называли их за глаза Илья и Мишка, но у Нины в ладно пригнанной школьной форме всхолмия груди смотрелись одинаково изящно и притягивающее. Особенно на контрасте с ее постоянной соседкой по парте с седьмого класса Ленкой Алексашкиной — совсем миниатюрной, худощавой с еле угадываемыми рельефами...

Может так получилось, тем более что обе подружки проживали в соседних домах новой, пятиэтажной постройки, чередой которых начиналась сразу за Циркульным домом и поднималась на сопку со школой. Но могло ведь и по-другому: девушки и молодые женщины, даже самые умные, напропалую не кокетничающие, отменно воспитанные, все же остаются прежде всего верными своей природе и стараются, порой чисто инстинктивно, показать себя во всей красе на сравнении с менее удачным созданием природы. Так образуются пары подруг: графиня и дуэнья...

Несколько стыдясь себя, Николай послед-

ние две недели — вне всякой связи с только что случившейся пикировкой Мишки Юрасова с Эвальдовой по пикантному вопросу — поиному, нежели до того, поднимал глаза на Ни-ну. А случилось так, что на перемене несколько человек столпились у парты, где сидели Нико-лай с Сашкой Белозеровым: рассматривали за-мечательные политипажи* из староизданной книги о морских путешествиях, что Николай взял наемднн в дэкафовской библиотеке.

Николай разворачивал листы раритетной книги, стоявшие окружили парту, некоторые, как очень заинтересовавшаяся Нина, подперев ладо-нями подбородок, облокотились на столешницу парты. В какой-то момент Николай почувствовал на ладони, тыльной стороной придерживающей развернутые и уже просмотренные листы книги, округло-упругое, теплое, немного вздрагивающее. Это Нина, увлеченно рассматривавшая иллюст-рацию пиратской атаки на торговое судно, низко нагнулась, вытягивая голову, и невзначай опер-лась правой грудью на ладонь Николая.

Когда через долю секунды он сообразил, что произошло, что за трепещущая тяжесть лег-ла, как в форму-ложе, в его полусогнутую ла-донь левой руки, тело его пронзила ранее им неведомая сладостная судорога. В глазах потем-нело, голова невесомо закружилась. А ребята торопили: давай, Никол, листай дальше, сейчас звонок на урок! Но он ничего не мог сделать: уже Нина, так и не заметившая происшедшего, распрямилась перед партой, а он все не мог

* Распространенный вид полиграфического исполне-ния иллюстраций в книгах XIX — начала XX вв. с ори-гинала «под гравюру». — Прим. авт.

двинуть левой рукой, так и держа ее развернутой ладонью кверху...

Николай еще не знал — что такое любовь, но спустя некоторое время сообразил: если она и существует вне книжных и фильмовых романов, то обязательно включает в себя чувство души и чувство тела. Это явилось для него открытием, одновременно вдохновляющим, но... в то же время чуть огорчительным. Конечно, Николай не мог сразу понять, что невесомый калужский любовный флер, как предшественник высочайшего человеческого чувствования, покинул его, готовясь уступить законное место первой юношеской любви.

Роман с Ниной развивался весь одиннадцатый класс. Медленно, нежно, несуетливо, словно он и она боялись спугнуть наметившуюся приязнь. Да и занятость Николая по вечерам сдерживала юношеские порывы. Тем не менее, кино они смотрели в «Севере», где самое большое, что Николай мог пока позволить, — обнять Нину за плечи и короткий, невесомый поцелуй перед ее домом при прощании.

В электробудку она приходила, соблюдая нормы приличия воспитанной девушки, только с Леной-дуэньей под невинным предлогом: «А мы мимо проходили, вот и решили заглянуть, проверить нашего затворника...». Пару раз он и сам приглашал обеих на спектакли солидных столичных гастролеров, когда в оркестровой яме не восседали музыканты.

Предчувствуя скорое расставание, уже во время выпускных экзаменов Нина заходила домой к Николаю, но оба раза его не было там. Страсть настоящих любовных поцелуев в последние полярные дни так и осталась неутоленной...

Полярный 60-х годов, Екатерининская гавань; у пирсов подплава дизельные подводные лодки, на заднем плане — надводные корабли

Полярный 60-х годов; у пирсов минные тральщики и противолодочные корабли

ГЛАВА 14. ПРОЩАЙ, ДЭКАФ!

◆ Любовь любовью, но приближалось неуклонно время перехода в иную сферу жизни — взрослую, что для Николая означало прощание со школой, дэкафом, Полярным и вообще с Севером. Летняя «разведка боем» в Тулуповске в определенном смысле смягчила это предстоящее расставание, а калужский любовный флер и «недописанный» роман с Ниной раскрыли перед ним ранее не испытанные просторы для движения души и чувственности. Коротче говоря, Николай как-то легко вытеснил из головы все сомнения, касающиеся разного рода неудобств, тревожений и сожалений, обычно связываемых человеком с достаточно резким изменением своей жизни, ее образа, бытия и устремлений.

Кстати, из разговоров с Ильей, Витьком, Володькой Марьиным, само собой разумеется, с Ниной, другими одноклассниками он установил для себя многозначительный, интересный факт: все они, даже агностик Мишка Юрасов, верткий Карп, девушки «второго плана», то есть не очень приметные в классе и вообще в школе, — все несколько острее, даже и не на словах, готовились к расставанию со школой, нежели достаточно склонный к сентиментальности Николай. И одноклассники заметили это в нем, но совершенно справедливо связали не с толстокожестью, но с определенной раздвоенностью образа жизни, который отличал его от всех других. Быть может, в некоторой степени то же самое относилось к Лизе Радциг.

А умная, к тому же по-своему равнодушная к Николаю, Нина дала четкое определение: «Ты, Коля, опередил время на два года со своим дэкафом. Если у всех нас жизнь текущая делится пополам между школой и домом, что у тебя разтраивается: кроме дома и школы в ней активно присутствует работа. Отсюда: половинка больше трети, а утратить треть легче, чем половину. Не берусь судить: хорошо это, или не очень... Во всяком случае, плохого здесь ничего нет. Никто из ребят за это камня за пазухой на тебя не держит». Немного засмуцавшись, но скрывая это в нарочитом кокетстве, продолжила для ободрения Николая: «...Нет, есть и плохое: из-за своего дэкафа ты, мой дорогой, на треть меньше времени мне уделяешь!»

Николай, действительно, ободрился, попросив обнять шалунью. И хотя гуляли они после школы, извилисто продвигаясь к Нининому дому, минуя людные места, она запротестовала, призвав нарочито строгим голосом «сдерживать эмоции, даже идущие от души, на улице. Это не комильфо!» И снова поощрила: «А ведь ты, мой рыцарь, очень воспитанный, не правда ли? Жаль, что ты из-за меня сегодня не успеешь уже сходить домой, пообедать перед работой... Я бы тебя домой позвала и накормила, но неделю как московская бабуля приехала, а она после твоего визита станет с утра до вечера рассматривать свадебные наряды из маминого вороха «*Rigas modas*»^{*}! Так что до завтра, мой доро-

* Саамы популярный в СССР в 60—70-е гг. модный женский журнал с выкройками.— Прим. авт.

гой; надеюсь, не забыл, что у тебя выходной, и мы с тобой на радиостанции дежури́м?»

Николай, изловчив момент, все же сумел чмокнуть Нину в щечку. Та шутя погрозила пальчиком и, встряхнув своей ухоженной прической, направилась к своему подъезду.

На другой день, в воскресенье утром она принесла обернутый салфеткой кусок шоколадного торта: «Съешь, пока не растаял! Бабушка вчера учила мать и меня печь «Прагу». Думаю, маму учить поздно, а меня еще рано...».

◆ В прошедшем году, но не школьном, а астрономическом, вышел фильм Гайдая с новеллой «Наваждение». Эпизод с «профессором-лопухом» и незадачливым студентом, для которого экзамен — каждый раз праздник, стал тотчас притчей во языцех у одиннадцатиклассников-телеграфистов. По этой причине Николая вовсе не удивился, когда ему, что называется, «группа товарищей» (но не из Политбюро...) предложила взять под свою опеку, как хозяину подвала-мастерской, изготовление комплекта аппаратуры для связи с неуверенными экзаменующимися. Понятно, с учетом печального опыта гайдаевского киногероя.

Николай согласился на условиях: базовую радиостанцию УКВ-диапазона с направленной на школу антенной он полностью берет на себя. Тем более что и «вещать» предполагалось из этого же подвала-мастерской. Остальной коллектив соучастников должен сообща изготовить носимую радиостанцию с микрофонно-телефонной гарнитурой. Схему и описание конструкции он взял из журнала «Радио». Работа, по крайней мере, у Николая, закипела.

С особым удовольствием и тщанием он делал направленную антенну в виде сегмента параболы, то есть изогнутой решетки из специального антенного провода: стальная основа с покрытием из электролитической меди. Несущая стойка антенн крепилась в шарнирном гнезде подставки. Вращением стойки устанавливалось нужное направление излучения-приема антенны.

Собственно схема простейшей УКВ-радиостанции, взятая из «Радио», то есть апробированная, заработала сразу. Пару вечеров только провозился с настройкой контуров выходного каскада.— И дело в шляпе! Главное, чтобы во время испытаний нелегальную станцию не засекали полярнинские особисты, хотя здесь он особо не опасался: радиоловительский диапазон 144—146 мегагерц явно не входил в компетенцию их надзора. Инспекция же электросвязи находилась в Мурманске, а до него маломощный УКВ-сигнал не «добивал»...

Собственно, проверять работоспособность и не требовалась: достаточно было замерить сигнал в разных местах подвала и — для контроля — по этажам дэкафа с помощью простейшего индикатора из неоновой лампочки и полупроводникового диода. Его он давно спаял и уже два года как использовал для разных радиальных нужд.

Но затея переплунуть «лопуха-профессора» и любителя экзаменов-праздников не удалась. Не по вине Николая. Поручив делать носимую — на экзамены — радиостанцию размером со школьный пенал не конкретному человеку, а коллективу, еще не опытный в практической жизни Николай не учел золотого правила:

при всех достоинствах коллективизма за порученное дело всегда отвечает конкретный исполнитель! Главное, от дела отошли Витек и Илья. Первому гарантированно уготована серебряная медаль, а у второго карт-бланш в липецком институте...

И Николай скоро успокоился: он честно выполнил наиболее сложную и трудоемкую часть работы; ему же «радиоподсказка» и вовсе ни к чему, учитывая тот же карт-бланш в виде двухгодичного трудового стажа.

◆ В то воскресенье, когда Нина принесла ему на вахту в радиоклубе кусок бабушкиного торта, им очень повезло: по причине весенней погоды на смену им не явились Илья и Карп. Поэтому, вволю погулявши по эфиру, Николай и Нина, дождавшись Алексея Васильевича, вышли из школы ближе к условному вечеру. Условному — ибо в середине мая полярный день все увереннее вступал в свои права. С часок погуляв, расстались, как всегда, у заветного подъезда.

— Знаешь, Коль, а бабуся все же — я как сглазила — начала «разбирать мамину стопку» «*Rigas modas*».

Николай почему-то засмутился, но Нина рассмеялась:

— Да нет! Она мне выбирает наряд на выпускной.

Нина, дважды обернувшись и помахав рукой, вошла в подъезд, а он спустился к Циркульному дому, прошелся вдоль его дворовой, тыльной стороны. Проходя мимо подъезда, где квартира майора Старовойтова, а еще раньше — подполковника Зинченки, усмехнулся,

вспомнив историю с дверным звонком. Через центральную арку вышел на фасадную сторону, широкий тротуар которой опоясывал «циркуль» дома и по внешней стороне опоясывался такой же изогнутой балюстрадой из черного чугуна.

Уставив обо локтя на массивные перила балюстрады, задумался, глядя на панораму Екатерининской гавани, пирсы которой со стороны города в несколько рядов, корпусов, говоря по флотски, сплошь заставлены сверкающими под низким солнцем подлодками, плавбазами, различными боевыми и вспомогательными кораблями и катерами.

Опять же — в продолжении текущих размышлений — вспомнил бытующее, наверное, соответствующее истине, в городе мнение: в той же квартире до Сергея Архиповича проживал писатель Вениамин Каверин, автор знаменитых «Двух капитанов». Тогда Полярный являлся «столицей» Северного флота. Здесь же издавалась и флотская газета «На страже Заполярья», в которой работал писатель. Вот в этой же квартире он и писал своих «Капитанов».

Только здесь, в Полярном, и могло родиться это занимательное произведение. И писатель Юрий Герман жил в «Циркульном»... Географичка Валентина Георгиевна, по школьному прозвищу «подруга адмирала Колчака», увлекшись, могла весь урок рассказывать о том, что почти все знаменитые арктические экспедиции конца девятнадцатого — начала двадцатого веков начинались в их городе, от пирсов Екатерининской гавани.

Она же поясняла, что в школьной истории обычно указывают место отправления экспеди-

ций — Архангельск. Но это не так. Действительно, архангельские шхуны строились в окрестных Соломбалах, или фрахтовались у архангельских пароходств, комплектовались экипажами, загружались материалами и продовольствием, даже ездовыми собаками. Затем они выходили из Белого моря, огибали Терский берег Мурмана по Баренцеву морю и становились у пирсов Полярного, именовавшегося тогда Александровском, где доводили до ума такелаж, выбраковывали собак, а отчасти и экипаж, по телеграфу связывались со столицей и Архангельском, уточняли окончательный маршрут, выжидали нужную погоду — и отправлялись в неведомый путь. Нередко путь без возврата...

Николай прикрывал глаза в узкую щелочку — и мерещилось: вместо подлодок и надводных кораблей стоят у пирсов в тихом вечернем безветрии под низко стоящим солнцем шхуны с повисшими белыми парусами, готовясь на утреннем ветре отчалить от берега, обогнуть Екатерининский остров, выйдя из гавани справа — через Пирейму, или слева — через Палагубский выход, далее миновать столь памятные Николаю по маячному житью-бытью острова Большой Олений и Седловатый, оставив по левому борту остров Торос, где в войну служил отец, и, выйдя из Кольского залива в Баренцево море, оставив справа остров Кильдин, взять курс норд-норд-ост и отправиться в многолетнее плавание — открывать и наносить на географические карты арктические архипелаги и острова от Северной Земли до Врангеля. Так и каверинский капитан Татаринов на шху-

не «Святая Мария» отправился в свой последний путь — открывать Северную Землю...*

◆ Как всегда, стоя у балюстрады Циркульного дома, Николай подспудно ощущал некоторую пустоту. Уже без малого десять лет чувствовал он эту пустоту: не хватало величественного гранитного памятника Сталину, композиционно, как бы сказала по этому поводу Людмила Евгеньевна, завершавшего весь ансамбль Циркульного дома с широким тротуаром перед фасадом, балюстрадой на краю выложенной красным норвежским гранитом трехметровой высоты стеной, за которой следовал скальный спуск к пирсу.

...Кстати, о норвежском граните. Когда в ту запомнившуюся автобусную экскурсию по Москве, на въезде с Манежной площади на улицу Горького экскурсоводша обратила внимание на цоколь Главпочтамта — дескать, выложен из красного гранита, который был загодя приготовлен Гитлером для огромного монумента «Немецкий воин на Севере», то отец нагнул к уху Николая: «Не весь тот гранит в Москву для домов на Горького и высоток довели! Вывозили грузовыми транспортом из Северной Норвегии по Кольскому заливу до Мурманска, а далее по железной дороге. А хозчасть Северно-

* Автор настоящей книги является лауреатом Первого всероссийского и международного каверинского конкурса 2012-го года в почетной номинации «За верность Северу и Флоту». Конкурс проводили в ЗАТО (Закрытое административное территориальное образование) Александровск, включающее в себя города Полярный, Снежногорск и Гаджиево.— Прим. авт.

го флота малость его и «ущипнула» — для стенки под балюстрадой Циркульного дома».

Памятник Сталину, по преданию, стоял на том самом месте, где Вождь, прибывший с наркомом обороны Ворошиловым, сказал исторические слова, что лучшего места для главной базы нового Северного флота СССР и не сыскать... Эти же слова были выложены бронзовыми буквами на гранитной стене балюстрады под памятником.

Когда Николай учился еще в начальных классах, памятник ночью втихую снесли, а бронзовые его слова еще долго были заколочены досчатым щитом, грубо выкрашенным под цвет норвежского гранита...

Был он слишком мал, чтобы понимать смысл происшедшего с памятником. Однако подспудно понимал: ломать красиво сделанные предметы — не очень умное дело.

...И вот сейчас уже намного поумневший Николай, облокотившись на балюстрадный парапет у Циркульного дома и ощущая пустоту чуть слева, где стоял памятник, в который раз уже думал, думал... даже не о самом Сталине, определенное недоверие к которому поселили в его душе школьные уроки истории, кое-какие прочитанные книги, сколько о правомочности людей, облеченных властью, пытаться исправлять прошлое в истории. «История не терпит сослагательного наклонения», — с легким кавказским акцентом любила повторять на уроках этой самой истории Белла Нурьевна. И сменившая ее в десятом классе Татьяна Осиповна также советовала ученикам не судить сплеча о тех или иных событиях прошлого.

А ведь памятники — это и есть события прошлого? — Так полагал Николай: сносить памятники на улицах городов есть все одно, что и на кладбищах время от времени устраивать «расчистку». Скажете — глупость так о кладбищах говорить? Но чем не глупость так думать об исторических памятниках?

Да еще Татьяна Осиповна, рассказывая об общей культуре городов Европы, заметила: больше всего поражает обилие памятников всех эпох, что называется, от основания этих городов. Там ничего не сносят. Большинство в классе правильно поняли подтекст ее слов...

А теперь уже Николай раскрывал для себя этот подтекст. Немного он за предшествующую жизнь видел городов: собственно Полярный, Североморск, Мурманск. Экскурсия по Москве. Конечно, Калуга и города, увиденные из поездных окон. Более всего поражало почти полное отсутствие памятников, а для огромной Москвы их было явно маловато.

Получалось как в фильме о Чапаеве: белые пришли — грабют, красные пришли — снова грабют... Поставили памятники своей эпохе — пришла новая власть и по новой советской идеологии, а часто и по злонамеренной дури снесла их. Затем все повторяется. И того идиоты не поймут, что, сломай он памятник предшественнику — и о нем о самом памяти на земле не останется. Сбросил Никита Кукурузник Сталина со всех постаментов, а как самого Хрущева изустно «сбрасывали с пьедестала», так это он сам два года без малого назад слушал из оркестровой ямы кино-концертного зала дэкафа. «Не рой яму ближнему...».

◆ Уволившись из дэкафа, Николай занялся подготовкой к экзаменам. Светлой ночью не спалось даже после многочасового сидения за учебниками и утренних школьных уроков. Прощаясь с Полярным, он обходил все окрестности города, где не стояли патрули: «пехота» с автоматами, матросы — с карабинами и тесаками на ремнях. Очень жалел, что нет рядом Нины. Оно понятно, золотая медаль просто не дается — любая оплошность на экзаменах... Даже думать не хочется. Нет, Нина не зубрилка, оплошности не будет. Вот и Витек готовится к своей серебряной...

И радиоклуб закрыли на лето: Алексей Васильевич получил свой последний мичманский отпуск и уехал в Куйбышев, на родину. Расставаясь, точнее — прощаясь со своими подопечными, он выглядел несколько огорченным, что не в его характере бодряка:

— Ну-у, ребята вы мои, всего хорошего в жизни нам дано ровно в меру. Так в одночасье получилось, что все мы разбегаемся по городам и весям. Вы — поступать в институты. Надеюсь, на радиотехнические специальности. А я — в отпуск перед увольнением со службы, пришло время переходить к гражданской жизни. Вот и еду на родину устраивать ее. Так что в дальнейшем будем поддерживать связь в радиоэфире. Мне уже предложили возглавить тамошний областной радиоклуб. А вы, пока не обзаведетесь своими радиостанциями,* становитесь операторами коллективных станций в своих городах.

* По переезду в Тулуповск Николай таковой обзавелся и получил личный позывной *UАЗРУ*.— Прим. авт.

Конечно, более всего меня беспокоит наша родная *UAIKUZ*. И вы, актив ее, уезжаете, и я, как капитан, даже не последним схожу с ее борта... Дело даже не в этом. Класса телеграфистов в школе больше не будет — производственное обучение завершается на вас. А значит неоткуда братья и новым кадрам радиолюбителей-коротковолновиков. Те немногие из вас, что остаются в Полярном, некоторое время «протянут» дела радиоклуба. Но — теплится надежда и на лучшее. До встречи в эфире, орлы!

Подстать минору расставания с Алексеем Васильевичем и с радиоклубом, и дома у Николая большого повода для веселья не имелось. И именно сейчас, в самом начале экзаменационного июня: у отца открылась «заработанная» в войну язва, он весь этот месяц лежал после операции в полярнинской больнице. А семья Николая загодя готовилась к переезду в Тулуповск.

◆ Подготовку мать, оставшаяся в июне «на хозяйстве» семьи, начала с грядущей отправки Николая в Тулуповск. В начавшемся сезоне заполярных отпусков всегда заранее надо обзаводиться билетами на мурманские поезда, особенно отправляющиеся до Ленинграда, Москвы, Адлера, на Украину, в Крым и Поволжье. Хорошо в этом году в Полярном открылась касса предварительной продажи билетов от Мурманской железной дороги — не надо было ехать в областной центр и целый день толкаться на вокзале в гигантской очереди.

Вернувшись с улицы Фисановича, где разместилась предварительная касса, с билетом на московский поезд, мать сообщила Николаю, что в очереди случайно познакомилась с матерью

же Володьки Марьина: «Так что тебе не скучно будет ехать до Москвы, вместе со своим дружкой разместитесь сам-двое в отдельном, маленьком служебном купе. На обычные плацкарты все распродано до середины июля! Вот вам с ним и подфартило.

...Забегая вперед: действительно, в общем плацкартном вагоне они с Володькой единственные барствовали в отдельном купе о двух спальных полках. Но и это не все. Еще поезд не домчался до кольского Оленегорска, где жил с семьей старший брат Николая, как они с Володькой обнаружили в их вагоне Ларису, сестру-погодка своей одноклассницы Ленки Смекалкиной. Лариса получила аттестат уже в ранге десятиклассницы, а сейчас — с пересадкой в Москве — ехала к родне в Пензу: «Покупаюсь вволю в Суре со своими двоюродными сестрами, а к осени вернусь в Полярный, — рассказывала она, — в этом году поступать никуда не стану; в следующем отца переводят служить в Кронштадт, там и за ум возьмусь!» Красивая и веселая по характеру, она только спать уходила на свою плацкарту, а все остальное время проводила в их служебном купе. В ее очаровательно-благлупостной болтовне и карточном «дураке» долгий путь до столицы намного сократился во времени...

Кстати, сама Ленка Смекалкина в это время готовилась к экзаменам в гражданскую мурманскую мореходку. По дальнейшим слухам — поступила и со временем стала первым в Заполярье, а может и во всем мире, капитаном рыболовецкого сейнера. По словам Ларисы, в Тулуповске на одной из центральных улиц горо-

да — Первомайской — проживает еще одна их тетка с мужем и детьми, а они с Ленкой собираются в конце лета побывать у нее. Дала Николаю адрес и звала непременно в гости...

Но и это еще не все! Сойдя на перрон Ленинградского вокзала, распроставшись с Ларисой, которую встречала одна из ее бесчисленных кузин, на этот раз московская, Николай с Володькой у перронной вокзальной двери лоб-в-лоб столкнулись с адмиральшей Ямщиковой, матерью их одноклассника Сашки, и еще одной мамашей выпускной одноклассницы. Почему-то в руках они держали отпечатанные на пишмашинке листы форматной бумаги, а адмиральша еще и штемпельную — под печать — подушечку.

Сразу напугали знакомого им Николая, что-де школьные характеристики всем им выдали не по форме составленные, их в институты московские брать отказываются. Вот они их и перепечатали по всей форме, созвонились с директором Марией Ивановной, которая прибыла этим же мурманским поездом, прихватив школьную печать, благо она в Полярном на время ее отпуска не нужна. Ждать директоршу Николай с Володькой не стали, расставшись с заботливыми родительницами.

Добрались до Курского вокзала, где и распрощались: Николай пошел искать электричку до Тулуповска, а Володька — на курский поезд: съездить на родительскую родину, отдохнуть перед началом трудовой деятельности на шестом судремзаводе в Полярном и скорой службой во флоте.

◆ Николай сдал все экзамены на «отлично», но в аттестат оценка ставилась по среднему

предметному баллу, да он и не претендовал на медаль. Зато из пяти грамот лучшему ученику выпуска, то есть всех десяти и одиннадцати-классников, числом более ста, он получил сразу две: по химии и иностранному языку. Морально Николай был удовлетворен.

Выпускной вечер, или бал, как его именовали выпускницы царских гимназий физичка Софья Федоровна и «подруга адмирала Колчака» Валентина Георгиевна, по устоявшейся традиции проводили в танцевальном зале дэкафа. Впервые за последние два года Николай был здесь *гостем*.

Заставленный столами с белоснежными скатертями, состыкованными «покоем», с шампанским — в городе совсем недавнего полного «сухого» закона — и всевозможной снедью большой зал заполнился после официальной части в другом зале — зрительном. Всевозможные поздравления, тосты, легкий шум в голове — таким запомнился Николаю выпускной.

Но легкий шум смешал в его памяти все подробности такого знаменательного, на всю жизнь, события, а досаднейший случай, настолько досадный, что только и может произойти в самое не подходящее для этого время. И именно с Ниной, единственной золотой медалисткой большого, сдвоенного выпуска.

Как и положено, Мария Ивановна в пару с заведующим гороно первой вручили аттестат Нине, второму — Витьку. Далее все шли, независимо от успеваемости, на равных — по алфавиту. Кроме получения аттестата Николай выходил на сцену еще раз, за своими двумя грамотами, «предметными условными медаля-

ми», как уважительно-шутливо назвала их директорша.

Когда, помахивая зелеными корочками аттестатов, выпускники через все три двери, гомоня, вышли в танцзал и шумно задвигали стульями, усаживаясь за сдвинутые столы, Николай не обнаружил Нину и Витька. А ребята уже полупшепотом передавали друг другу новость неприятного характера: получив первой свой аттестат с медалью впридачу, Нина, уже вернувшись на свое место, рассмотрела его и, как ни была счастливо взволнована, сразу заметила некую описку в нем, делающую аттестат недействительным.

После окончания торжественной части Нина, не стараясь сдерживать слезы, даже слегка опираясь согнутым локтем на руку Витька, подошла к Марии Ивановне. Она и завгороно, о чем-то коротко переговорив, стали успокаивать ее, дескать, в течение одного-двух дней гороно вытребует из Североморска запасной бланк «золотого» аттестата и оформит его заново. Все равно, сев на свое место за столом, Нина не сразу успокоилась.

Танцевать школьный вальс все вышли на летнюю веранду — справа под фасадом дэкафа.

Через два часа танцев музыка смолкла, стояла светлая ночь. Еще некоторое время группками сидели на скамейках и перилах танцплощадки, тихо разговаривая. В третьем часу ночи стали расходиться. Еще раньше, попрощавшись, все еще переживая, ушла Нина. Вот и Витек поднялся, махнул рукой, негромко сказал:

— Надеюсь на встречу!

1 сентября — 31 декабря 2012, Тула

Современный Полярный

Современный Полярный

СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖКА

(Северная повесть)

◆ В наше волчье время люди общаются друг с другом преимущественно через прилавок частного магазинчика, через тюремную решетку, а то и через автоматный прицел. Потеряна веками воспитанная, а в советское время, особенно в 60—70-е годы, доведенная до благолепного совершенства, культура общения. Остатки этой самой культуры сейчас успешно добывает монстр телевидения, а у подрастающего поколения и надежд никаких уже нет: наркотики и последнее изобретение дьявола — интернетовская сеть отобрали у нас и у мира детей, поместив их сызмальства в легко управляемую и контролируемую службой Антихриста виртуальную реальность. Поэтому поколения, чей возраст перевалил за средний (по советским, конечно, меркам, ибо по нынешним этот возраст относится — молитвами отечественных и зарубежных радетелей — едва ли не к студентам-старшекурсникам...), которых каким-то чудом не сумела затянуть в свои цепкие лапки-царапки современная торгово-воровская жизнь, очень дорожат только им и оставленной привилегией человеческого общения, как и встарь: в тесных, но таких уютных кухоньках сам-друг, да под бутылочку акцизной, да под селедочку-лучок, яишенку с салом, сгношенную доброжелательной хозяйкой, а по табельным дням — за небогато, но душевно накрытым столом в небольшой, десятилетиями не меняющей своего состава компании.

А чтобы женщины, без которых, как ни крути, не обойдешься в домашней обстановке, и которые не имеют своего царя в голове, а потому и скоро — даже умнейшие и мудрейшие из ихнего полу — перестраивающиеся на новый,

пусть и поганый, стиль жизни... так вот, чтобы эти заботливые о нас и очаровательные существа не вздумали включить телеящик с нагло-кривыми, отягченными всеми пороками, рожами телеведущих и хозяев новой жизни, предусмотрительный хозяин заблаговременно выдергивает и прячет сетевой провод со штепселем. Как тот дурдомовский врач Моргулис из песенки Высоцкого...

*«Эй, трактирщик-старина?
Дай-ка доброго вина
И крамбамбули стакан.
Доннер-веттер! Кто не пьян?»*

Это песенка немецких студентов-буршей из прошлых веков, а крамбамбули — сорт крепкого ликера. А услышали ее как-то раз гости от разошедшегося хозяина, Николая Андреевича, великого книгочая, а потому многое помнившего и знавшего.

Услышали и призадумались: а что? Неужели и «забугорники» тоже когда-то общались в дружеских компаниях? Когда же они свой бизнес-торговлю успевали вершить?

Бедные, бедные люди, даже вы, выросшие и вкусившие в зрелые годы все величие и благодушие эпохи расцвета Советской Империи, успели позабыть, что в жизни человека есть нечто большее, нежели вышибание копейки, которую с собой в мир иной не возьмешь, а в наследство оставить — значит сделать рабом этой копейки детей-внуков...

Были, были времена иные: не только у нас, но и в насквозь практичной Неметчине...

◆ Николай Андреевич — мой давниш-

ний друг-приятель и коллега по работе в одном из тех немногих в городе НИИ, что уцелел в период грабежа-приватизации, акционирования-разрушения и теперь еще достаточно успешно боролся за свое существование. Во всяком случае, как и двадцать лет тому назад, рисовали мы с ним, находясь в соседних комнатах, ракеты: он — переднюю часть с «начинкой», а я — заднюю с движком.

Надо заметить, что еще пять-шесть лет тому назад в третьей комнате нашего отдела — по коридору напротив и наискосок, рядом с кабинетом одного из замов главного инженера — трудился третий наш неперемный компаньон Серега Зябликов. Он рисовал наиболее ответственную часть ракеты — ее оболочку. Когда народ, вдохновленный верховным призывом грабить накопленное и созданное за семьдесят лет советской власти, со стахановским энтузиазмом принялся за святое это дело, Серега, фотография которого не сходила со стенда «Лучшие изобретатели», публично заявил, что жить под властью хама-торгаша и воровского банкира, а тем паче работать на него, он не намерен, ибо прадед его имел, как и отец Владимира Ильича, чин действительного статского советника, то есть, согласно уложениям законов Российской Империи, он является потомственным дворянином, а потому заключает сам с собою пари: если народ в массе своей не прозреет и трижды проголосует за буржуазную власть, то значит, что народ заслуживает, чтобы его грабили и преждевременно сводили в могилу.

Пари он сам у себя и выиграл. Как только дорвавшийся до свободы народ в третий — по-

сле заявления Сереги — раз подряд поддержал демократию и частную собственность, бывший лучший изобретатель уволился и ушел в стихию частного предпринимательства. Собственно говоря, успешно предпринимать ему не позволяла ненависть к хамам и торгашам, верность заветам бесклассового общества, но он удачно встроился с совершенно мизерным взносом — в виде семейных бумажек-ваучеров — в организованный его знакомым кооператив. Кооператив же не менее удачно пристроился к распродаже металлических неликвидов одного акционированного завода. Запасы последних оказались столь гигантскими, что уже пять лет Серега получает приличные дивиденды, все время проводит в своей квартире на окраине города, перечитывает русскую классику, а через два дня на третий пьет водку и философствует по телефону со мной и Николаем Андреевичем. В последние два года, когда его дивиденды заметно увеличились, даже за водкой перестал из дома выходить, чтобы не видеть хамских рож; водку и закуску ему на дом в любое время суток по звонку привозит действующая в городе частная служба доставки. Как он говорит, даже фамилии и адреса своего не называет. Только набирает простой в запоминании номер, а оттуда уже ласковый голос диспетчерши: «Здравствуйте, Сергей Николаевич! Сегодня как обычно? Вот что-то кушаете вы плохо, а у нас настоящий тамбовский окорок завезли и свежую копченую семгу...»

А недавно, очевидно в порядке черного юмора, разбудили его среди ночи и поздравили: он-де сделал накануне им юбилейный, тысячный

за время существования фирмы — заказ. Поинтересовались: привезти ли сейчас приз: бутылку настоящей смирновской и закусочный набор?

Мы с Николаем Андреевичем Серегу уважаем за четко означенную и выдерживаемую гражданскую позицию. Корпус же ракеты вместо него рисует менее удачливый инженер, который вложил семейные ваучеры в местный гигант металлургии. Гигант прибрали к рукам американцы, и теперь раз в год его жена ездит на другой конец города, получает дивиденды, добавляет к ним три рубля и покупает пачку стирального порошка.

◆ Надо сказать, что все застолья Николая Андреевича начинались не водкой под грибки или под селедочку в горчичном соусе, как то повсеместно принято. Исключение делалось только в новогоднюю ночь и на день рождения супруги: здесь поднимались традиционные шампанские бокалы. А в рядовых дружеских пирушках, тем более — беседах за кухонным столиком, все начиналось по-купечески: сначала до пота, до красноты лиц пился чай хорошей заварки, с лимоном, с каплей-другой коньяка, но — без всяких сладостей-пирожков, печений и прочей кулинарии, чем женщины таинство чаепития сводят к обычной жрачке, от которой, кстати говоря, они же и неумеренно и раньше времени толстеют. Конечно, чрезмерная худоба не красит семейную женщину, но все же до сорока лет она должна держать себя в таком теле, чтобы муж ее, особенно подвыпив, начинал слегка ревновать супругу к молодцеватым гостям...

Обычай же, кстати, для здоровья очень по-

лезный, начинать чаем обед или ужин, особенно с вином и тяжелыми блюдами-закусками, Николай Андреевич объяснял наследственностью, в частности, — наглядным примером своего отца, который, будучи на пенсии, пил чай от зари до зари и даже ночью, в бессонницу, благо сон он разделял равномерно по времени суток, где ночные и дневные часы были полностью уравнены в правах. Андреев Матвеевич четверть века прослужил во флоте, где понятий дня и ночи нет, а есть вахты и склянки. Даже настенные часы в рубках кораблей и береговых кают-казармах имеют специальную нумерацию: не от нуля до двенадцати часов, как мы все привыкли, а от нуля до двадцати четырех: восемь вахт по три часа, две полусуточных или одна суточная. Специальные такие часы выпускает (или выпускал?) петродворецкий завод военных хронометров по заказу Минобороны.

Так вот, обычная картина субботнего раннего зимнего вечера. С утра мы с Андреевичем (время — советское!) до полудни в своем НИИ ракету рисовали — обычная предновогодняя штурмовщина: последние две недели уходящего года и работы в цехах опытного производства куют, и инженерный корпус ватман переводит. А выйдя за ворота, ради близкого праздника для отправились стричься в парикмахерскую. После нее сам бог велел заглянуть в парковую «стекляшку», выпить по стаканчику портвешку ординарного розлива, слегка, чтобы не портить аппетит, закусить, потом погулять по чисто подметенным аллеям заснеженного парка среди снующих лыжников. Нагуляв аппетит до бунта желудочного сока, в сизом морозном сумраке,

потирая защеппавшие уши, идем к Николаю Андреяновичу — он рядом с парком живет. В ближнем магазине прихватываем бутылочку «старки». Она для здоровья оч-чень полезна!

К нашему приходу хозяйка дома, хорошо знающая субботнее расписание, уже заварила литровый фарфоровый чайник, и щедро насыпанный из пачки со слоником чай настаивается до багряной красноты под ватинным сарафаном кукольной купчихи. Пока весьма интересная для своих лет супруга Андреяныча жарит на сале загодя почищенную картошку и разогревает домашней фабрикации котлеты (закуска же набирается морозного оптимизма в холодильнике), мы сам-друг, уместившись на той же кухне, в противоположность закуске отходим багровыми щеками от уличного холода пятыми стаканами не менее багрового чая. Супруга все норовит поставить «старку» в холодильник, а Андреяныч сердится: «Сколько же можно учить! «Старка» — это настойка, не водка, а в холодном виде настойка теряет свой вкус...»

Николаю Андреяновичу не только традиция чаепития от родителя досталась, но и само ее оформление. Кое-кто вот посмеивается над китайцами-японцами за их чайные церемонии, а зря. Сам становишься таким русским японцем (Ради бога, не подумайте, что это про известную нашу демократическую деятельницу касаемо...), хоть раз отведав чаю в компании с моим приятелем: стаканы у него тонкого стекла с золотым ободком, хотя и пьют из них уже третий десяток лет. Про подстаканники и говорить нечего: настоящая скань, металлическое кружево из мельхиора, музейное произведение искусства.

Кроме как у Николая Андреевича, я такие видал только на больших коробках подарочного краснодарского чая изображенными. А в глубоком детстве — в поездах чай в таких подстаканниках проводники разносили. Да видно все разнесли... уже с 60-х годов их заменила аляповатая алюминиевая штамповка с мутно-выдавленным рисунком.

И ложки чайные особенные, серебряные, с затейливыми узорами, а у хозяина и того примечательнее: старинного серебра, с эмалевыми (как на ордене Красной Звезды) овальными вставками на черенке, с затейливой гравированной монограммой «А. Е. Ш.». Но, как это ни странно, эта замечательная ложка сердит хозяина. И когда «старка» выпита, тянет в сон, энтузиазм приятельской беседы иссякает, пьется последний стакан завершающей заварки чая, Андреевич с легким раздражением высказывает свое неудовольствие ложкой: «Черт-те что, уже двадцать лет ею пользуюсь, а все привыкнуть не могу! Случайная в доме вещь, опять же инициалы эти... напоминают, что чужая это вещь: как украл все равно! Кто ею раньше владел? — Может графиня Агнесса Евграфовна Шереметьева, а скорее всего провинциальный зубной врач Шустерман Абрам Ефимович... Нет, не могу привыкнуть и все тут!»

Я-то в курсе всех этих неудовольствий, мне и объяснять ничего не надо, а более далеким от семейных тонкостей гостям супруга Николая Андреевича, когда тот отлучится на время от праздничного стола, поясняет: «Переживает, что отцовскую серебряную ложку в наследство (ха-ха, наследство...) не получил».

◆ Андреевна звали на посту в глаза и за глаза Матвейчем. Не только свои матросы, то есть его подчиненные, но и часто заезжавшие на катере офицеры из начсостава *СНИС'а** и политотдела. Действительно, по своему возрасту — недавно двадцать шесть стукнуло ровеснику Октябрю, да невысокому старшинскому званию он смотрелся дедом среди команды возглавляемого им поста. Оно и понятно, сам он был из кадровых, служил с тридцать шестого, свое срочное выслужил, ан к демобилизации Финская кампания подоспела, а поскольку Северный флот считался в той войне действующим, то и *ДМБ*** отменили, а после Финской и вовсе такое понятие исчезло. Так и потянулось, а конца войне не видно было...

Матросы же в его команде — сплошной молодняк-салаги первых военных лет призыва, кроме Асатурьяна, имевшего великое воинское звание старшего матроса, тоже кадрового тридцать девятого года призыва, да слегка охромевшего на левую ногу во время службы. Демобилизовать, конечно, не демобилизовали, но и на Сталинградский фронт, куда осенью сорок второго всех мало-мальски свободных от боевых дел мореманов подбирали, оказался негоден. А в *СНИС'е* — самое место, не в атаку бегать с хромою ногой; даже в бомбоубежище не нужно утруждаться: запрещено уставом боевой наблюдательный пост покидать.

А сам Андреев в *СНИС'е* оказался по причине своей фамилии: сколько ему в течение

* Служба наблюдения и связи (военн.)

** Демобилизация, принятое на флоте сокращение.

жизни пришлось фигурировать в различных списках, везде он был замыкающим, левофланговым, хотя в строю обычно присутствовал по причине высокого роста как раз на правом фланге! Их опекун из политотдела береговой службы майор Шулейко, как-то будучи в добром расположении духа, сказал Андреяну, что специально интересовался в общесписочном составе Северного флота: там Андреян предпоследним и то потому, что список замыкала его однофамилица, женщина-военврач...

Служба — дело регламентированное, здесь людей, если ты не командир достаточно высокого ранга, считают по головам, а упорядочивают по спискам личного состава. И распределяют вновь прибывших по частям и по роду воинских занятий тоже по алфавиту. А так как в перечне последних поначалу следуют геройские военные профессии, а во флоте это подводники, будущие экипажи крейсеров и эсминцев, катерники-смертники и так далее по нисходящей, то завершающие алфавитный список и попадают в лучшем случае на каботажные вспомогательные посудины буксирного образца, а то и вовсе в береговые команды: тот же СНИС, штабные радисты и порученцы, комендатура, особисты. В мирное время это задевает честолюбие воина в тельняшке, а в военное — сам себя стыдясь — порой и поблагодарит воин судьбу и отца своего за фамилию... Дело житейское, понятное, даже черномундирный майор Шулейко не попрекнет.

Так вот и с Андреем: в обоих учебных отрядах — в Кронштадте и на Соловках — с концом списков в связисты попадал, а по прибытии в Полярный в СНИС. Правда, Шулей-

ко, тогда еще старший лейтенант, восхитившись его анкетой — с малолетства крестьянский сирота, среднее образование и техникум закончил, на ударной стройке пятилетки Волховстрое успел поработать, дядька капитан НКВД, — пробовал его в особисты записать, однако на непродолжительное условие («Чтобы через год заявление в партию!») Андреян не согласился, ссылаясь на молодость и неподготовленность к столь ответственному шагу. На самом же деле, будучи происхождением из калужских старообрядцев-поповцев, в крови унаследовал он неприязнь к участию в делах, пусть и правильных, нужных стране, но постоянно, днем и ночью подконтрольных начальству.

Шулейко же не оставлял раз запавшей в его упрямую хохлацкую голову мысли: уже и в капитанском, а потом и в майорском званиях при каждой встрече с Андреем набивался даже с личной рекомендацией в партию. А от постоянного неуспеха в этом деле, пакостил, как мог. Оттого-то Андреев, кадровик 36-го года призыва, участник уже второй войны, специалист высокого класса, со средним специальным образованием, был и оставался всего-навсего старшиной 2-ой статьи, хотя и командовал очень ответственным постом прямо на входе в Кольский залив, куда был назначен в самом начале войны, как кадровый старослужащий.

Андреев, опять же по наследственной старообрядческой нестяжательности, мало беспокоился своим скромным воинским званием, однако история с крейсером «Эдинбург» и его задела очень даже чувствительно.

◆ Несмотря на малое свое звание и незаметную береговую должность, когда всей стране были известны имена североморцев Сафонова, Гаджиева, Лунина, Фисановича, матроса Сивко, героев-катерников, Андреян не был бесконечно малой песчинкой. А многие события войны на Севере, о которых впоследствии сын его Николай узнавал из школьных уроков истории, так или иначе касались отца, который и комментировал их по-своему, приняв «для разговору» пару-тройку рюмок в табельный день.

Это не удивительно, ведь флот — не безликая и многомиллионная серая масса (по окрасу шинелей) пехоты на полях Великой войны. Во-первых, Северный флот фактически был единственным активно действующим в течение всей войны; во-вторых, пост Андреяна располагался в узловом месте — на крутобоком острове Тóрос (от слова «торóс» — глыба льда, что соответствовало скалистой его форме) на самой границе Кольского залива и Баренцева моря. А в-третьих... сама организация флота есть единый, компактный механизм, где каждый человек — от только что призванного салаги до адмирала — есть недублируемая частичка этого слаженного механизма. А если учесть своего рода обжитость мест базирования — это не кочующие сухопутные армии и фронты — и относительное постоянство состава — гибнут, конечно, единицами на берегу, экипажами на море, но ведь не ротами и эскадрами зараз! — то за два-три года войны, как жители районного города, все друг друга знают, а командующий и его штаб, звоня на отдельный пост за добрую сотню миль, без затруднений называют фами-

лию того же малочинного Андреяна... И на заслуженные награды часто сам адмирал списки составляет, если только не подвернется бдительный и долгопамятный Шулейко и иже с ним.

◆ Про крейсер «Эдинбург», вывозивший через Мурманск советское золото — в оплату за союзнические ленд-лизские поставки, из которых Андреян почему-то запомнил только «второй фронт» и хеопсовы пирамиды мешков с какао-бобами на Мурманском причале, — много чего в послевоенные годы понаписано. Но когда «Эдинбург» выходил из Мурманска, шел по заливу и далее в море, вряд ли кто, кроме комфлота, знал о его содержимом. Поэтому когда Андреян взял телефонную трубку и услышал голос адъютанта: «Сейчас с тобой командующий будет говорить», — то был нимало удивлен.

— Слушай — он назвал Андреяна по фамилии — у тебя туман не спадает?

— Нет, товарищ адмирал, со вчерашнего вечера видимость нулевая.

— Вот что... тут один английский крейсер затерялся; он идет без радиосвязи и без звукового оповещения. Акустики его тоже не слышат, значит, встал в тумане. По всем прикидкам на выходе из залива. Усиль наблюдение, а в случае чего звони прямо в штаб.

Стоял полдень, но по всему было видно, что туман установился не на сутки и не на двое. Стояла полная тишина: ни ветра, ни шума немецких бомбардировщиков — на Мурманск, и у люфтваффе по поводу тумана выходной. Только редкие гудки маяков в заливе.

Прошла пара часов, ничто не выдавало возможное присутствие где-то рядом боль-

шого корабля. Захотелось есть, глаза слезились от едкого туманного холода, усугубляемого постоянно прижатыми окулярами бинокля. Позвонил по внутреннему и вызвал на мостик самого опытного — Асатурьяна, сам же спустился в жилую часть поста, зашел на камбуз, где никого не было — уже команда пообедала, и кок Гриша ушел. Дежурный бачок со щами стоял на малом огне плиты. Налил миску горячих щей. Сел за стол. Однако решил подождать, пока щи поостынут. Так советовал военврач в госпитале в Полярном, где год назад он провел пару недель: язва объявилась.

Аппетит разыгрался не на шутку, и Андреян неотрывно смотрел на миску, пар из которой все не утихал и наводил на какие-то неясные мысли, вовсе далекие от еды. Внимательно приглядевшись к пару, Андреян наклонил голову вбок, так что глаза оказались на одном уровне с краями миски, а щей он не пожалел, налил ровень с краями. И здесь-то его осенила мысль, сделавшая его имя на некоторый срок известной самому высокому флотскому начальству...

Однако, война войной, а чего щам пропадать? Не торопясь, опять же как советовал старый и опытный врач-подполковник, Андреян закусил и гречневой кашей с тушенкой, только после этого надел бушлат, шапку и вышел на воздух. Даже не заходя в кубрик к команде.

Выбирая дорогу скорее ногами, так как все равно в двух метрах ничего не разберешь, он нащупал тропинку единственно имевшегося на острове некрутого спуска к воде, и вскоре под ногами шелестела береговая галька. Дошел до края отмели — был час отлива — выбрал место

почище, посуше и, как в физкультурном упражнении на отжатия, прилег на носки и ладони, повернув голову в сторону воды, почти вровень глазами с ее зеркалом.

Действительно, как он и ожидал, над поверхностью воды простирался высотой в полметра участок чистой и полной видимости, а поведя глазами туда-сюда, на расстоянии не более пяти-шести кабельтовых он увидел и длинную черную полосу борта корабля, по размерам вполне соответствовавшего крейсера, только почему-то черного цвета (?).

Быстро взбежал на горку, поднялся на мостик, не замечая прильнувшего к биноклю Асатурьяна, вошел в остекленную рубку и набрал штабной номер, доложил дежурному офицеру. Тот уточнил: «Окраска бортов черная?» — и получил подтверждение, после чего дал отбой связи.

Однако не успел Андреян рассказать Асатурьяну о связи горячих щей с английским крейсером, как раздался телефонный звонок. У трубки, минуя адъютанта, был сам командующий. Еще раз выслушав доклад, он поинтересовался: откуда, дескать, старшине известно про такое свойство тумана? Про щей Андреян говорить не стал, сослался на прилежное изучение физики в школе и техникуме. «Хорошо тебя учили в школе, — рассмеялся командующий, — готовь дырку на форменке под Красную Звезду!» И тоже дал отбой.

Однако прибывший через пару недель на катере майор Шулейко, построив команду и зачитав благодарность командования за исправную службу, вызвал из строя Андреяна и тор-

жественно вручил ему... медаль «За боевые заслуги», причем даже без номера на реверсе.

Сопровождая вручение награды краткой, но прочувствованной речью, майор Шулейко призывал краснофлотцев быть такими же усердными и сметливыми в службе, «как ваш боевой товарищ и командир, который, хотя и не является членом Ленинской партии, но не сдаст...» и так далее. Услышав непонятный шумок на левом фланге, где стояла англо-американская команда, майор чуть повысил голос: «Это же относится и к нашим доблестным союзникам!» После чего ядовито заулыбался весь строй, а хорошо понимавший по-русски матрос-переводчик Джеймс Лэнг закашлялся, глуша разбиравший его смех.

◆ На этом история с «Эдинбургом» не закончилась, а имела и ближнее продолжение, и весьма отдаленное, а потому и туманное, до конца невыясненное.

Надо сказать, что из всех союзников, несших параллельные вахты на посту, а их сменилось множество — англичан, американцев, австралийцев, канадцев, даже новозеландец один был, — Андреян более всех сдружился с Джеймсом Лэнгом. Он по-русски говорил не хуже его самого, только характерный акцент выдавал иностранца, но с тем же американцем его ни за что спутать было нельзя; был Джеймс породистым англичанином, филологом, окончившим Оксфорд; у них в войну высшее образование вовсе не означало офицерский чин. В мирной жизни преподавал в колледже, работал над диссертацией по славистике, жил в собственном доме в пригороде Лондона, да еще в Ливерпуле квартира была — жена в балетной труппе та-

мошного театра танцевала. Впрочем, это он о себе в прошедшем времени говорил, там, в Англии, все оставалось по-прежнему: и дом стоял, обихаживаемый семейной парой прислуги, и жена на ливерпульской сцене выступала, а вот Джеймс в матросской форме нес службу на небольшом островке Торос, на который, пролетая ежедневно бомбить Мурманск, обязательно немцы сбрасывали пару-тройку бомб, ибо был их пост в горле залива как бельмо для офицеров.

Андреян, хотя и окончил всего-навсего техникум молочной промышленности в Калужской области — по комсомольской разрядке, но человек был начитанный, самообразованный, думающий и любитель поговорить о высоких материях: сказывалась старообрядческая наследственность.

Джеймсу тоже нужен был собеседник в долгие полярные ночи. Андреян же выделил англичанина с первого дня пребывания самой первой команды союзников, прибывшей на Торос одновременно с приходом в Мурманск первого же из ленд-лизских караванов «PQ». День был ясный, поэтому немцы по расписанию летели с норвежских аэродромов бомбить Мурманск. Летели кучно, неторопливо, как они летали первые два года войны, огибая редкие зенитные батареи, а наших самолетов в воздухе до сорок третьего года и вовсе не было видно...

Увидев первые эскадрильи, союзные матросы дружно устремились в выдолбленное в скалах бомбоубежище. Через полчаса они вновь появились на мостике поста, где Андреян с Асатурьяном продолжили с ними беседу-инструкцию по несению боевых вахт. В конце инст-

руктажа переводивший беседу Джеймс поинтересовался, оставшись наедине, у старшины: почему русские матросы не спускались в бомбоубежище? «А пост покидать нельзя, за это трибунал», — бесхитростно пояснил Андреян.

— Но ведь бомбят? Я слышал несколько разрывов большой силы!

— Что поделаешь. Пока что прямых попаданий не было, островок крутой, бомбы в основном по боковинам лупят, рыбу глушат. Сейчас салаги пойдут на берег треску для камбуза собирать...

Еще через полчаса немцы полетели в обратную сторону, на мостике замигал синий фонарь тревоги, но Джеймс с мостика не ушел. На другой день, тоже на редкость ясный и безоблачный, немцы шли на бомбежку точно по графику. На этот раз все трое англичан остались на мостике, в бомбоубежище спустились только янки; это они делали до конца войны.

◆ Вскоре после случая с черным английским крейсером, Джеймса перевели с поста в ленд-лизинговое представительство, а встретились они случайно в конце зимы сорок четвертого в Мурманске. Андреян с двумя матросами прибыл с утра на политотдельском катере в Мурманск — получить для своего поста тяжелый пулемет «Кольт» из американских поставок, стереотрубу, бинокли и кое-что по хозяйственной части. Обратный катер ожидался только наутро, поэтому, оставив на комендантском пирсе в караульном помещении матросов с карабинами при ящиках с добром, сам он отправился побродить по Мурманску, точнее, по тому, что осталось от него после трех лет немецких бом-

бежек. Однако районы у причалов, судоремонтного завода уже начали застраиваться бараками и скороспелыми служебными зданиями. На улицах, тоже скороспелых, даже под вечер было многолюдно, слышалась английская речь, даже женский смех; закат войны ощущался именно по женскому смеху...

Здесь-то он и встретил Джеймса, уже лейтенанта в щегольской форме. Как тут же выяснилось, Джеймс также был свободен на весь вечер. Надо было выпить, поговорить, но где? Это ведь не Торос, где нет начальства, а кок Гриша даже из сушеной картошки, тушенки и сухого молока мог приготовить на закуску нечто очень даже похожее — особенно по вкусу — на жареную картошку с мясом и яичницу с салом.

В единственную в городе столовую с подачей пива, открытую специально для союзных моряков, вход Андреяну был закрыт. Также и в комендантскую караулку на пирсе Джеймса не пустят. А где взять выпить? — Однако этот-то вопрос решился тотчас; Джеймс попросил подождать его чуток, сбегал в стоявшую рядом свою миссию и вернулся оттуда с оттопыренными карманами шинели и свертком под мышкой.

Ломая голову, они остановились перед бараком, дальше узкую улочку перегораживала гора свежесваленного угля. Отворилась барачная дверь, вышел пожилой мужик в ватнике, сапогах, с ведром — и пошел в сторону угольной кучи.

— Отец, выпить нам надо, не пустишь?

— А в чем дело-то, заходи, дверь открыта, кухня направо, а я сейчас, угольку вот прихватчу...

Через пять минут Андреян с Джеймсом, раздевшись до тельняшек, сидели за столом на топленной до банной духоты кухни. На столе пузырилась литровая бутылка виски, хозяин раскладывал по тарелкам принесенную Джеймсом закуску: уже порезанную ветчину, консервированную колбасу и копченого лосося, порезал белую булку.

Выпив за знакомство полстакана виски, хозяин деликатно удалился в свою комнату, заверив, что мешать им никто не будет: семейные живут в отдельной половине барака, здесь только мужики — по вербовке на портовые работы из Архангельской области, так они только ушли в свою смену, он за дежурного истопника остался.

◆ В тот вечер они хорошо поговорили, присоединившийся к концу беседы мужик выставил от себя бутылку хорошей самогонки, поджарил большую сковороду трески.

В числе прочего вспомнили и об «Эдинбурге». В то время, хотя, конечно, в газетах об этом не писали, и Левитан чеканным голосом не сообщал, но среди моряков-североморцев уже знали о характере груза крейсера. Джеймс горячился, вспоминая обиду, нанесенную Андреяну — медаль вместо ордена, — сказал, что если его командиры так плохо оценили смекалку русского старшины, то он, лейтенант Лэнг, компенсирует русскому герою английским боевым орденом Георга; завтра же попросит своего полковника составить ходатайство. Здесь же, за барачным столом, записал в свою книжку точную английскую транскрипцию фамилии, имени и отчества героя.

— Не знаю, Андрэй-йан, увидимся ли еще,

но орден Георга от короля я тебе гарантирую, а от меня — возьми, что есть, — и Джеймс хлопнул ладонью о ладонь Андреяна, отнял ее, а на ладони засверкала золотая гиней; золотой у Андреяна то ли затерялся, а, скорее всего, украли в первый послевоенный год. Еще он записал в свою книжку калужский адрес старшины — адрес его младшей сестры, жившей в деревне; другого адреса у него не было; не давать же адрес дядьки, уже подполковника НКВД? Вырвав листок, Джеймс написал и оба свои адреса: лондонский и ливерпульский: «Пиши обязательно, а будешь в Англии — заезжай без церемоний!»

Расставаясь у пирса, они обнялись. Больше им встретиться на этом свете не довелось, хотя до самого конца войны они не теряли друг друга из виду, при случае передавая приветы через знакомцев.

Орден Георга Андреян так и не получил, хотя наверняка и точно знал, что Джеймс ходатайствовал об этом: в начале сорок пятого, распекая вечного старшину за историю с Косыгиным, Шулейко, уже свежеиспеченный полковник, проговорился: «...Мать твою! Был ты старшиной второй статьи, им и войну закончишь. Ордена Георга ему, видишь ли, захотелось!»

Так и закончил Андреян войну со скромным иконостасом: к давешней «За боевые заслуги» без номера добавилась положенная кадровикам «За оборону Советского Заполярья» и всем положенная медаль «За победу над Германией», а в сорок восьмом, за месяц до демобилизации, получил и «XXX лет Советской армии и флоту». Впрочем, многие сухопутные

моряки и этого не имели; бытовала после войны среди мореманов присказка: где североморцы с орденами? — Между Кильдином и Шпицбергенем! То есть на дне Баренцева моря.

Еще Андреян от той войны захватил в мирную жизнь затаившийся туберкулез и язву, что пришлось ему лечить и оперировать в пятидесятилетнем возрасте, когда организм человека выявляет все свои скрытые недуги. Поэтому Андреян и прожил всего-навсего семьдесят с небольшим, хотя у его предков-старообрядцев — родители не в счет, они от холеры в гражданскую померли — в моде были возрасты 100—110 лет.

Закончил Андреян свою жизнь в самую горбачевщину, может и к лучшему, не увидел разрушения и гибели государства, которому отдал годы и здоровье...

Совершенно неожиданно и каким-то другим боком орден Георга выплыл уже после смерти Андреяна. Намечались очередные демократические выборы, почтовые ящики граждан — у господ в вилах ящиков не было, им почту в офисы приносили — каждый день разбухали от подметных листовок, газет и даже брошюр, описывающих подвиги кандидатов. Николай Андреевич макулатуру эту не читал, конечно, но приспособился использовать большеформатные газетные листы из добротной бумаги с пользой: заворачивал в них бутерброды-торомозки, что брал с собой на работу; в столовую он и его коллеги давно из-за дороговизны перестали обедать ходить. А когда эти бутерброды ешь в обеденный перерыв под чаек собственной заварки, то глаза поневоле ищут себе занятия, вот и прочитаешь какую-нибудь чушь в промасленной газетке.

Но одна пространная заметка раз как-то не на шутку заинтересовала Николая Андреевича. Автор статьи, по всей видимости, получил редакционное задание извлекать в грязи конкурента по выборам, выставив на передний план достоинства патронируемого кандидата, но сделать это аккуратно, не прямыми, но косвенными сопоставлениями, поскольку конкурент, хотя и был коммунистом, но именно он в текущий момент занимал ту должность, которая и была предметом грядущих выборов.

То есть обляять и обогатить напрямую было опасно.

◆ Получив задание от начальника выборного штаба, нанятый на время предвыборной компании матерый журналиста Семен Липкин, хорошо известный в их городе корреспондент бывшего органа областного комсомола, а ныне рупора демократии, процветающего и скандального восьмиполосного «Юного Ленинца», не долго думал-размышлял. В совершенстве — ведь *ВКШ** закончил! — владея тем, что сейчас называют модным словом «пиар», он решил написать статью на сопоставлении и вышибить пот негодования у демократической общественности — торговко-челночниц, не имеющих царя в голове интеллигенции, зомбированной телеящиком молодежи и умеющих читать бандитов — историческими параллелями. За основу сопоставления он взял прямо противоположные мнения о «большом брате» — Америке, накануне высказанные обоими конкурентами и еще памятные жителям города. Кандидат от компартии, выступая по мест-

* Высшая комсомольская школа (старорежимн.).

ному телевидению, крайне нехорошо отозвался о «старшем брате», который и разрушил СССР, а в качестве извечного американского вероломства сослался на исторический прецедент: бесконечное затягивание открытия второго фронта в годы войны, стремление отделаться от действенной помощи восточному союзнику ленд-лизомскими поставками, весь объем которых не превышал 8 % от советского производства...

А его конкурент от правых сил, молодой и энергичный предприниматель, хозяин обоих городских кладбищ и всех платных сортиров города, бывший второй секретарь обкома комсомола Леонид Хребтоломов буквально накануне поделился с читателями «Юного Ленинца» своими впечатлениями о недавней поездке в Империю Доллара для стажировки в части муниципально-хозяйственного бизнеса; ездил он по более прозаическому делу: переводить нажитые трудовые в «*Bank of New York*» и заодно купить завалящий домишко-виллу во Флориде. Статью эту за пару сотен «зеленых» писал сам Семен Липкин, ему же и проще было выстроить центральный эпизод сопоставления, где требовалось документально показать героизм американцев в войне, их неоценимую помощь СССР, наконец, черную неблагодарность советского руководства, да и вообще советского народа, по отношению к звездно-полосатой державе-спасительнице.

Как и всякий интеллигент-средняк из пишущей братии, всю жизнь стремящийся покинуть «эту страну» и обосноваться в краях похлебнее, Семен хорошо знал еще с советских времен, кроме русского литературного и родного разговорного, английский язык. Теперь это зна-

ние и здесь пригодилось, в «этой стране», где с каждым годом все труднее и труднее становилось без знания *english* получить сколь-либо терпимо оплачиваемое место.

На следующее за получением редакционного задания утро матерый шакал пера вышел из своей квартиры затемно и сперва-наперво заскочил на часок к Регине, общедоступной журналистке из их «Ленинца», двадцатисемилетней и еще не очень потрепанной — для вдохновения. С ней же доехал до редакции газеты, где с рук-на-руки сдал спутницу собственному фотокору газеты, который с ежеутреннего похмелья использовал мужелюбивую журналистку в своем закутке-фотолаборатории, сумрачно освещенном вечным красным фонарем...

Сам же заглянул поздороваться со своим заведомом и сообщить, что он на сегодня занимается в архиве-библиотеке редакции, поэтому на экстренные выезды, коли такие случатся, пусть пошлют кого помоложе. Заведомом, видевший в окно, как Семен подходил к редакции с Региной, что-то проворчал насчет «борделя, который развели в коллективе», Семену же кивнул в том смысле, что халтура — дело святое, но и про интересы газеты надо помнить... Семен неопределенно хмыкнул и ушел в архив. Зав же отделом был издавна, еще с советских времен, сторонником иной ориентации полов, поэтому брезгливо относился к внутриредакционному разврату. Сам он в свое время даже подпал под редко применяемую статью о муже-и скотоложестве, правда, срок получил условный — судья волею случая из их же братии оказался. Теперь этим сроком козыряет: жертва

тоталитаризма! Еженедельно, в ночь с пятницы на субботу, посещает клуб по интересам «Ганимед»; чисто мужской.

◆ Уже прочитав основательную статью Семена Липкина в промасленной бутербродами с маргарином и килькой подметной газетенке, изданной на сортирные деньги Леонида Хребтоломова, Николай Андреевич в послеобеденной тишине своего конструкторского отдела ломал себе голову: что есть истина и что есть ложь? А главное — кто сделал кашу из достоверного факта: Семен или автор статьи в той самой американской газете, на которую Липкин ссылается? Наверное, решил он, оба исказили, выполняя каждый по-отдельности, социальные заказы своих хозяев.

Итак, по статье в промасленной газетке получалось, что морской американский сержант Джон (но не Джеймс!) вначале служил в Анкоридже на Аляске при тамошнем ленд-лизировском управлении... далее Семен на целый столбец развез описание и перечисление поставок Америки СССР через Дальний Восток; получалось, что одних этих поставок за первые полгода ленд-лиза, что Джон служил в Анкоридже, хватило Советам до взятия Берлина. Далее Липкин снова вернулся к героической личности Джона. Как опытного специалиста с высшим образованием и знанием русского языка, сержанта перевели в ленд-лизировскую команду в Мурманск. Там Джон совершил множество подвигов и был награжден высшими орденами США и Англии, получил офицерский чин, но от русских он не дождался даже солдатской медальки... В действительности же Джеймс

Лэнг к концу войны имел три советские награды. Там же на Севере Джон подружился с русским моряком, старшиной, который тоже как бы совершил подвиг: в сложной обстановке, ночью в туман и восьмибалльный шторм, сумел, находясь на наблюдательном посту, обнаружить и предотвратить крушение английского транспорта с особо ценным грузом, шедшего в Мурманск и по метеоусловиям отбившегося от ленд-лизовского каравана.

Как тотчас сообразил Николай Андреевич, то ли американский журналист, а скорее всего Липкин, заменили «Эдинбург» на транспорт; оно и понятно: кому же нужны такие пикантные подробности, что в самые трудные времена войны союзники, словно мелочные лавочники, не верящие в долг, торопились вывезти из истекающего кровью СССР плату золотом за свою тушенку и какао-плоды...

Так получилось, что геройский русский моряк имел кулацкое происхождение (!?), то есть его родители имели в свое время лошадь и теленка-первогодка, поэтому политотдел «зарубил» его представление к награде. Пораженный такой черной неблагодарностью, Джон от имени ленд-лизовского управления ходатайствовал перед королем о награждении его английским орденом за спасение английского же судна с ценным стратегическим грузом. Действительно, орден Св. Георга вскоре прибыл и был передан в наградной отдел Северного флота. Однако политотдел был начеку. Поскольку у геройского советского моряка — Семен в статье, избегая слова «советский», везде писал — русский — было сложное для иностранцев фамилия-имя-

отчество, то Джон сначала ошибся в транскрипции, ошибка также вкралась и в официальный королевский указ, наконец, малограмотные политотделы еще раз исказили при обратном переводе на русский. В итоге, хотя все знали о ком идет речь, моряка с такой фамилией-именем-отчеством в кадровом списке флота не оказалось...

Самое паскудное, как возмущался Семен Борисович, орден этот забрал-присвоил себе видный политотделец, слегка похожий по своим фамильно-именным данным на геройского моряка, а некоторое несоответствие с английской транскрипцией в королевском указе мотивировалось все той же ошибкой в переводе на латиницу и обратно сложной русской фамилии-имени-отчества...

От души посмеявшись над последней нелепицей, Николай Андреянович, заинтересовавшийся было некоторыми совпадениями рассказанного в статье и известного ему от отца, потерял к чтению всякий интерес и хотел было скомкать газету и выбросить в мусорную корзину, но что-то его остановило. Пропуская целые абзацы и колонки восхвалений в адрес американских союзников, Николай Андреянович натолкнулся на фразу, совпадение содержания которой с действительно бывшим никак не могло быть случайным: Джон закончил свою службу в Мурманске трагически — и по вине неблагодарных русских! Проходя мимо некоего официального здания в ранневесенний день, он загляделся на чистое голубое небо, так напомнившее ему безоблачные небеса родного штата Канзас. В это время на крыше здания несколько про-

штрафившихся матросов отбивали с ее кромок густо наросшие за ночь сосульки. Увидев заинтересовавшегося американского офицера, они со злорадством и враз дружно громыхнули ломами, а посыпавшиеся колья-сосульки выкололи оба глаза у геройского иностранного моряка...

Да, Джеймс Лэнг действительно вернулся в Англию слепым; о долгой войне, России и русских, советских друзьях-однополчанах ему осталась лишь память. В конце апреля 45-го года, уже с оформленными документами об увольнении со службы королевскому флоту, он шел по главной и тогда единственной улице Североморска, загляделся на синее небо, которого не видел полгода, неосторожно остановившись у стены двухэтажного здания. В это время ударила залпом зенитная батарея, рядом, в Верхней Ваенге; немцы уже давно не появлялись в северном небе, залп был учебным, по баллону воздушной мишени, что тащил за собой на пятиверстовой высоте на тросе самолет. Звуковая волна шарахнула по крышам домов, стряхнув тонны сосуллек, которые в тех местах ранней весной нешуточная опасность. Две из них и ослепили Джеймса. Об этом несчастье Андреян узнал из случайного разговора уже после Дня Победы. Он позвал в свою рубку Жору Асатурьяна, вернувшись из Североморска, и они молча выпили поллитровку спирта.

Николай Андреевич уже бережно разгладил газету, аккуратно сложил и упрятал во внутренний карман пиджака. После работы зашел с коллегами в пивную «Восток», одну из немногих оставшихся от старых времен, куда пускали еще *простой народ*, а значит и цены

были мало-мальски реальные. Рассказал о сегодняшней газетной находке. Коллеги советовали обратиться сначала к автору статьи, выяснить первоисточник, а потом действовать через военно-архивное управление. Николай Андреевич попервоначально воодушевился, несколько дней обдумывал, даже пару раз с работы звонил в редакцию «Юного Ленинца», но Липкина на месте не оказывалось. Однако по прошествии недели поостыл, припомнив в разное время читанные и слышанные истории про страшную волокиту и неразбериху в архивном военном ведомстве. Да и к чему ворошить? — Пусть останется как есть.

...Хотя орден Георга красивый и внушительный; Николай Андреевич по большим праздникам лицезрел его на груди пожилого, но бодрого инженера по оборудованию Метелина из отдела техдокументации; тот в последний год войны служил штурманом — после авиашколы — в дальней бомбардировочной авиации и летал из Белоруссии в Англию и обратно в знаменитых «челноках»*.

◆ Джон-не-Джон, но вот уроженец штата Северная Каролина, чистокровный янки Майкл Холлувэй почти что побратимом старшине Андрееву стал; отсюда, кстати, и заглавная история с серебряной ложкой. Ну, об этом дальше. А выделил Андреев Холлувэя уже через пару не-

* Не дай, бог, спутать с современными мешочниками-барахольщиками... Кстати, почему-то мало кто, даже из старших поколений, знает, что челночные бомбардировки Германии производили на паритетных началах как английская, так и советская авиация.

дель после прибытия последнего на пост. Шел декабрь сорок второго, самый разгар Сталинградского сражения. Как-то совершенно неожиданно к острову подрулил политотдельский катер, а прибывший на нем майор Шулейко, построив личный состав поста — союзников оставил в соседней комнате — произнес краткую и суровую речь о том, что судьба войны решается сейчас на Волге, и долг всех советских людей, моряков-североморцев тем более — своей грудью защитить Сталинград. Короче, от вашей команды — два добровольца:

— Добровольцы есть? Два шага вперед!

Как и положено старшему, два шага сделал Андреян, чуть помедлив, ту же артикуляцию проделала и команда. Так было положено. В этих действиях никто и не заметил, что из соседней комнаты тихо вошел Холлувэй и пристроился на положенный союзникам левый фланг и сделал два шага вперед со всей командой. Майор Шулейко потом объяснял это тем, что американец, не зная русского языка, не понял суть речи и приказов командира. Однако сам Холлувэй — за время общения с союзниками наши матросы научились с ними общаться на ломанном русско-английском — позже утверждал, что он осознанно вызвался добровольцем, правда, для храбрости пару раз приложился к фляжке с виски...

Осмотрев одобрительно строй добровольцев, похвалив выправку и бодрость духа, молча отведя за рукав от строя и направив к двери Холлувэя, Шулейко чуть помедлил и назвал две фамилии: один из этих двух счастливицев как-то попался Шулейко несколько нетрезвым,

а другой привел политотдельца в негодование, отрастив полгода назад усы, что, с его точки зрения, вовсе не являлось нарушением формы одежды. Шулейко придерживался прямо-таки противоположного мнения...

Самое интересное, что по прошествии достаточно длительного времени Джеймс Лэнг — это он во время памятной встречи с Андреем поведал — встретил обоих в Полярном: оба служили при штабе, занимали лыжи на погонах, округлившиеся лица светились сытостью. Оказалось, что уже на сборном флотском пункте пришел отбой, армию Паулюса успешно окружали, а матросов разобрали по неукомплектованным командам. Рослые и ладные, как и все штрафники, добровольцы с Тороса приглянулись замначштаба подводников из Полярного, он и взял их к себе. Кому что на судьбе написано; на длинной войне человек приучается ничему не удивляться, не завидовать, по возможности не огорчаться. А флотский фатализм и вовсе хорошо известен.

◆ И хотя Холлуэй во время бомбежек спускался в убежище, но скорее из компатриотства с земляками, Андреем его сразу выделил и на вахту старался ставить с собой.

В начале февраля сорок третьего, получив известие о победе под Сталинградом, Андреем, нарушив сухой закон, устроил для команды ужин со спиртом из НЗ, а для надежности на ночную вахту встал сам-друг с крепким на спиртное Асатурьяном. Кстати, на этом ужине союзники выставили от себя припасенные две бутылки шотландского, а Холлуэй пожаловался Андреему на неблагоприятность своей фамилии,

пояснив, что означает она какую-то чертовщину навроде шабаша ведьм и сатаны.

По всей видимости, это очень и давно волновало Майкла. По его словам выходило, что фамилию эту дьявольскую предки его получили на своей родине — в сатанинском городе Солт-Лейк-Сити, где всем заправляют богопротивные многоженцы-мормоны.

...Последнюю стопку, стоя, выпили за великого Сталина; предпоследнюю пили за двух славных добровольцев с Тороса... Черчилля, Рузвельта и короля Георга тоже вспомнили добрым словом.

◆ Со второй половины февраля на залив пали долгие, едкие туманы, что стоят неделями. На это время война прекращается: отдыхают на норвежских аэродромах немецкие летчики, надводные корабли стоят у пирсов, только подводным лодкам туман не помеха.

В один из таких дней за обедом, исключая двух вахтенных, недосчитались Холлувэя. Учитывая, что во время плотного тумана по строжайшей инструкции за пределы веревочной ограды вокруг здания поста и хозслужб выходить не разрешалось, дело принимало серьезный оборот, тем более, что речь шла о союзнике. Случись что, за своего взгреют, а за союзника какие-никакие и погоны снимут со всеми неутешительными последствиями. Война на дворе...

Еще раз обыскали все помещения, затем, встав по периметру ограждения, с полчаса звали Майкла. Ответа не было. Андреян взял ракетницу — у нее хлопок громче — и осторожно ступил на полузаметенную тропинку, спускающуюся к воде. Видимость не более метра, то

есть и тропинку-то рассмотреть можно только наклонившись. Куда его к черту понесло? — Уже после окончания этой истории Майкл рассказывал, что, сменившись с последней ночной вахты, впал в хандру, которую он всегда испытывал в затяжные зимние туманы. Поев без аппетита на камбузе — на общий завтрак он из-за вахты не попал, он пошел в свой кубрик, лег на койку, но сон не шел. Оделся и вышел на воздух, сделал пару кругов вдоль ограды, затем ему послышался птичий гомон — и такое в туман случается, что утки прямо у поста усаживаются в снег, — Майкл заинтересовался и вышел за ограду, а затем... затем он два часа бродил по колено в снегу, когда замерзал, то вытапывал площадку диаметром в полметра, прыжками согревался, брел дальше. Кричать он перестал уже через первые полчаса, охрипнув в сыром тумане.

Андреяну, семь лет пребывавшему в здешних местах, все было понятно и хорошо знакомо. Здешний туман настолько своеобразен, что его и сравнить-то не с чем; пресловутые лондонские туманы — по авторитетному свидетельству Джеймса Лэнга — и лично виденные ленинградские, Волховстрой, потом Кронштадт, ни в какое сравнение не идут. Кроме того, что они длятся неделями, туманы эти ядовито-едкие, обжигают бронхи и легкие даже при осторожном вздохе и настолько плотны, что ладонь вытянутой руки не видна — на глазах, как в сказочном фильме тает... Скольких людей в тех местах этот туман инвалидами сделал, а еще более и на иной, по сравнению со здешними местами, может и лучший, свет отправил? Но и

здесь место для юмора найдется: когда Иосиф Виссарионович вернул армии погоны, то туман сыграл злую шутку именно с моряками. В отличие от воинов сухопутных, формы которых для младших офицеров и старших, тем более генералов, имеют массу заметных отличий: фактура сукна, форма зимних шапок, папахи у полковников, лампасы у генералов, сложная иерархия золотого шитья, нашивок, петлиц и пр. и пр., — у моряков всех званий, начиная даже и с не-офицера тогда — мичмана, форма единообразная, а в зимнем тумане даже единственное отличие — погоны — и то теряется.

Допустим, когда рядовой моряк или «ундер» в тумане примет широкоплечего лейтенанта за кавторанга и поприветствует того этим званием, то и моряку особо не обидно, а недавнему выпускнику военно-морского училища и вовсе бальзам на душу. Но когда старослужащий старшина откозыряет, став в полный фронт, надвинувшемуся из тумана осанистому мичману, нареча его сгоряча каперангом, то это уже полный конфуз, а у «сундука» квадратная физиономия расцветится ядовитнейшей из ухмылок*.

...Самое скверное, что многодневный туман, порождение Гольфстрима, наводит на человека тоску, угнетает психику самых что ни на есть здоровяков тела и души, а иных во флот в те

* После «снятия» золота с повседневных офицерских погон и введения звездочек у мичманов в 60-х годах туманный самообман и вовсе принял гиперболические формы: запросто мичмана можно принять за вице-адмирала; старших мичманов за адмирала флота не принимают только потому, что последний редок и без свиты не появляется на людях...

годы не брали. Даже собаки и кошки угрюмеют в эти туманы. Туман человека непривычного затягивает, гипнотизирует, как колдунья манит в свои тенета. Вступи, дескать, в меня, вступи, ничего страшного во мне нет! Действительно, входить в туман нестрашно, чувство опасности притупляется. Это как с движущимися автомобилями; светлым днем человек их опасается, дорогу не переходит, едва увидев появившуюся за пару десятков метров машину, но вот в вечерней или ночной темноте смело и неторопливо переходит широкое шоссе прямо перед светящимися фарами: потому что и самой-то машины не видно, одни веселые фары, а темнота скрадывает соразмерность пространства. Точно так же обманывает человека и густой туман.

◆ Начавшаяся легкая поземка, из тех, что туман согнать не осиливает, но следы замечает, сделала тропинку к воде почти незаметной, но Андреян этот путь топтал не один год службы на Торосе. Вода языком выступала из тумана и лизала галечный берег. Андреян прошел от скалы до скалы, слева и справа на пару сотен метров обрамлявших этот единственный на островке «пляж». На крики отзыва не было. Он поднялся обратным путем на гору и через четверть часа был на противоположном, но уже обрывистом берегу острова. Еще через час он приближался к самому отдаленному островному выступу. Кричать он тоже давно перестал: туман съедал все звуки в полусотне шагов.

Этот дальний выступ был и самым обрывистым, самым коварным. Абсолютно отвесные стены выступали из воды невероятной глубины и высились на сотню метров. Наметенный за

полузиму снег нависал козырьком над стеной: человек идет себе в тумане по ровному снежному полю и вдруг проваливается, летит сотню метров, уходит с головой в тяжелую, переохлажденную воду, мигом коченеет, у него сводит мгновенно руки-ноги, а начавшийся отлив тихо относит в море оледенелый труп...

Еще со времен устройства поста на острове берег этот опасный был помечен столбами-вешками. Андреян, проваливаясь по пояс в снежном насте, осторожно, ориентируясь по вешкам, появляющимся из тумана при ходьбе, обходил берег выступа. Окрики ощутимо тонули в тумане, однако у четвертой по счету вешки ему почудился ответный крик. Показалось? — Он накинул на столб заранее сделанную петлю взятого с собой тонкого фала* и, разматывая моток, осторожно двинулся в сторону обрыва. Через десять-пятнадцать метров на его окрик уже явственно отозвался сиплый, слабый голос Майкла. «Стейт! Стейт!» — закричал Андреян. «Йес, йес Андрэй-ян!» — сипело, но уже, обрадовано, из тумана.

Андреян скорректировал курс, но через десяток метров фал закончился. «Ком цу мир!» — закричал Андреян, учивший в школе и техникуме немецкий. «Йес, пон-нимай!» — отозвался Майкл. Дабы Холлувэй держал правильно курс и не тратить слов понапрасну, Андреян произнес краткую, но содержательную воспитательную речь, отборно пересыпанную матом. К концу ее из тумана вывалился Холлувэй, по пояс в

* Прочный, особым образом сплетенный трос (морск.)

заледеневшем снегу, посиневший лицом. Шапка была с опущенными «ушами» и завязана под подбородком. Для моряка это все одно, что штатскому выйти на улицу в кальсонах...

Уже на посту, после камбуза с оздоровительной стопкой, Холлувэй рассказал, что, выйдя на вешки, он вспомнил их назначение и пошел перпендикулярно линии вешек, полагая, что идет вглубь острова... Сопоставив длину фала, примерное расстояние между Андреяном и Майклом, коллективно вычислили, что идти bravому янки оставалось чуть более десятка шагов.

Холлувэй, чувствуя себя трагическим героем дня, растерянно улыбался, потом вскочил, схватил руку Андреяна в обе свои, сирым голосом горячо произнес на одном выдохе длинную фразу, в которой упоминался «годд», Андрэй-ян и почему-то Гитлер, правда, в неодобрительной интонации. Затем он исчез из камбуза и вернулся с довольно-таки массивной чайной ложкой с затейливыми виньетками и выпуклой надписью на черенке: «*U. S. Navy*»*, которую и вручил Андреяну.

В команде, где все и все друг о друге знают, было известно, что раньше Холлувэй служил на эсминце, который был в самом конце 41-го года, чуть ли не через неделю после объявления Германией войны Америке, потоплен немецкой подлодкой у берегов Англии. Англичане же и подобрали моряков, успевших надеть спасательные пояса. Из всех немудреных личных вещей моряка Майкл при спасении имел

* Флот Соединенных Штатов (англ.).

матросскую книжку и серебряную ложку, то есть то, что и носил всегда в бушлате. Книжка почти не промокла, ибо находилась во внутреннем кармане, да еще плотно прижата спасательным поясом. А ложку Холлувэй уже с полгода постоянно носил с собой — талисман; за полгода до гибели эсминца, последний попал в сильнейший шторм в Атлантике, и матрос Холлувэй, рискуя сам быть смытым, успел схватить за рукав штурмана, вышибленного волной за борт, но успевшего схватиться за бортовой поручень. Офицер назвал его спасителем, выхлопотал Холлувэю медаль за мужество, а от себя подарил личную его чайную ложку из парадного прибора кают-компания. «Носи всегда с собой, серебро — лучший талисман для моряков; а если тебя кто спасет от неминуемой, то передай ему...» — напутствовал штурман, философ и фаталист в душе.

◆ Андреев ложку-талисман в кармане не носил, но до самой своей кончины пил чай, любителем которого был страстным, по старой русской традиции, не вынимая ложки из стакана. Эта ложка была сугубо его личной, впрочем, будучи потомком калужских старообрядцев-поповцев из деревни Дворцы на том самом берегу реки Угры, где произошло знаменитое «противостояние на Угре», он, вольнодумец и материалист, в церкви бывший один раз в жизни — когда его младенцем грудным крестили, — он имел собственную тарелку, стакан, ложку и вилку. А завершив военную службу Отечеству, постоянно носил бороду.

Много событий, громких имен, вошедших в большую историю, сопутствовали жизни Андреев-

на, простого русского моряка. Беды и невзгоды переносил он со стоицизмом, в спокойное время расслаблялся душой, был незлобив и бескорыстен, всегда сам по себе, хотя отшельником не жил и не ощущал себя. Это и есть характер русского человека, ныне почти изжитый.

А живут люди на Земле-планете тесно, хотя их миллиарды. Андреян, Асатурьян, Гришак, Джеймс Лэнг и Майкл Холлуэй, два сменивших друг друга командующих Северным Флотом, министр Косыгин, руководитель комсомола, а потом и партизан Карелии Андропов и многие, многие другие, наконец, и постоянно растущий в званиях политотделец Шулейко — какая судьба собрала их с разных концов света, а, что еще интереснее — с разных социальных ступеней, и свела в одно место и в одно время? Малой стала Земля...

Кстати, о Шулейко; бывает же так, что сведет судьба с человеком, обычно малопривлекательным тебе, и всю жизнь на него натыкаешься. Таким вот для Андреяна оказался Шулейко. В середине 48-го года Андреян, скрипя зубами, уже женившись и ожидая сына — нашего знакомого в будущем Николая Андреевича, подсчитывал чуть ли не дни до увольнения: через полтора месяца должно было стукнуть ровно двенадцать лет службы, что давало право кадровому (то есть призванному еще до войны) на пенсию в тридцать лет; понятно, с учетом военных лет, службы в Заполярье и пр.

Само собой понятно, что пенсия его мало занимала, да и как она может всерьез интересоваться тридцатилетнего человека, видного собой, отмотавшего десять с лишком лет, чуть не поло-

вину военных, да почти сразу после окончания войны, заставившей всех и все думать об иных ценностях?

Он был настроен снять старшинскую форму сразу после Победы, но многоопытный в жизни Асатурьян, который и сам не рвался в свой Армавир, посоветовал не торопиться, а сначала съездить на родину в отпуск. В родной деревне, полусожженной, маялась с детьми мал-мала меньшая сестра с похоронкой на мужа. А в Калуге — карточки, всеобщий разор, по вечерам и ночам шпанье свищет. Дядька, его воспитатель и самый удачливый из семейства, увы, помочь никому и ничем не мог; был он уже не полковником НКВД, но осужденным на одиннадцать лет за должностное преступление; впрочем, это тема отдельного повествования.

Да и родня деревенская и городская, особенно повоевавшие мужики, в голос уговаривали: дескать, не дури, Андрейан, были бы мы кадровыми, не задумываясь, в армии остались, переждать это лихое время в тепле, порядке и сытости!..

Андрейан послушался и, догуляв отпуск, вернулся на службу, правда, каждое лето приезжал в отпуск. Служил он на посту СНИС'а, но уже в обжитом месте, недалеко от Мурманска, прямо через залив напротив Североморска. Служил уже не старшим на посту — в мирное время начальники плодятся как грибы!

И дослужил бы до пенсии, но Шулейко, видно, предчувствуя расставание с опекаемым с довоенного времени, зачастил на пост и довелтаки Андрейана до того предела, что плюнул тот на пенсию и подал рапорт об увольнении. Шу-

лейко помог скоренько все оформить. Вот уж расчетливым и терпеливым ради этой расчетливости Андрейн никогда не был, да и не стремился им быть.

Однако теперь семейному Андрейну на родину было возвращаться и вовсе не с руки, благо рабочих рук на Севере всегда не хватает, а руки у него росли из нужного места. Так и прожил он в тех местах до середины 60-х годов: подросли и стали заканчивать школу дети, пора было их вывозить на Большую землю. А тут кстати и обосновавшийся в Т. после отсидки дядька, бывший полковник НКВД, стал зазывать к себе. И зазвал, продав племяннику половину дома в спокойном и недалнем городском пригороде, при металлургическом заводе.

С каким же изумлением он как-то рассмотрел, садясь на автобус, полковника Шулейко, но уже в штатском. Тот тоже узнал в бородаче бывшего старшину. Из разговора выяснилось, что экс-политотделец живет тоже в собственном доме через две улицы, а работает начальником отдела режима на крупном заводе в центре города.

Позже, встречаясь на автобусной остановке, оживленно вспоминали северное житье-бытье. Шулейко про орден Георга — ни полслова, зато часто и со смехом вспоминал, правда, оглядываясь на пассажиров и понизив голос, как Андрейн обстрелял из тяжелого пулемета Кольта катер с Косыгиным. Впрочем, это тоже отдельная история.

◆ Наследство после Андрейна осталось немудреное, больше памятное. Николаю Андреевичу — медали отца, одному его бра-

ту — семейный альбом, а третьему, самому непутовому, — серебряная ложка, которую в родительском доме, где он остался жить и который превратил в подобие шалмана, то ли украсили веселые собутыльники, а может и совместно пропили.

Иной мир, иные времена, иные люди...

Отец Алексея Яшина — моряк-североморец Афанасий Андреянович, участник Финской кампании и Великой Отечественной войны — прототип одного из постоянных героев цикла «рассказов Николая Андреяновича». Мирные 60-е годы, маяк Большой Олений — совместное владение гидроотдела Северного флота и Главсевморпути

Послевоенные моряки-североморцы строем выходят из дэкафа города Полярного

ЭПИЛОГ: ПЕРВЫЙ КАВЕРИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС В ПОЛЯРНОМ

Каверинский литературный конкурс, посвященный 110-летию со дня рождения Вениамина Александровича Каверина, проводившийся в целях популяризации его творчества, выявления и пропаганды лучших литературных произведений современных авторов, их поддержки, организатором которого является издатель Игорь Опимах, состоялся с декабря 2011 по май 2012 года. Конкурс проводился при поддержке муниципальных органов власти ЗАТО Александровск Мурманской области, СРЗ «Нерпа». О своей поддержке конкурса сообщили Мурманская организация Союза писателей России, Мурманское отделение Союза журналистов России, литературное объединение «Полярное сияние» (ЗАТО Североморск) и другие.

Участвовать в конкурсе были приглашены как писатели-профессионалы, так и самодеятель-

ные авторы. На конкурс принимались повести, рассказы, стихотворения и краеведческие работы, написанные на русском языке и ранее не публиковавшиеся.

В Жюри Каверинского литературного конкурса вошли члены Псковского отделения Союза писателей России: А. П. Казаков, В. В. Пшеничная, И. О. Исаев, В. Я. Курбатов, а также Н. А. Черкашин (Москва), Т. В. Берникова — внучка В. А. Каверина (Москва), Н. А. Бакшевников, председатель правления Мурманской областной организации Союза журналистов России (Мурманск). Мурманское отделение СП России делегировало в Жюри Каверинского конкурса: Т. П. Агапову, А. С. Рыжова, В. В. Сорокажердьева.

Конкурс проводился в трех номинациях: поэзия, проза, историческое краеведение.

Предусмотрены четыре главных премии в каждой номинации: для автора из Мурманска и Мурманской области, для автора из Пскова и Псковской области, для автора из России, для автора из других стран; и две специальные премии: для авторов из городов ЗАТО Александровск (Полярный, Снежногорск, Гаджиево), для авторов-журналистов. Лауреатам в середине

сентября, как было объявлено, будут вручены дипломы с символикой конкурса, памятные Каверинские медали и премии.

Специально для Каверинского литературного конкурса подготовлена памятная медаль. Ее автор — художник Александр Дмитриев из г. Снежногорска. Изготовлена медаль на снежногорском СРЗ «Нерпа». На аверсе медали — слова «Каверинский литературный конкурс» и портрет Вениамина Каверина, созданный на основе рисунка времен войны, сохранившегося в архиве писателя. Этот рисунок-набросок сделал в блокноте адъютант командующего Северного флота, когда военкор Каверин прибыл в Полярное. При работе над медалью художнику удалось штриховое изображение превратить в рельефное. На реверсе медали собраны графические символы, с которыми связывают обычно каверинские произведения. Внимательно рассмотрев изображение, найдем «Святую Марию» во льдах и гидросамолет на фоне северного сияния. Указан год проведения конкурса. Обозначены и два города, которые Каверин считал самыми важными в своей судьбе, — Псков и Полярный. Город Полярный ныне входит в состав ЗАТО Александровск, это административное название также увековечено на медали. Поскольку медаль еще никто, кроме художника и рабочих мастерской, не видел, пока не закончился конкурс, публикуется только фотография реверса.

В 2012 году будет издан «Каверинский сборник». В него войдут, в том числе, и лучшие произведения, пришедшие на конкурс. По окончании конкурса в ЗАТО Александровск пройдет Каверинский литературный вечер, на кото-

ром выступают профессиональные и самодеятельные авторы — участники конкурса. Обсуждается проведение такого же вечера в Мурманске. Информация о конкурсе публикуется по адресу <http://kaverin.opibook.ru/>

Всего в конкурсе принимали участие более *шестисот авторов*, разделенных на четыре группы: из Мурманска и Мурманской области, Пскова и Псковской области, из других регионов России и из других стран. Более ста писателей представляют регионы России и двадцать пять несут русское слово в странах ближнего и дальнего зарубежья: Украине, Казахстане, Армении, Эстонии, Болгарии, Финляндии, Франции, Германии, Нидерландах, Израиле и США.

Следует сказать, что организатор Каверинского конкурса Игорь Николаевич Опимах из г. Полярный Мурманской области. Он работал в знаменитой средней школе № 1 им. М. А. Погодина, описанной в произведениях многих писателей (*Юрий Герман, Алексей Яшин и др.*). Учитель русского языка и литературы И. Н. Опимах открыл в школе литературно-краеведческий музей. Музей просуществовал три года и был расформирован в связи с уходом Игоря Николаевича на другую работу — главным редактором «Северной субботней газеты», которая издается в городе*.

В школе учился известный писатель, туляк А. А. Яшин. Под руководством Ирины Ивановны Осиповой создан школьный музей. В результате поисковой работы старшеклассников

* Ирина Осипова. Школьный музей за полярным кругом. «Приокские зори», № 2, 2010, С. 270

был собран материал и о самой школе, и о людях, которые здесь работали и учились. Библиотека и музей школы регулярно получают номера издающегося в Туле журнала «Приокские зори», главным редактором которого является Алексей Афанасьевич, поддерживают связь с редакцией*.

Город Полярный имеет интересную историю. В годы Великой Отечественной войны он, основанный в 1899 году под названием Александровск как база Флотилии Ледовитого океана, был «столицей» Северного флота. Сейчас — Город воинской славы и база Кольской флотилии Краснознаменного Северного флота.

Своим рождением город обязан гавани, расположенной между западным берегом Кольского залива и островом Екатерининским, лежащим к югу от устья Оленьей губы, в десяти километрах от выхода в Северный океан. Сведения об этой местности восходят к XVI веку.

В связи со шведской угрозой в конце 30-х годов XVIII века в Архангельске началось строительство военных кораблей. Их зимней стоянкой была Екатерининская гавань (Полярный). Александр III одобрил предложения по созданию «главной морской базы» русского военного флота на Мурмане в Екатерининской гавани. Главным подвижником в этом деле был министр финансов С. Ю. Витте. Николай II не решился проигнорировать пожелание отца об устройстве порта на Севере, но согласился лишь на создание «коммерческого порта». Однако

* Ирина Осипова. Школьный музей за полярным кругом. «Приокские зори», № 2, 2010, С. 270.

коммерческого порта из Александровска не получилось...

Государственное значение Севера подняла Первая мировая война. Все порты страны заблокировал враг. Только на Мурмане Россия имела открытый выход в океан круглый год. По согласованию с русским правительством к 15 января 1915 года англичане проложили подводный телеграфный кабель из Шотландии до Александровска, где уже существовала линия до Петрограда. Было начато строительство железной дороги...

В 1933 году в Екатерининской гавани началось по личному указанию И. В. Сталина создание главной базы Северной военной флотилии Полярное. Вскоре корабли и подводные лодки вошли в Кольский залив. Так началось создание Северного флота со столицей в Полярном.

Вот что писал В. Каверин в знаменитой книге «*Два капитана*»: *«Мы вошли в бухту, и такой же, как это утро, белый, розовый, снежный город открылся передо мной. Он был виден весь, как будто нарочно поставленный на высокий склон с красивыми просветами гранита. Белые домики с крылечками, от которых в разные стороны разбегались ступени, были расположены линиями, одна над другой, а вдоль бухты стояли каменные дома, поставленные полукругом. Потом я узнал, что они называются циркульными, точно гигантский циркуль провел этот полукруг над Екатерининской бухтой...»*.

Первые бомбы были сброшены на город 22 июня 1941 года. Так для Полярного началась Великая Отечественная война. На протяжении

всех лет войны флагманский командный пункт Северного флота располагался в Полярном. Северный флот сыграл важную роль в отражении наступления противника на Мурманск, осуществил высадку десантов в Петсамо-Киркенесской операции, оказал помощь 14-й Армии в разгроме противника в Заполярье, освобождении Печенги и Северной Норвегии, вел активные действия по нарушению морских перевозок противника и защите своих морских коммуникаций. Все основные военно-морские базы нашей страны в годы войны были оккупированы врагами. Главная база Северного флота Полярный выстояла. Семь героев Советского Союза — героев-подводников и катерников, двенадцать Краснознаменных и восемь Гвардейских подводных лодок дал Полярный стране. Силами флота за годы войны уничтожено 628 и повреждено 237 боевых кораблей и транспортов, сбито 1308 самолетов противника. Соединениями и частями флота, действовавшими на сухопутном фронте, истреблены десятки тысяч фашистских солдат и офицеров. С августа 1941 года Северный флот стал выполнять еще одну задачу: прикрывать конвои союзников. Мужество и героизм проявили труженики плавмастерской «Красный Горн», успевавшие в кратчайшие сроки под обстрелом врага осуществлять ремонт надводных и подводных кораблей. За годы Великой Отечественной войны произведено 248 ремонтов подводных лодок и 134 ремонта надводных кораблей.

В Полярном есть площадь «Двух капитанов», которая названа в честь одноименного романа Вениамина Александровича Каверина (см. фото ниже).

В 1943—44 гг. В. А. Каверин служил на Северном флоте, в Полярном, будучи военкором «Известий». Здесь же была написана вторая часть романа, за который писатель в 1946 году получил Сталинскую премию.

В Каверинском литературном конкурсе принимал участие туляк, родившийся в тех местах, в поселке Белокаменка Мурманской области, проведший детство на острове Седловатом, учившийся в школе № 1 города Полярный, а ныне известный русский писатель Алексей Афанасьевич Яшин.

Его рассказы «Растерялись... два капитана» и «Счастье юного милитариста» представлены на конкурс Тульским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» и редколлегией литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина и медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова журнала «Приокские зори».

Повесть А. Яшина «Страна холода» рассказывает о детских годах, проведенных писателем в Заполярье. «Перед читателем появляется «мужичок с ноготок», который, едва научившись ходить, крепко, сразу на двух ногах, обосновался на земле родного острова, он видит непростую жизненную реальность, участвует в ней без попыток «дезертировать» от ее сложностей, не утрачивая свежего и радостного взгляда на происходящие немудреные события. Для введения в глубь этой детской и, тем не менее, далеко не маленькой души автор находит верные и точные фразы,— пишет писательница Н. Квасникова из Москвы.— ...Вдруг нагрянет осознание важности семейных уз, копейку стоящих по нынешним расценкам. «Страна холода» предстанет ярким образцом самого теплого товарищества и взаимовыручки... Не даром в первой и последней главах немолодой уже человек Николай Андреевич хорошо вспоминает далекие годы, проведенные на будто неласковом, однако приросшем к сердцу клочке суши, хотя увела давно судьба, вполне благополучная, за тысячи километров от него. Размеренное повествование ведется последовательно и логично, языком, вызывающим чувство добротности, прочности, точно подобранных интонаций и глубокого проникновения в сущность вариантов детского и взрослого мироощущения. Неподсахаренная, естественная людская жизнь. Автор владеет и словом, и знанием того, о чем пишет, благодаря чему книга необыкновенно интересна, тем более для читателя, никогда не бывав-

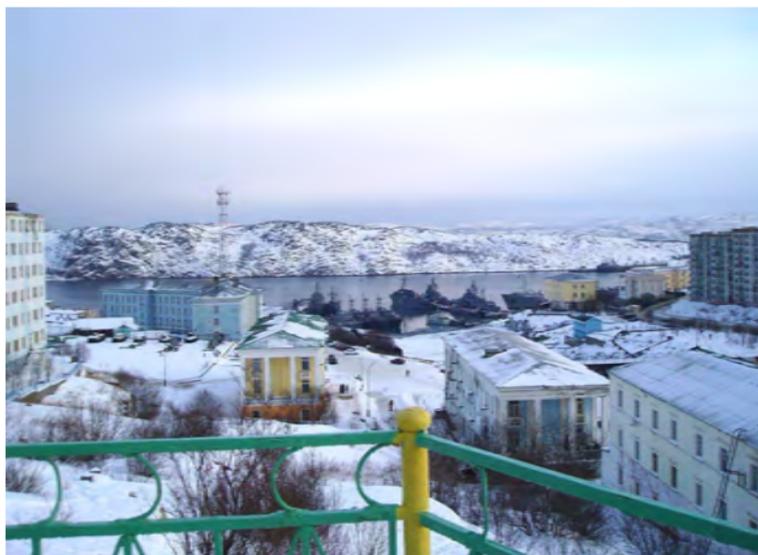
шего в столь дальних широтах. Литературный почерк Алексея Яшина крупный, округлый, впечатляюще самобытный»*.

Писатель Алексей Яшин из Тулы за рассказы «Растерялись... два капитана» и «Счастье юного милитариста» награжден специальной премией «За верность Северу и Флоту», ставший первым лауреатом Каверинского конкурса.

Заметим, что в предвоенные годы в Полярном служил известный советский писатель Юрий Герман. Там же прошло детство его сына, выдающегося кинорежиссера Алексея Германа, который в своих интервью постоянно отмечал, что для него, для его фильмов время остановилось на эпохе его отца и собственного детства в Полярном.

*Материал подготовлен
Яковым Шафраном и Мариной Баланюк*

* Наталья Квасникова. Теплый зов «Страны холода». «Приокские зори», № 2, 2010, С. 248.

Полярный 2000-х годов; вид на Екатерининскую гавань и остров Екатерининский; в здании по центру снимка расположен музей истории города... увы, обилием военных кораблей пирсы не балуют. Справа у пирсов — штаб Кольской флотилии и Циркульный дом

...Они закончили нашу школу на два года раньше и прибыли на ее юбилей в 2006-м году; у памятного знака поэту-североморцу Ярославу Родионову (1903—1943). Почему-то в Полярном знак называют «памятником автору слов «Прощайте, скалистые горы...». На самом деле их автор — Букин, одно время бывший директором школы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю: Предисловие Леонида Ханбекова.....3

ДЭКАФ: Повесть

Глава 1. Первый после боцмана.....	13
Глава 2. Гости электробудки.....	23
Глава 3. Хрущевский эксперимент и дэкаф в жизни Николая.....	35
Глава 4. Хозяйство Николая и его хвостатые соседи.....	51
Глава 5. Николай — спаситель дэкафа.....	68
Глава 6. Ойкумена дэкафа и конфуз Николая.....	78
Глава 7. Кому веселье, а кому трудовые будни.....	93
Глава 8. ...И снова гости электробудки.....	106
Глава 9. «У меня растут года...».....	119
Глава 10. Мнения и суждения о большой политике.....	136
Глава 11. Отцы и дети.....	162
Глава 12. Новая метла в дэкафе.....	183
Глава 13. Лето грядущих перемен.....	204
Глава 14. Прощай, дэкаф!.....	223

Серебряная ложка: Повесть.....241

**Эпилог: Первый Каверинский литературный
конкурс в Полярном.....**287

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
Алексей Афанасьевич

ДЭКАФ

Северные рассказы

(Шестая книга рассказов Николая Андреевича)

Компьютерный набор: Л. П. Хохлова
Редактирование и корректура:
Я. Н. Шафран, А. А. Яшин

Издатель: Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
123995, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24
Тел.: 8-495-691-63-41

Подписано в печать 31.04.2013 г.
Формат бумаги 70×90 1/32. Печ. л. 14,00.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Akademy».
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
издателя